Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ВИ367
П87Ф

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

9975

1926
МОСКВА
ИЗД-ВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

2 кн

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА и МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

СЕРИЯ МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ВИ 367
П 879

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

P. A. K. № Wch. 208 № Inw. 9975 338 П72.

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1926

2 экз.
2 экз

К.

ВИ367
П879

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

сф
8966
~~4960 с.1~~

1200
28

1062419

Главлит 51.849. Тираж 5.000 экз.

27 типография „Красная Печать" при изд-ве Комм. Академ. Остоженка, 10.

Посвящается

Леониду Петровичу

Серебрякову

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошу читателя рассматривать настоящую работу лишь как конспект и к тому же неполный конспект исследования об экономике и финансах Франции. Конспективность и неполнота настоящего очерка об'ясняется, с одной стороны, тем, что автор не хотел надолго отрываться от продолжения своего основного труда о новой экономике, а с другой стороны, отсутствием в самой Франции полного статистического учета всего производства. В результате этого особенно неполной я считаю главу о промышленности. Наоборот, главы о финансах и денежном обращении дают более основательное описание ситуации, потому что в каждом государстве, даже с плохо поставленным статистическим изучением хозяйства, цифры, касающиеся бюджета, валюты и т. д. обыкновенно имеются в достаточном количестве. Большим недостатком работы я считаю отсутствие главы о французских колониях. При попытке дать краткий очерк роли колоний в экономике Франции я убедился, что здесь нужно довольно обстоятельное исследование, которое одно потребовало бы больше времени, чем вся эта работа. Поэтому я решил совсем отказаться от написания главы о колониях, а повторение на эту тему того, что фигурирует на эту тему в учебниках экономической географии, я считал нецелесообразным.

Несмотря на все изложенное, я счел однако целесообразным написать и опубликовать настоящую работу хотя бы в очерченных рамках. Благодаря слишком поздно состоявшемуся нашему признанию Францию мы знаем пока меньше других крупных капиталистических стран. При таких условиях даже наисчерпывающая вопроса работа может все же принести известную пользу нашим читателям.

Выражаю благодарность тов. Спектатору, за товарищеское содействие в подыскании некоторых цифровых справок, которые были необходимы для этой работы.

Е. П.

ПРОБЛЕМА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ

Важнейшей производительной силой общества является сам человек. Поэтому мы начнем наше исследование об экономике Франции с проблемы народонаселения в этой стране.

Как известно, вопрос о народонаселении является больным вопросом для Франции уже на протяжении нескольких десятилетий. Но особенно остро проблема народонаселения встала перед Францией во время и после войны.

До войны, как известно, годы с приростом населения чередовались во Франции с дефицитными годами, а в общем и целом цифра народонаселения оставалась стабильной, равняясь 39 млн. человек.

На это почти стабильное народонаселение обрушилась своими ударами истребительная мировая война 1914—1918 г.г., принесшая с собой огромные опустошения среди французского населения. Цифру одних убитых во Франции считают в 1.300.000 человек, а с умершими от ран во время войны, или вскоре после войны—1.600.000.

Для какой-либо другой страны, с нормальным средним приростом народонаселения, такой удар можно было бы залечить в течение десятилетий. Совсем иначе обстоит дело со страной, где прирост населения почти приостановился уже до войны и очень резко пал в результате войны. Ниже приводимая таблица дает достаточно яркую картину движения народонаселения во Франции за время войны в сравнении с довоенным положением.

Цифры рождений и смертей.

Годы.	Браков.	Рождений.	Смертей.	Баланс.
1881	282.261	937.345	829.542	+ 107.803
1911	307.788	742.114	776.983	— 34.869
1913	238.760	745.539	703.638	+ 41.901
1914	169.011	594.222	647.543	— 53.327

Годы.	Браков.	Рождений.	Смертей.	Баланс.
1915	75.327	328.466	646.301	— 267.340
1916	108.562	315.087	607.742	— 232.655
1917	158.508	343.310	613.148	— 269.838
1918	177.822	399.041	788.816	— 389.838
1919	447.207	403.502	620.688	— 217.186
1920	623.863	834.411	674.621	+ 159.730
1921		813.396	636.373	+ 117.023
1922		759.846	689.267	+ 70.579
1923		761.861	666.990	+ 94.871
1924		752.101	679.885	+ 72.216
1925(I кв.)		199.835	204.431	— 4.536 [1]

В добавление к этой таблице мы заметим, что баланс народонаселения во Франции с 1801 г. до 1890 был активным, кроме лишь четырех лет 1854 г. и 1855, 1870 и 1871 г.г. В дальнейшем минусы мелькают чаще. С 1890 г. по 1914 г., т.-е. за 24 года, мы имеем уже 7 дефицитных лет. С 1914 г. уже начинается настоящий кризис.

Мы видим из этой таблицы, что, начиная с 1914 г. и кончая 1919 г., т.-е. с начала войны до первого года после войны, во Франции наблюдалось огромное сокращение народонаселения, и только 1920 г. обнаруживает внезапно резкое, но не длительное изменение ситуации.

Это изменение находится, несомненно, в тесной связи с прекращением войны, с увеличением браков в 1919—20 г.г., с увеличением рождаемости, которая дает резкий скачок от 1919 г. к 1920 г., увеличившись больше чем в 2 раза.

Но годы с активным балансом по части народонаселения сменяются в 1925 г. первыми признаками резкого ухудшения. За первый квартал 1925 г. статистика смерти и рождений констатирует превышение смерти над рождениями на 4.596 чел.

Для того, чтобы оттенить особенное неблагополучие Франции в вопросе о народонаселении, мы приведем следую-

[1]) Первый квартал вообще еще не характеризует года, потому что дефицит за первый квартал был и в прошлом, вообще не дефицитном году, как и в 1913 г.

щие сравнительные данные о рождаемости и смертности во Франции и других странах Европы. В 1923 г. на 10.000 жителей:

Рождений было:

Во Франции	194
В Италии	280
„ Германии	209
„ Бельгии	204
„ Англии	197
„ Швеции	188
„ Швейцарии	186

Смертей же было:

Во Франции	170
В Италии	164
„ Германии	139
„ Бельгии	130
„ Англии	116
„ Швеции	114

Таким образом, мы видим, что из перечисленных стран рождаемость во Франции ниже, чем во всех крупных странах Европы, и приближается к цифре рождаемости наименее плодовитых стран.

Смертность же во Франции самая большая из всех перечисленных стран [1]).

Жан Бурдон прав, полагая, что существующая во Франции система 2 детей означает систематическое сокращение народонаселения. При этой системе не возмещаются все смерти, наступившие до брачного возраста, не возмещается отсутствие детей в семьях, не могущих их иметь по физическим свойствам, наконец, в-третьих, эта система не может заместить 1.300 т. убитых на войне.

Если М. Бовера до войны рассчитал на основании всех этих соображений, что Франции еле-еле хватит для нормального увеличения народонаселения системы 4 детей, то, в связи с сокрушительными последствиями войны, для современной Франции даже система 4 детей была бы недостаточна [2]).

Проблема народонаселения страшно беспокоит общественное мнение Франции. На эту тему пишут постоянно публицисты, об этом говорят политики и экономисты; жур-

---

1) См. Jean Bourdon—„Le mouvement de la population", Revue de l'économie politique, Mars-Avril 1925, p. 177 — 188. См. также „Annuaire statistique" за 1922 и 1923 годы, а также „Annuaire générale de la France et de l'étranger". 1925, p. 80.

2) M. Boverat—„Illussions sur la population", Revue politique et parlementaire, 10 septembre, 1925.

налисты и романисты бичуют эгоизм взрослого населения, воздерживающегося от того, чтобы иметь детей и не думающего о будущем Франции. Правительство практикует систему поощрения многодетных семейств путем выдачи премий матерям с 5 детьми. Однако все это не помогает.

Современная Франция является замечательной иллюстрацией к тому положению Маркса, что „каждая система хозяйства имеет свой собственный закон народонаселения".

Франция является самой типичной в Европе страной упорного, страстного, железного мелкобуржуазного накопления.

Иметь больше детей значит иметь больше расходов в хозяйстве, значит делить имущество, переходящее по наследству, значит уменьшить накопление на всю сумму содержания лишних детей.

Никакие проповеди насчет увеличения народонаселения недействительны во Франции, поскольку они разбиваются об эту жажду накопления, которую французское общественное мнение с другого конца всемерно поддерживает и которой гордится.

Франция с ужасом констатирует быстрый прирост народонаселения в соседней Германии, не отказавшейся от реванша, несмотря ни на какие гарантийные пакты.

С другой стороны, недостаток рабочих сил во Франции, недостаток именно французских рабочих сил, начинает уже иметь серьезное экономическое значение, особенно в земледелии, о чем мы скажем еще ниже. При совершенно ничтожной эмиграции современная Франция представляет из себя страну очень большой иммиграции иностранной рабочей силы.

Французские газеты кричат о росте числа иностранцев, приходящих во Францию на работу—на временную или на постоянную.

Они кричат о том, что Италия, напр., уже совершенно колонизовала французскую провинцию Лангедок, путем скупки земли итальянскими иммигрантами, открытием своих торговых предприятий и т. д.

Мы не располагаем точными данными о количестве иностранцев во Франции к 1925 г., но нам приходилось встречать в печати цифру от 2.000.000 до 2.800.000. За десятилетие с 1911 г. до 1921 г. иммигрировало 500.000 человек. Теперь иммиграция гораздо сильней.

Если в 1921 г. население Франции равнялось 39.209.518 ч., то это приблизительно довоенная цифра. Это количество населения могло быть удержано только вследствие присоединения Эльзас-Лотарингии.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ФРАНЦИИ ПО ЗАНЯТИЯМ

Мы не располагаем данными о распределении по занятиям населения Франции в послевоенный период.

Статистическое изучение французской экономики вообще поставлено довольно плохо, и для получения необходимых данных приходится часто пользоваться данными довоенными и прибегать к необходимым интерполяциям.

В данном случае нам приходится опираться, главным образом, на довоенную статистику.

На 5 марта 1911 г. население Франции в 39.192.000 ч. имело в своем составе работоспособных 20.210.000 чел., из них мужчин 12.494.000.

Эти 20.000.000 распределялись по занятиям следующим образом:

Земледелие	8.517.000 ч.
Промышленность и транспорт	7.486.000 „
Торговля	2.053.000 „
Либеральные профессии и общественная служба	1.225.000 „
Домашняя прислуга	929.000 „

Распределение населения по занятиям изменилось с 1881 г. следующим образом:

На каждую тысячу человек было занято:

	1881 г.	1901 г.	1911 г.
Земледелие	530	453	442
Промышленность	315	386	388
Торговля	108	104	106
Либ. проф. и общ. служ.	47	57	64
	1.000	1.000	1.000

Это работоспособное население в 20.210.000 ч. распределялось между самостоятельными хозяевами, служащими и рабочими следующим образом:

	Мужчин.	Женщин.	Вместе.
Хозяев	4.655	3.927	8.582
Служащих	1.411	458	1.869
Рабочих	6.428	3.331	9.759
	12.494	7.716	20.210

Приблизительно такая же цифра распределения трудоспособного населения по занятиям и по полу давала статистика 1906 г. Согласно этой статистики было занято:

Земледелие	8.555.000
Промышленность	7.225.000
Торговля	2.069.000
Либер. проф. и обществ. служба	1.143.000
Домашняя прислуга	946.000
Итого	20.630.000

Из этого числа рабочих, служащих и несамостоятельных изолированных работников было:

	Мужчин.	Женщин.
В земледелии	2.971 тыс.	1.076 тыс.
„ промышленности	4.005 „	2.210 „
„ торговле	916 „	821 „
„ либер. проф. и на общ. службе	1.042 „	100 „
Итого	9.290 тыс.	4.815 тыс.

А всего рабочих и служащих и несамостоятельных изолированных работников — 14.105.000 человек.

Сравнивая цифры 1906 г. с данными 1911 г., мы можем констатировать увеличение числа самостоятельных хозяев с $6^1/_2$ млн. в 1906 г. до $8^1/_2$ млн. в 1911 г.

В действительности же движение шло как раз в обратном направлении. Несоответствие этих цифр об'ясняется различной квалификацией самостоятельных хозяев в 1906 и 1911 г.г.

Что касается количества иностранцев, то в 1906 г. оно равнялось 680 тыс. человек, вместо более 2 миллионов, которые насчитываются в 1925 г.

К сожалению, мы не располагаем новыми статистическими данными о распределении населения в 1925 г. Но мы можем считать совершенно бесспорным увеличение рабочих и служащих по сравнению с довоенным временем, с одной

стороны, и, с другой стороны, сокращение земледельческого населения вообще и работоспособных работников в нем в частности. Это отчасти видно из данных о распределении населения между городом и деревней. Вот эти данные с 1891 г. по 1921 г.:

Годы.	Городское население.	В процентах.	Сельское население.	В процентах.	Всего населения.
1891	14.311 тысяч.	37,4	24.032	62,6	38.343
1911	17.509 „	44,2	22.093	55,8	39.602
1921	18.206 „	46,4	21.004	53,6	32.210

Как мы увидим ниже, французская промышленность значительно шагнула вперед по сравнению с довоенным временем. Удельный вес промышленного населения, по сравнению с земледельческим, увеличился вследствие присоединения Эльзас-Лотарингии, так же, как и вследствие обезлюдения деревни после мировой войны, поскольку главная масса убитых на французском фронте пала на население деревни.

Мы отказываемся делать какие-либо цифровые предположения в связи с этими несомненными изменениями и будем терпеливо ожидать, когда французская статистика даст нам более точный ответ на этот вопрос.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Довоенная экономика Франции характеризовалась сравнительно медленным развитием крупной промышленности и сравнительно большим удельным весом средней промышленности, а также различных видов ремесла. Только последние годы перед войной обнаружили более быстрый рост крупной французской промышленности и более быстрое увеличение ее удельного веса во всем хозяйстве страны.

Во время войны французская промышленность чрезвычайно сильно пострадала вследствие немецкой оккупации ее северных наиболее промышленных департаментов.

Поэтому статистика размеров производства показывает резкое снижение продукции крупной французской индустрии до 1920 года. Наоборот, после войны начался очень быстрый рост французской промышленности, который продолжается и до сих пор. Этот рост опирался на здоровый нормальный внутренний рынок, с одной стороны, и на специальный временный „рынок восстановления", с другой. Восстановление захваченных немцами во время войны северных департаментов было связано с огромным спросом на промышленные изделия Франции. Эти строительные работы поглотили огромные суммы, полученные французским правительством прежде всего из внутренних займов и лишь в небольшой части из натуральных поставок Германии.

Этот добавочный внутренний рынок, связанный с реконструкцией, дал очень сильный толчок развитию крупной французской промышленности, которая быстро поднималась в эти годы, когда в других капиталистических странах Европы, кроме Бельгии, мы видели или очень медленный процесс возвращения к довоенным нормам производства, или же, как, например, в Англии, непрекращающийся хронический кризис.

Только этой большой емкостью внутреннего рынка и большой емкостью как раз этого дополнительного рынка, связанного с реконструкцией разрушенных областей, можно

об'яснить также и тот интересный факт, что крупная французская промышленность быстро и непрерывно развивалась после войны, несмотря на то, что одновременно стоимость ее экспорта на внешнем рынке с 1920 г. испытала уменьшение по ценности в бумажных франках с 26.894 млн. в 1920 г. до 19.772 млн. в 1921 г. и до 21.378 млн. в 1922 г., а если внести поправку на повышение курса франка с 1920 г. до 1922 г., то осталась почти на одном уровне.

Что же касается французского ремесла, качество которого так хорошо было известно до войны, то оно совсем не обнаружило того процесса роста, который наблюдался в крупной промышленности. Во французских газетах и журналах много приходится встречать жалоб на падение ремесла в ряде отраслей и на ухудшение качества продукции; учащаются жалобы на то, что традиционный французский мастер-ремесленник уступает свое место новому типу ремесленника, который не может держать качество продукции на довоенном уровне, поскольку искусство заменяет шаблоном, спешной работой, если можно так выразиться, халтурой.

О росте крупной французской промышленности можно заключить по движению производства в важнейших отраслях. Важнейшим показателем индустриализации страны является, как известно, производство и производственное потребление каменного угля и кокса.

Что касается производства угля и антрацита, то мы можем привести здесь следующие данные.

Продукция угля и антрацита равнялась:

В 1913 г. . . .	40.844.218 тонн,	при числе занятых рабочих в 203.208 человек.
„ 1920 „ . . .	24.293.000 „	
„ 1921 „ . . .	28.211.000 „	
„ 1922 „ . . .	31.163.000 „	
„ 1923 „ . . .	38.576.000 „	
„ 1924 „ . . .	44.954.000 „	при числе занятых рабочих в 286.804 человека.

Что касается последних данных, то они таковы: если в 1913 г. денная выработка угля равнялась 136.147 тоннам, то в июле 1925 г. она была равна 157.114 тонн., при количестве рабочих в 311.991 чел., в августе 1925 г. — 154.592 тонн., сентябре—155.795 тонн.

Таким образом, мы видим, что продукция угля во Франции превышает довоенную выработку приблизительно на 14—15%.

Но еще более быстро росло потребление угля, потому что во Франции своего угля нехватает, и она, как и до

войны, вынуждена импортировать большие массы этого продукта.

О росте импорта угля и кокса во Францию могут дать представление следующие цифры:

В 1913 г. импорт угля был равен	18.711.043	тонн; кокса	3.070.038
„ 1923 „ „ „ „ „	26.269.865	„ „	3.628.393
„ 1924 „ „ „ „ „	25.107.584	„ „	5.407.195

Таким образом, мы видим, что Франция не только производит угля больше, чем до войны, почти на 4 млн. тонн, но и импортирует больше довоенного угля на $7/^1_2$ млн. и кокса на 2,4 млн.

Такой же рост продукции мы видим и по железной руде:

В 1913 г. было добыто железной руды	21.918	тыс. тонн.
„ 1920 „ „ „ „ „	13.561	„ „
„ 1921 „ „ „ „ „	13.706	„ „
„ 1922 „ „ „ „ „	20.832	„ „
„ 1923 „ „ „ „ „	23.428	„ „
„ 1924 „ „ „ „ „	29.000	„ „ (предварит. цифра).

Еще более стремительный рост мы видим в производстве чугуна, стали и в прокатке (в тоннах):

	1913 г.	1920 г.	921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Чугун простой вместе со специальн. сорт.	5.207.000	3.488.179	3.561.292	5.229.000	5.432.000	7.693.018
Сталь	3.592.000	2.604.721	2.927.796	4.534.000	5.110.000	6.900.310
Прокатка . . .	—	1.877.867	21.52.882	3.147.000	3.587.000	—

Правда, резкий рост металлургии во Франции связан прежде всего с присоединением Эльзас-Лотарингии. Предприятия старой Франции, без Эльзаса, дали по сравнению с выработкой 1913 года в прошлом 1924 г. по чугуну лишь 84,8% и по стали 98,9%.

Цифры будут выглядеть иначе, если за исходную 1913 года взять производство вместе с Эльзас-Лотарингией. Тогда мы получим такие данные:

Среднее месячное производства чугуна и стали во Франции вместе с Эльзас-Лотарингией по всем годам:

Годы.	Чугун.	Сталь (в тысячах).
1913	750	582,0
1922	427,2	372,5
1923	441,6	414,7
1924	638,1	575,5
1925	669,4	608,1
Январь . .	—	—
Февраль . .	636,9	569,0
Март . . .	688,9	607,1
Апрель . .	686,1	587,0
Май	706,3	596,3
Июнь . . .	703,4	599,8
Июль . . .	724,2	625,3
Август . .	712,5	616,7
Сентябрь .	716,6	631,7

С 90
8966

Из этой таблицы мы видим, что если сравнивать теперешнее производство современной Франции с довоенным, включая в последнее и Эльзас-Лотарингию, то по чугуну Франция еще не догнала довоенной цифры, по стали же перешагнула довоенный уровень в июле этого года на 7% с лишним. В общем и целом для современной Европы — это результат совсем неплохой.

1068419

Растет также и экспорт сырого чугуна и стали. За год с 1923 г. до 1924 г. экспорт чугуна возрос с 611.568 тонн до 774.017, стали с 738.721 т. до 1.203.300 т.

Кроме этих основных отраслей тяжелой промышленности, быстрый рост наблюдается во Франции и в ряде других производств.

Быстро растет, развивается и совершенствуется французское машиностроение, в частности автомобилестроение. О росте этих отраслей говорит прежде всего создание огромнейших предприятий автомобильной промышленности, как фирмы Ситроен, Рено и т. д., предприятий, занимающих по десятку тысяч рабочих, что является колоссальным шагом вперед по сравнению с тем уровнем централизации в крупной промышленности, который наблюдался в довоенной Франции.

О росте автомобильной промышленности говорит также и цифра экспорта автомобилей. Ниже мы еще встретимся

с этим вопросом, когда будем давать анализ французской внешней торговли.

Французская электротехника занимала видное место в промышленном производстве еще до войны, но постепенно отошла на задний план перед развитием электротехнической промышленности в Германии и Америке. В настоящий момент французская электротехника сделала большой шаг вперед в сравнении с довоенным положением, быстро растет экспорт электрического оборудования (в 1923 г.—11.885,8 метрических тонн, в 1924 г.—19.288,6), растут число и размер установок в стране и потребление энергии (парижская компания распределяла в 1924 г. в четыре раза больше киловат-часов, чем в 1924 г.), растет с большой быстротой число гидростанций.

Очень быстрый рост обнаруживает французская шелковая промышленность, исконная отрасль французской индустрии, занимавшая всегда исключительное место на мировом рынке. О росте этой отрасли промышленности мы увидим ниже при рассмотрении баланса внешней торговли Франции.

Необходимо также упомянуть о быстром росте французской текстильной промышленности и химической промышленности, получивших большой толчок вследствие присоединения Эльзас-Лотарингии.

Что касается уровня современной французской техники, то все данные говорят о том, что французская техника в ряде крупнейших отраслей или ничем не уступает, или мало чем уступает технике английской и германской, и продолжает быстро совершенствоваться. Возникают новые предприятия, построенные по последнему слову техники, быстро расширяются и переоборудываются старые.

О под'еме французской промышленности в настоящий момент эмиссия новых капиталов, вкладываемых в частные компании, не дает правильного представления.

Рост эмиссии новых ценных бумаг, т.-е. рост вложения новых капиталов во французскую промышленность, обнаружился уже в последние годы перед мировой войной.

Согласно данным профессора Мартена [1]), новые эмиссии французских промышленных бумаг равнялись:

В 1910 г.	. . .	779 млн. зол. франков.
„ 1911 „	. . .	807 „ „ „
„ 1912 „	. . . .	1.648 „ „ „

После войны мы имеем в этой области следующие цифры.

---

[1]) Germain Martin —„Les finances publiques de la France et la fortune prevée (1914—1925)", Paris, 1925.

Не считая новых эмиссий в области жел.-дор. строительства, эмиссии частных кампаний равнялись:

В 1923 г. . . . . 5.332.598 тысяч франков.
„ 1924 „ . . . . . 5.484.979 „ „

Если мы учтем падение курса франка по сравнению с довоенным паритетом, то эта последняя цифра для правильного сравнения должна быть уменьшена и будет равна для 1923 г. 1.670 млн. золот. фр., для 1924 г.—1.572 млн.

Но необходимо при этом иметь в виду, что значительные капиталы как раз экспортирующих отраслей откладываются за границей в твердой валюте, преимущественно в Америке, и, таким образом, приведенные цифры не дают полного представления о росте накопления во французской промышленности.

Приведенные цифры характерны, однако, тем, что, как мы увидим ниже, в 1924 г. общая сумма новых эмиссий сократилась с $21^1/_2$ млрд. до 13 млрд. за счет, прежде всего, уменьшения эмиссий связанных государственных внутренних займов, тогда как эмиссия промышленных бумаг дает в бумажных франках некоторое повышение.

Что касается перспектив развития французской промышленности, то здесь приходится сказать следующее. Как мы уже видели, быстрый рост французской промышленности после войны был связан с тем обстоятельством, что внутренний французский рынок давал для промышленности растущий, платежеспособный спрос. Огромную роль при этом играло восстановление разрушенных областей. В настоящий момент реконструктивные работы в разрушенных областях почти закончены. В связи с этим перед французской промышленностью встала во весь рост проблема расширения внешних рынков сбыта.

Для нормального развития французской промышленности по мере уменьшения реконструктивных работ и при предположении, что весь остальной внутренний рынок сравнительно медленно повышает спрос, встала проблема постепенной замены этого временного рынка другими рынками за пределами Франции.

Эта проблема имеет тем большее значение, что, как мы увидим ниже, хозяйство, финансовое положение государства и огромный рост налогов, несомненно, понижают платежеспособный спрос самого французского населения.

Каким же образом разрешается для французской промышленности этот кардинальной важности вопрос?

Ответ нам дают цифры роста французского экспорта после войны и особенно после 1922 г.

С 1919 г. по 1920 г. включительно ценность французского экспорта сделала быстрый скачок с 11.879 млн. франков на 26.894 млн. фр. Затем, как мы уже указали, 1921—1922 годы дали снижение по сравнению с цифрой 1920 г. С 1923 г., давшего 307.431 млн., мы имеем снова волну под'ема, при чем, как мы увидим ниже при анализе торгового баланса, мы имеем здесь дело не только с ростом ценности, что было бы неточным показателем вследствие падения курса франка, но и рост экспорта по весу.

1924 г. дает по экспорту уже 41.454 млн. Данные за 1925 г. за первые 7 месяцев дают дальнейшее увеличение по сравнению с соответствующими месяцами 1924 г. на $^1/_2$ млрд. франков. Таким образом, повидимому, до последнего времени французской промышленности удавалось компенсировать сокращение спроса внутреннего рынка увеличением экспорта на внешний рынок.

Но если рост французского экспорта дает об'яснение поставленному нами вопросу, то сам ответ приводит к следующему вопросу,—к вопросу, почему при общей депрессии на иностранном рынке, особенно за последние полтора года, французской промышленности удавалось реализовать в растущем размере свою продукцию.

Французской промышленности удавалась до сих пор эта реализация вследствие того, что ее продукция вообще была дешевле продукции других стран. Французская промышленность была более конкурентноспособна, а это последнее обстоятельство было связано с более низкой заработной платой во Франции в сравнении с Англией и Америкой вообще и с неустойчивостью ее валюты в частности. Ниже мы еще вернемся к вопросу о дешевизне жизни во Франции и о соотношении французского золотого индекса цен с индексами других стран. Мы отметим здесь только следующий интересный факт: кривая французского индекса цен на внутреннем рынке показывала повышение до 1921 г. В 1921 г. и до половины 1922 г. наметилось довольно резкое снижение индекса, и как раз за это время ценность французского экспорта, как мы видели, при переходе от 1920 г. к 1921 г. обнаружила снижение почти на 7 млрд. С половины 1922 г. начинается повышение цен внутри Франции, продолжающееся в 1923, 1924 и 1925 г. г.; одновременно с этим растут и размеры французского экспорта.

Таким образом, здесь мы видим очень яркое экспериментальное подтверждение того факта, что падение покупа-

---

[1]) См. индекс в приложении в книге.

тельной способности валюты внутри страны благоприятствует росту экспорта, и наоборот.

Но наш ответ на поставленный вопрос вызывает в свою очередь следующий вопрос: почему падающая валюта является стимулом к экспорту? Но этот вопрос уже не представляет трудности. На него давно уже дали ответ и экономическая практика и экономическая теория. Если в какой-нибудь стране падает покупательная способность денег, то цена рабочей силы систематически отстает от ее ценности, т.-е. рабочий класс в целом получает в натуральном выражении меньшую заработную плату в сравнении с той, которой он добился в нормальных условиях состояния валюты. Экспортер, продавая свою продукцию за границей и получая за нее твердую валюту, переводит эту валюту в падающие бумажные деньги своей страны и для нового цикла производства более дешево покупает рабочую силу. Борьба рабочих за приспособление заработной платы к росту цен всегда дает результаты, систематически отстающие от этого роста. Таким образом, промышленники, прежде всего экспортных отраслей промышленности, систематически выигрывают, рабочие систематически теряют в реальном уровне заработной платы. Это переложение издержек производства на заработную плату дает возможность экспортерам уменьшать продажную цену своей продукции на внешнем рынке, нисколько не уменьшая уровня прибыли. Аналогичное явление в гораздо более резкой форме мы видели в Германии 1922 и 1923 г. г., т.-е. в период быстрой инфляции. Во Франции все эти процессы протекают в настоящий момент гораздо более медленно, но, тем не менее, они имеются в наличии со всеми их последствиями.

В тот период, когда немецкие товары брались нарасхват на мировом рынке, вследствие их необычайной дешевизны, мы имели пред собой не только процесс распродажи за бесценок рабочей силы германского пролетариата, кристаллизовавшейся в товарах, но, вероятно, отчасти и распродажу ниже себестоимости основного капитала германской промышленности, поскольку ценность его в известных пропорциях переходит в готовый продукт. В Германии мы видели, таким образом, процесс не только резкого повышения эксплоатации рабочего класса, но и вообще дефицитный баланс всей промышленности, может быть, всего хозяйства в целом. Как известно, цены на продукты сельского хозяйства в Германии были в это время также ниже, чем на мировом рынке.

В современной Франции наоборот: промышленность торгует на внешнем рынке, не только не растрачивая основного капитала, но и приумножая его.

Таким образом, мы имеем здесь наличие дефицита, но только на стороне рабочей силы, т.-е. имеем дефицит в потребительском бюджете французского рабочего класса.

Что же касается большей конкурентноспособности Франции по сравнению с Германией, то здесь надо принять во внимание также, разумеется, и тот факт, что современная германская промышленность в значительной своей части работает на чужой, главным образом, англо-американский ссудный капитал, тогда как французская в гораздо большей степени работает на свой собственный и тем самым в масштабе всего народного хозяйства страны имеет меньше платежей по иностранным кредитам, которые для Франции, главным образом, являются торговыми кредитами.

Все сказанное имеет огромное значение для учета перспектив развития французской промышленности. Если бы современная Франция имела твердую валюту, если бы рабочий класс не подвергался систематическим вычетам из его фонда заработной платы ради дешевого экспорта, положение французской промышленности приблизилось бы к положению германской и английской, тем более, что разница в технике теперь уже не особенно существенна.

Это выравнивание положения Франции с положением Германии и Англии будет достигнуто, следовательно, с одной стороны, при стабилизации валюты во Франции и в результате успешной борьбы французского рабочего класса за повышение заработной платы в уровень с производительностью труда, с другой стороны, может быть, благодаря понижению заработной платы в Англии, если эту операцию удастся провести английскому капитализму.

Из всего вышесказанного вытекает очень важный для нас вывод в связи с нашими экономическими и торговыми взаимоотношениями с Францией. Переход Франции на твердую валюту заставит французскую промышленность искать внешних рынков с гораздо большей энергией, чем это она была вынуждена делать до сих пор. А так как советский рынок легче всего может быть завоеван, при недостатке капитала в нашей стране, той страной, которая даст нам максимальный товарный кредит, то французским промышленникам придется пойти именно по этому пути, если они хотят быстро и резко расширить свой экспорт в СССР. До сих пор французские промышленники были в достаточной степени избалованы как наличием добавочного внутреннего рынка, связанного с реконструкцией разрушенных областей, так и благоприятными условиями экспорта при падающей валюте. Когда же те и другие условия будут ликвидированы полностью, для французской промышленности

наступит новая эпоха, а для СССР откроются в области товарных кредитов новые возможности.

Что касается учетного процента, играющего большую роль для всякой промышленности в настоящих условиях, то этот процент во Франции выше, чем в Англии (учетный процент Французского банка—6, английского—4,5) и имеет тенденцию к повышению [1]) как в частных банках, так еще больше на неофициальном денежном рынке.

Что касается чистого годового дохода французской промышленности, то во французской экономической литературе нет точных данных по этому вопросу. До войны же чистый доход от французской промышленности и торговли (поскольку доход торговли нужно рассматривать, лишь как часть промышленного дохода) равнялся в 1911 г. следующим цифрам, согласно вычислениям Пюпэна:

Прибыли, распределенные различными торгово-промышленными компаниями	2.115 млн.
Прибыли, не распределенные теми же обществами . . .	500 „
Заработная плата в промышленности и торговле	8.413 „
Прибыль торговли и частной промышленности	3.700 „
Итого	14.728 млн.

или за вычетом 363 млн. двойного счета заработной платы в горной промышленности для 1911 года автор выводит 14.405 млн. К этому надо прибавить еще не подсчитанный Пюпэном доход от государственных предприятий, строительной промышленности. В общем Пюпэн выводит общую цифру дохода нации в 33.837 млн. золотых франков, а за вычетом 15,5 миллиардов дохода от земледелия весь неземледельческий доход будет равен 18.337 миллионов франков [2]).

Ниже я скажу, почему к вычислениям Пюпэна и других французских экономистов приходится относиться с большой осторожностью.

Но если приведенные цифры считать приблизительно верными для довоенной Франции, то, оставаясь на базе счета в довоенных франках и по довоенным ценам, мы должны были бы увеличить приведенную сумму, учитывая рост промышленного производства Франции в результате развития промышленности за последние годы. Я отказываюсь увеличивать приведенную сумму на определенный процент в виду ненадежности цифр о росте производства во французской промышленности в натуральном выражении, так как текущая статистика Франции дает данные лишь о синдицированных отраслях промышленности.

---

[1]) См. в частности об эмиссионном проценте — Jean Vergeot, „Les emissions“, „Revue d'économie politique“, mars—avril 1925, René Pupin„—Richesses privées et finances françaises Paris. 1919 p. 22.

[2]) Pupin (René) — „La Richesse de la France devant la guerre“, а также книгу того же автора „Richesses privées et finances françaises“. Paris, 1919 p. 22.

ФРАНЦУЗСКОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Если французская промышленность после войны успешно развивалась и продолжает развиваться, перейдя в некоторых отраслях за довоенные размеры производства, то французское земледелие находится в другом положении. Французское земледелие, может быть, пострадало от войны не больше, чем промышленность, но зато восстанавливается оно гораздо медленнее. Мы приведем здесь не все, но важнейшие показатели для этой отрасли хозяйства.

Начнем с зерновых культур. Главной зерновой культурой во Франции является пшеница.

Согласно официальным данным французской статистики в 1913 г. под посевом пшеницы находилось 6.524.000 гектаров, с которых было получено 68.919.000 квинталов пшеницы. Дальнейшее движение посевной площади и сбора пшеницы в послевоенный период видно из следующей таблицы:

	Площадь посева пшеницы	Сбор в квинталах [1]
1913 г.	6.542.000 гек.	68,9 млн.
1920 г.	5.092.000 „	64,4 „
1921 г.	5.382.000 „	88,0 „
1922 г.	5.289.000 „	66,2 „
1923 г.	5.533.000 „	74,9 „
1924 г.	5.427.000 „	76,8 „
1925 г.		89,561 „ (по предв. данным).

[1]) Цифры взяты из „Annuaire statistique“ 1923 г. „Annuaire générale de la France et de l'étranger“ за 1925 г., а также из „Bulletin de la statistique generale de la France“ etc. за 1925 г.

Что касается других культур, то здесь дело обстоит следующим образом[1]):

О в е с

Продукция овса изменилась следующим образом:

	Посевная площадь	Сбор в квинталах
1913 г.	3.979.000	51.826.000
1920 г.	3.350.000	42.298.000
1921 г.	3.407.000	35.483.000
1922 г.	3.436.000	41.842.000
1923 г.	3.422.000	48.907.000
1924 г.	3.463.000	42.934.000

Р о ж ь

	Посевная площадь	Сбор в квинталах
1913 г.	1.175.000	12.714.000
1920 г.	—	—
1921 г.	901.000	11.276.000
1922 г.	888.000	9.757.000
1923 г.	896.000	9.275.000
1924 г.	869.000	10.128.000

Таким образом, из всех этих таблиц мы видим, что зерновое хозяйство Франции по всем культурам показывает снижение посевной площади по сравнению с довоенной и уменьшение абсолютного количества сбора. Исключение представляет лишь 1921 г. с его небывалым урожаем пшеницы и отчасти, может быть, 1925 г., если предварительные данные окажутся более или менее точными.

Ту же картину еще незаконченного восстановления мы можем констатировать и на всех технических культурах. Приведенная нами в приложении таблица показывает, что и здесь мы видим как движение площади по сравнению с довоенным временем, так и уменьшение посевов. Из 23 культур, о которых мы даем данные в таблице I в приложении, увеличение посевной площади по сравнению с довоенной показывают все, кроме культуры хмеля и земляной груши, причем уменьшение характеризуется падением посевной площади под всеми культурами (не считая искусственных лугов) с 22.520,7 тыс. гектаров в 1913 г. до 20.410,9 тыс. гектаров в 1923 г.

---

1) Для всех цифр, начиная с 1921 г. даются данные, включая Эльзас-Лотарингию. Тем самым для учета движения посевной площади и продукции хлебов для старой Франции нужно сделать соответствующую поправку.

Кроме того, необходимо еще иметь в виду, что данные за последние 4 года даются вместе с Эльзас-Лотарингией. Это значит, что соответствующая цифра по старой Франции без присоединения Эльзас-Лотарингии дала бы еще более значительное снижение.

Переходим теперь к животноводству. О состоянии французского животноводства до войны дают представление следующие цифры:

	1911 г.	1892 г.	Стоимость в 1892 г.
Лошади	3 236.000	2.725.000	1.167 млн. зол. фр.
Мулы	194.000	217.000	79 „ „ „
Ослы	360.000	368.000	34 „ „ „
Крупн. рог. скот	14.435.000	13.708.000	2.928 „ „ „
Овцы	16.425.000	22.116.000	460 „ „ „
Свиньи	6.710.000	7.322.000	500 „ „ „
Козы	1.408.000	1.845.000	28 „ „ „
	42.727.000	48.471.000	5.202 милл. зол. фр.

Из этой таблицы, относящейся к экономике довоенного земледелия Франции, мы видим, что за исключением лошадей и крупного рогатого скота все остальные виды скота дают по сравнению с 1892 г. известное снижение.

Несомненно, это явление было отчасти временного порядка, поскольку как раз в 90-е годы европейское земледелие вообще еще продолжало испытывать влияние заокеанской конкуренции и в Европе происходил процесс известного приспособления и полеводства и животноводства к новой конъюнктуре на мировом рынке. Известное сокращение французского животноводства за 10-летие перед войной, несомненно, отражает этот процесс. Война производит резко отрицательное действие на французское животноводство, от которого эта отрасль французского земледелия оправляется еще более медленно, чем полеводство.

Вот данные, характеризующие движение количества скота во Франции, начиная с 1920 г. (в тысячах);

	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Лошади	2.635	2.906	2.978	2.848	2.859
Мулы и ослы	479	482	477	476	473
Рог. скот	13.217	13.343	13.576	13.7 9	14.025
Овцы	9.406	9.600	9.782	9.3 5	10.172
Свиньи	4.942	5.166	5.782	5.406	5.802
Козы	1.341	1.361	1.368	1.358	1.377
Итого	32.020	32.058	33.757	33.161	34.708

Приведенные нами данные, с одной стороны, дают представление об очень большом падении французского животноводства в результате войны. Сократилось количество рабочих лошадей, сократилось, хотя в меньшей пропорции, количество крупного рогатого скота[1]). Но наиболее сильное уменьшение мы видим в области мелкого животноводства, особенно овец, число которых сократилось более чем на 6 миллионов. Очень велики также потери и свиней, хотя для экономики земледелия эти потери, несомненно, менее чувствительны, чем разгром овцеводства, где процесс восстановления по природным причинам идет несравненно медленнее.

Поскольку же мы имеем перед собой цифру для 5 мирных лет, начиная с 1920 г., то здесь мы видим, во-первых, до крайности медленное восстановление количества лошадей в земледелии при почти стабильной цифре количества мулов и ослов. Вообще говоря, сокращение рабочих лошадей в сельском хозяйстве при современном уровне его машинизации не всегда может быть показателем упадка. Сокращение рабочих лошадей может означать, напр., рост применения тракторов. Чрезвычайно медленное увеличение количества рабочих лошадей, при более быстром увеличении посевной площади, может отражать как раз именно этот процесс. Как фактически здесь обстоит дело во Франции? Как мы уже видели выше, посевная площадь с 1913 года пала по 1923 г. включительно по 22 культурам, кроме искусственных лугов, на 2.110 тыс. гектаров, или на 9,3%. Число же лошадей сократилось с 1911 года на 388 тыс., или приблизительно на 12%. Это значит, что число лошадей уменьшилось в большей степени, чем посевная площадь. Следовательно, для современной Франции медленное восстановление количества лошадей, мулов и ослов означает, повидимому, некоторый прогресс в деле машинизации хозяйства, либо большую нагрузку существующего рабочего скота.

Переходим к рогатому скоту.

Мы видим увеличение количества в еще меньшей пропорции. То же приходится сказать и об овцеводческом хозяйстве, которое восстанавливается чрезвычайно медленно. Что касается свиней, то, несмотря на то, что этот вид животноводства допускает весьма быстрый процесс восстановления по природным условиям, мы не видим такого быстрого процесса восстановления во Франции, что может означать только одно:

---

1) Любопытно, что в результате империалистической и гражданской войн количество крупного рогатого скота, т.-е. прежде всего коров, сократилось и у нас, как во Франции, в гораздо меньшей степени, чем количество лошадей.

невыгодность восстановления производства свиней по состоянию рыночных цен на продукты свиноводства.

В общем и целом сокращение количества голов скота во Франции в 1924 г. в сравнении с 1911 г. дает уменьшение более, чем на 8 млн. штук, т.-е. мы видим чрезвычайно тяжелое состояние этой отрасли сельского хозяйства и гораздо более медленное ее восстановление по сравнению с другими отраслями.

Переходим теперь к следующей чрезвычайно важной отрасли французского хозяйства—к виноделию.

Как известно, кризис виноделия в смысле прежде всего кризиса перепроизводства начался во Франции давно и вызвал в свое время знаменитое движение французских виноделов. Посмотрим, как обстояло здесь дело в цифровом выражении. Начиная с 1913 г., мы видим в этой области следующее движение:

	Число зарегистрированных виноделов	Произв. вина в тыс. гектолитр.
1913	1.550 тыс.	44.172
1914	1.534 „	59.981
1915	1.533 „	20.442
1916	1.574 „	36.068
1917	1.506 „	38.227
1918	1.501 „	44.985
1919	1.495 „	54.353
1920	1.490 „	56.034
1921	1.143 „	47.451
1922	1.408 „	75.224
1923	1.385 „	56.982
1924	— „	67.312

Что говорят все эти цифры?

Они говорят о том, что французское виноделие, очень сильно пострадавшее за годы войны и давшее снижение в 1915 г. почти в 3 раза в сравнении с 1914 г. (вследствие также и плохого сбора винограда), в настоящий момент восстановило уровень довоенной продукции и даже превзошло его. Точно так же и количество зарегистрированных виноделов дает почти довоенную цифру. Следовательно, кризис французского виноделия заключается не в уменьшении продукции вина. Наоборот, кризис заключается в перепро-

дукции вина, не находящего достаточного сбыта. Основная причина этого кризиса сбыта сводится к следующему. За время войны Франция потеряла известную часть своих внешних рынков сбыта. В среднем, за пять лет с 1909 г. по 1913 г. Франция ежегодно экспортировала вина на 215 млн. золотых франков. По весу в 1913 г. Франция экспортировала вина 1.908.302 метрических квинтала. За послевоенный период мы видим следующие цифры в метрических квинталах [1]):

1920 г.	2.151.439	1923 г.	1.728.631
1921 г.	2.071.336	1924 г.	2.574.283
1922 г.	1.198.636		

Таким образом, французский экспорт, за исключением разве 1924 г., был по своим размерам не пропорционален росту внутреннего производства вина. Кроме того, цены на французские вина сильно пали, в то время как цены на все товары в золоте взросли в сравнении с 1913 г. Пример: весь вывоз вина из Франции в 1921 г. превышал довоенную цифру, а по стоимости все вывезенное вино по курсу франка стоило 148 млн. золотых франков против 203 млн. в 1913 г.

Во-вторых, необходимо иметь в виду, что приведенные нами данные о французском виноделии относятся к Франции без Эльзас-Лотарингии. Между тем, Эльзас-Лотарингия является также винодельческой провинцией; присоединение ее к Франции означает потерю для эльзасских вин немецкого рынка и переполнение добавочным количеством вин Эльзаса внутреннего французского рынка, который страдал от перепроизводства и без Эльзас-Лотарингии. Кроме того, необходимо иметь в виду, что культура винограда и виноделие развиваются также в Алжире, что также ухудшает положение французских виноделов в старых винодельческих округах Франции. Вопросу о винодельческом кризисе во Франции уделяется очень много внимания как в специальной, так и в общей прессе. Однако нельзя сказать, чтобы до сих пор правительство и винодельческие круги могли придумать какие-нибудь действительно радикальные мероприятия для ликвидации кризиса, кроме усиления экспорта. В экспорте же вина Франция уже перешагнула за довоенный уровень.

Обращаясь к причинам, об'ясняющим сравнительно медленный темп восстановления французского земледелия, мы должны прежде всего указать на проблему рабочей силы во французской деревне. Во время мировой войны французское

---

[1]) „Statistique mensuelle du commerce exterière de la France", Paris, 1924, p. 28.

крестьянство потеряло максимальное количество молодых рабочих сил в сравнении, напр., с промышленностью и с городом вообще. Французский крестьянин поставлял кадры пехоты, т.-е. той части вооруженных сил, которая во всякой войне терпит максимальный ущерб. Если значительные кадры французских рабочих работали на оборону и тем самым не были подвержены истреблению во время войны, то сыновья французских крестьян не могли воспользоваться такой ситуацией. В результате французская деревня обезлюдела, ее наличных рабочих сил не хватает для обработки довоенной площади земли. С другой стороны, как мы уже видели выше, французское население не только не растет, а даже обнаруживает тенденцию к сокращению. Французским крестьянам приходится поэтому прибегать к использованию на фермах иностранной рабочей силы, которая, благодаря своей текучести, ни в коем случае не может заменить убыль собственных рабочих сил французского земледелия. В настоящий момент жалобы на недостаток рабочей силы во французском земледелии не прекращаются, и импорт батраков из других стран не разрешает полностью проблемы. В результате, недостаток рабочих сил вместе с другими последствиями войны не может перевесить тех временных выгод, которые война дала французскому крестьянству как вследствие более высоких цен на продукты сельского хозяйства, так и вследствие того, что крестьянству Франции удалось улучшить за время войны сельскохозяйственный инвентарь и освободиться от части ипотечной задолженности. Эти отрицательные последствия войны не могут уравновесить и того факта, что, как мы увидим ниже, французское крестьянство меньше других классов французского общества участвует в налоговом бремени [1]).

В общем и целом, следовательно, баланс войны свелся с очень большим дефицитом для французского крестьянина. Этим об'ясняется очень глубокий пацифизм французской деревни в настоящий момент и очень большое разочарование в исходе войны 1914—18 г.г.

Каков же в настоящий момент годовой доход французского земледелия?

Здесь нам опять-таки приходится оперировать довоенными данными, поскольку точными данными за послевоенный период мы не располагаем. На основании статистики сельского хозяйства, опубликованной министерством земле-

[1]) Впрочем, последний финансовый законопроект правительства Бриана—Лушера с его увеличением ставок на недвижимость застроенную и незастроенную ликвидирует отчасти и это налоговое преимущество французской деревни.

делия в 1912 г., стоимость годового производства французского земледелия в 1911—12 г. равнялась:

Растительные продукты:

	Франки.
Зерновые культуры	4.414.000
Другие зерн. прод. питания	105.000
Картофель	1.133.000
Солома	960.000
Фураж, искусств. луг. корнеплоды	1.929.000
Луговодство	1.714.000
Технич. культуры	364.000
Продукты виноделия	1.816.000
Огородничество и садоводство	1.060.000
Продукты овцеводства	300.000
Итого	13.797.000

Продукты животноводства.

	Франки.
Убой скота	3.800.000
Продукты молочн. хозяйства	1.500.000
Шерсть	50.000
Птицеводство	700.000
Кокон шелковичного червя	22.000
Мед и воск	20.000
Итого	6.182.000
А всего по всем статьям	19.977.000

Пюпэн считает правильным в своей вышецитированной книге о национальном доходе и национальном имуществе Франции уменьшить этот валовой доход на 3 млн., чтобы получить чистый доход от французского земледелия, т.-е. вычитает около 20%. При такой поправке чистый доход французского земледелия он считает возможным принять для исследуемого года в 15—16 млрд. Автор не приводит доказательств, почему он остановился именно на этой цифре вычета.

В каком размере в других странах производились вычеты из валового дохода для определения чистого дохода с земледелия, можно видеть из следующих примеров:

В Америке соответствующие вычисления дают такой результат:

В 1919—1920 году валовой доход земледелия равнялся 15,8 миллиардов долларов, а чистый 8,1, т.-е. 51,3% валового,

В 1923—1924 году валовой—11,47 миллиардов долларов. чистый—4,89, т.-е. 42,6% от валового [1]).

Данные нашего ЦСУ о советском земледелии за 1913 и за 1924—25 г.г. устанавливают следующую пропорцию между валовым и условно чистым доходом земледелия [2]):

В 1913 году валовой доход—12.826 млн. рубл., условно чистый — 9.173 млн., в 1924 — 25 валовой — 9.150, условно чистый—6.576, т.-е. и в том и другом случае из валового дохода вычитается около 28%.

Для Франции при более высокой интенсификации хозяйства, чем в СССР, и более низкой, чем в Америке, процент чистого дохода от земледелия в сравнении с валовым должен быть ниже, чем у нас, и выше, чем в Америке, между тем как у Пюпэна он выше, чем у нас. Это значит, что Пюпэн берет неверную пропорцию между валовым и чистым доходом.

Как мы видели выше, французское земледелие еще не достигло довоенного уровня. Следовательно, для учета его годового дохода за последние годы довоенную цифру приходится сократить пропорционально падению его производительной способности в те годы, которые мы уже анализировали, и прибавить к этой уменьшенной цифре годовой доход земледелия и виноделия по Эльзас-Лотарингии. При таком подсчете, исходя из процента падения посевной площади в сравнении с довоенным и падения животноводства (считая в единицах крупного скота), доход от земледелия и полеводства в 1924 г. должен быть приблизительно на 10% менее, чем до войны.

---

1) Income from Agricultural Production, Supplement № 8. 1924 г.

2) Доход назван условно чистым, т. к. из валового дохода вычитается только нашим ЦСУ семена и корм скоту и не вычитается годовая амортизация инвентаря, построек и т. д.

ТОРГОВЫЙ БАЛАНС ФРАНЦИИ

До войны торговый баланс Франции, как типичной страны экспорта капитала, был пассивным. В 1913 г. экспорт равнялся 6.880.217 тысяч золотых франков, импорт 8.421.332 тыс. франков.

Размер основных статей французского экспорта перед войной и его состав были равны ежегодно, исходя из средней за 5 лет с 1908—1913 г.г., следующим цифрам:

Шелковые изделия	360	млн.зол.фр.
Хлопчатобумажные изделия	353	„ „ „
Шерстяные (брют)	335	„ „ „
Вино	215	„ „ „
Изделия из шерсти	205	„ „ „
Автомобили	203	„ „ „
Изделия Парижа	181	„ „ „
Шелковые охлопки	167	„ „ „
Кожа	155	„ „ „
Женская одежда	132	„ „ „
Изделия из кожи	130	„ „ „
Хлопок дешет	121	„ „ „

Импорт во Францию до войны характеризовался следующими цифрами по наиболее важным статьям[1]).

Хлеб всех видов	565.790	тыс.	зол.	франк.
Кофе	207.514	„	„	„
Шерсть	701.747	„	„	„
Кожи (необработанные)	248.926	„	„	„
Шелк и шелковые охлопки	316.079	„	„	„
Маслины и семена их	387.551	„	„	„
Хлопок всех видов	577.694	„	„	„
Уголь	583.997	„	„	„
Медь	192.781	„	„	„
Паровые котлы, двиг. меторы, части машин	321.369	„	„	„

[1]) Statistique mensuele du Commerce exterière de la France, Paris, 1924.

Посмотрим теперь, как обстояло дело с торговым балансом Франции во время войны и после войны. Не касаясь пока анализа французского торгового баланса ни по странам назначения вывоза, ни по составу экспорта и импорта, бросим сначала беглый взгляд на общие цифры.

	Ввоз	Вывоз	Баланс	Баланс в золотых франках
1914—18 г.г.	73.037 млн.	25.753 млн	— 47.284	— 43.400 млн. зол. фр.
1919	32.169 „	11.879 „	— 20.290	— 14.400 „
1920	46.914 „	26.894 „	— 20.020	— 7.200 „
1921	22.067 „	19.772 „	— 2.225	— 851 „
1922	23.930 „	21.378 „	— 2.552	— 1.090 „
1923	32.608 „	30.431 „	— 2.177	— 680 „
1924	40.133 „	41.454 „	+ 1.321	+ 355 „

В этой таблице мне пришлось самому сделать вычисление баланса французской внешней торговли за последние 10 лет в золотых франках, т.-е. с переводом бумажных франков каждого года по курсу доллара, исходя из среднего годового курса франка, а для 1914—1918 г.—исходя из среднего курса за 5 лет войны.

Кстати сказать, эту операцию над французскими официальными данными нам придется не раз проделывать и ниже, поскольку как официальные французские статистики, так и финансисты и экономисты Франции не научились еще как следует анализировать все цифры, выраженные в бумажном франке, в золотом исчислении. Между тем, как мы увидим ниже, резкое отклонение франка от паритета за время войны и особенно за послевоенный период делает совершенно бессмысленными всякие вычисления и всякие сравнения, если бумажный франк не переводится в франк золотой. Мы увидим ниже, что франк одного года есть величина совершенно различная по сравнению с франком другого года, и поэтому складывать франк 1914 г. с франком 1924 г. значит делать операцию хуже, чем складывать футы с метрами. Правда, известным коррективом для изменения курса франка при анализе экспорта и импорта служат цифры экспорта и импорта *по весу*, но этот важный показатель не в состоянии давать всегда верную картину.

Тем не менее, чтобы использовать и этот показатель, мы приведем сейчас же, кроме приведенной таблицы, таблицу экспорта и импорта по годам в тысяч. тонн.

Эта таблица такова: (В тысяч. тонн).

	Импорт	Экспорт
1914 г.	33.433	12.620
1915	33.049	4.091
1916	40.909	3.730
1917	34.832	3.011
1918	29.351	3.788
1919	32.477	5.564
1920	50.538	12.855
1921	40.006	16.035
1922	51.418	22.642
1923	54.921	24.889

Сопоставляя все эти данные, мы видим, что 4 военные года и 2 года после войны дают колоссальный дефицит во внешней торговле Франции. С 1921 по 1923 г., т.-е. за годы перелома после войны, торговый баланс Франции продолжает оставаться пассивным на гораздо меньшую сумму, и, наконец, последний отчетный 1924 г. дает впервые для Франции активный баланс. Из всех этих цифр видно, кроме того, что колебания франка затушевывают истинную картину в области внешней торговли; так, напр., в 1920 г. ценность ввоза и вывоза растет в сравнении с предыдущим годом почти наполовину, в то время как весовые показатели дают увеличение едва на 10%. Если же взять цифры экспорта и импорта Франции по курсу доллара, то картина будет следующая:

(В миллиардах золотых франков).

	Импорт	Экспорт
1914 г.	33,57	12,67
1915	30,72	3,82
1916	36,27	3,31
1917	31,46	2,72
1918	27,10	3,50
1919	23,03	3,95
1920	18,18	4,62
1921	15,39	6,17
1922	21,88	9,63
1923	17,16	7,78
1924	10 79	11,15

Огромный дефицит в торговом балансе Франции за первые 4 года войны и в особенности за первые 2 года после войны несомненно отражали колоссальный дефицит во всем народном хозяйстве Франции.

Колоссальные расходы на войну не только приводили к растрате наличных ресурсов страны, имевшихся внутри ее, но и вызвали необходимость пополнения ресурсов огромным ввозом извне.

Дефицит во внешней торговле Франции за 10 лет, приблизившись к цифре в 100 млрд. бум. франков или 74 млрд. золотых, отражал косвенно размеры тех потерь, которые понесла Франция во время военного столкновения. Естественным результатом такого положения было резкое возрастание внешней задолженности Франции, ликвидация большого количества ценных иностранных бумаг, находившихся в портфеле Франции, резкое ухудшение ее платежного баланса. К этим проблемам мы еще вернемся ниже, при анализе платежного баланса Франции и ее внешней задолженности, а теперь посмотрим, как изменилось направление французского импорта в последние 2 года в сравнении с довоенным периодом. Более или менее полную картину этого читатель увидит из следующей таблицы на стр. 33-й.

Приведенная таблица дает нам очень интересные данные, характеризующие, с одной стороны, усиление торговых связей с одними из стран мирового хозяйства в сравнении с довоенным, ослабление торговых связей по отношению к другим.

Из цифр, относящихся к 1913 году, мы видим, что по размерам своего импорта до войны Франция больше всего была связана с Англией, Германией, С. Штатами, Бельгией, Аргентиной, Италией и Испанией.

Что касается связи Франции с ее колониями, то по импорту Франция была связана с ними меньше чем на 10% всей общей цифры своего ввоза. Импорт Франции из Германии, Англии, С. Штатов, взятый в отдельности, играл большую роль, чем импорт из всех французских колоний. Экономическая связь Франции с ее колониями в 1923—24 г. г. в сравнении с довоенной, если учесть падение франка, увеличилась совсем немного. Значительное увеличение показывает лишь 1924 г. в сравнении с 1923 г. К значению всего этого факта мы еще вернемся ниже.

Что касается других стран, то максимальный рост импорта во Францию дает Канада и затем С. Штаты. Увеличился также французский импорт из Англии, Бельгии, Аргентины и Италии. Резкое сокращение, если принять во внимание падение стоимости франка, дает германский импорт во Францию.

Внешняя торговля Франции (в миллионах франков) [1].

	Экспорт			Импорт				
	1913	1923	1924	1913	Сальдо	1923	Сальдо	1924	Сальдо
С. Штаты	895	5.056	5.750	1.454	— 772	6.148	— 2.560	7.818	— 2.606
Великобрит.	1.115	5.275	4.962	1.108	+ 339	5.796	+ 873	7.114	+ 2.856
Бельг. и Люкс.	556	2.408	2.656	867	+ 552	1.081	+ 3.388	3.773	+ 4.458
Германия	1.069	1.051	2.015	423	— 202	2.496	— 30	3.144	+ 1.758
Арген. рес.	369	1.272	1.814	406	— 169	2.113	—	2.163	—
Италия	241	1.226	1.510	306	—	1.182	—	1.479	—
Голландия	114	1.003	1.165	—	—	973	—	1.371	—
Бразилия	174	693	1.061	83	—	632	—	1.116	—
Саар. окр.	—	712	1.047	151	—	909	—	1.156	—
Испания	282	608	837	200	—	613	—	696	—
Швейцария	135	603	665	86	— 131	252	+ 1.430	368	1.948
Швеция	111	424	577	27	+ 271	183	—	333	—
Канада	19	374	483	15	—	177	—	221	—
Япония	124	209	456	25	—	129	—	154	—
Чехословакия	—	210	198	—	—	54	—	100	—
Норвегия	37	165	183	11	—	70	—	97	—
Друг. ин. госуд.	2.384	8.295	10.688	823	— 1.561	3.555	— 4.740	4.554	— 6.134
Франц. влад.	797	3.085	4.066	995	—	4.070	—	5.300	—
	8.422	32.689	40.133	6.880	—	30.433	—	41.424	—

[1]) Revue de l'économie politique, mars-avril 1925, статья M. Olivier „Le commerce exterier".

Но здесь необходимо иметь в виду, что в цифре 1913 г. фигурирует Германия вместе с Саарским округом и, естественно, вместе с Эльзас-Лотарингией.

Что касается сравнения по импорту 1923 г. с 1924 г., то здесь характерно сокращение французского импорта из Англии и резкий, почти в 2 раза, рост импорта из Германии. Очень значителен рост импорта из Аргентины, Бразилии и других стран Южной Америки, которые фигурируют в графе „другие иностранные государства". Другие страны дают увеличение импорта более или менее пропорционально общему увеличению импорта 1913 г. в сравнении с 1923 г., выраженного в бумажных франках.

Переходим теперь к анализу экспорта.

Странами максимального французского экспорта были С. Штаты и Англия, при чем по отношению к С. Штатам Франция имела активный и по отношению к Англии—пассивный баланс. В 1923 г. С. Штаты и Англия продолжают играть доминирующую роль в направлении французского экспорта, при чем из сравнения 1923 г. со следующим мы видим, что связь Франции по экспорту с С. Штатами, с Бельгией, с Германией возрастает быстрее, чем связь с Англией. Очень резкое увеличение экспорта мы имеем также в Бразилию, в Канаду, в Швецию и по рубрике „другие страны". Точно так же значительное увеличение экспорта наблюдается и во французские колонии. Чрезвычайно важно для условий французского экспорта подчеркнуть здесь тот факт, что французский экспорт за последний отчетный год в С. Штаты, Англию, в Бельгию и Германию дает больше половины общей цифры всего французского экспорта. Это значит, что торговый оборот Франции только с этими 4 капиталистическими странами перевешивает весь ее экспорт со всеми остальными странами света. Это имеет огромное значение, как показатель зависимости французской промышленности от этих стран как с точки зрения реализации своей продукции, так с точки зрения судьбы франка, потому что состояние платежного баланса Франции по отношению к этим странам, прежде всего Америке и Англии, в дальнейшем будет играть еше большую роль в поддержании курса французской валюты. С другой стороны, от таможенной политики Америки и Англии зависит очень многое для дальнейшего нормального роста французского экспорта в эти страны. Когда в Англии были восстановлены снова так наз. „пошлины Мак-Кена", французские промышленные, финансовые и торговые круги реагировали на это самым живейшим образом. Точно так же и увеличение протекционизма в Америке может чрезвычайно больно ударить по французскому экспорту в эту страну.

Но приведенные нами данные, характеризующие степень связи французского народного хозяйства с народным хозяйством других стран, еще не дают представления о том, по каким товарам наблюдается наибольший рост французского экспорта и в какие страны этот растущий экспорт направляется. Чтобы ответить на этот чрезвычайно важный вопрос, нам необходимо подвергнуть анализу состав французского экспорта за последние годы и роль отдельных стран в поглощении этого растущего вывоза.

Для ответа на поставленный нами вопрос необходимо: 1) из общей массы французского экспорта выделить экспорт средств потребления и установить, в какой степени вывоз Франции характеризует эту страну, как страну крупного капиталистического производства; затем 2) из общей цифры французского промышленного экспорта надо выделить товары, которые производятся преимущественно во Франции и которые Франция преимущественно вывозила до войны. Это даст нам возможность выяснить, какая часть современного французского экспорта падает на такие товары, которые производят и вывозят на мировой рынок и другие капиталистические страны. Тем самым мы выясним, с кем прежде всего конкурирует французская промышленность в настоящий момент, на каких рынках, чью продукцию она прежде всего вытесняет дешевизною своих товаров и какие отрасли французской индустрии прежде всего должны будут пострадать в том случае, если Франция перейдет на твердую валюту и, следовательно, не сможет искусственно удешевлять цены на свою продукцию, используя реальное падение заработной платы.

Согласно „Statistique mensuelle“ внешняя торговля Франции характеризовалась нижеследующими основными цифрами.

Начнем с анализа французского импорта:

В 1913 г. весь французский импорт в весовом выражении равнялся 442.203.860 метр. квинталов.

в 1920 г. мы имеем. . .	505.379.264
„ 1921 „ „ . .	400.621.020
„ 1922 „ „ . .	514.182.910
„ 1923 „ „ . .	548.646.825
„ 1924 „ „ . .	564.917.876

Что касается военного периода, то в весовом отношении французский импорт все время был ниже довоенной цифры и, тем более, ниже цифры 1924 г. Таким образом, весь французский импорт по весу возрос в 1924 г. по сравнению с довоенным на 28 %.

Что касается роста импорта в ценностном отношении, то об этом дают представление следующие цифры:

Весь импорт Франции в 1913 г. равнялся 8.421.332.000 золотых франков. Соответствующая цифра за 1924 г.— 40.132.574.000 бумажных франков. Для того, чтобы сделать эти 2 цифры сравнимыми, нам необходимо перевести бумажные франки 1924 г. в золотые франки по курсу доллара. Если отношение паритета довоенного золотого франка принять за 100, то средний для 1924 г. коэффициент падения франка будет равняться 3,72. Разделив таким образом 40 с лишним миллиардов на 3,72, мы получим общую цифру французского импорта в 1924 г. равной 10.720 млн. золотых франков вместо 8.421 млн. в 1913 г., т.-е. французский импорт по ценности увеличился на 28 %.

Перейдем теперь к более детальному анализу вышеприведенных цифр.

Если общую цифру французского импорта взять в весовом отношении, на долю фабрикатов в 1913 г. приходилось 15.477.190 квинталов.

в 1913 г.	14.717.695
„ 1924 „	14.767.221

Из всех продуктов питания

1923 г. дает	55.119.320
1924 г. „	56.728.878

Материалы для промышленности, т.-е. промышленное сырье, дает

в 1923 г.	371.607.354
„ 1924 „	493.421.777 квинт.

Таким образом, из приведенных данных мы видим, что ввоз во Францию фабрикатов в 1924 г. по сравнению с 1913 г. в весовом отношении дает уменьшение на 709.969 квинталов, ввоз продуктов питания дает увеличение на 1.607.558 квинт., в то время, как ввоз промышленного сырья дает увеличение на огромную сумму в 121.814.427 квинтал., или на 32,6 %.

Уже при беглом взгляде на эти цифры читатель может видеть здесь чрезвычайно яркую иллюстрацию растущей индустриализации французского народного хозяйства. Уменьшается количество ввезенных иностранных фабрикатов, увеличивается количество ввезенных продуктов питания и одновременно почти на $^1/_3$ увеличивается импорт промышленного сырья.

Если мы подойдем к анализу этих цифр в ценностном выражении, то мы увидим ту же самую картину.

В 1913 г. стоимость ввезенных фабрикатов равнялась 1.658.021 тыс. золотых франков. В 1924 г. та же цифра равна

5.088.432 тыс. бум. фр., или 1.367.800 тыс. золотых франков, считая по принятому мной методу исчисления.

Ввоз продуктов питания равнялся по ценности в 1913 г. 1.817.579 тыс. золотых франк., в 1924 г.—8.905.791 тыс. бум. франк., или 2.394.000 тыс. зол. франков.

Ввоз промышленного сырья в 1913 г. был 4.945.732 т. зол. фр., в 1924 г.—26.138.351 тыс. бум., или 7.026.400 тыс. золотых франков.

Таким образом, и стоимостный анализ французского импорта по этим трем основным статьям дает совершенно ту же картину, что и анализ этого импорта в весовом отношении. Впрочем, ту же картину мы увидели бы, если бы взяли процентное увеличение по всем трем статьям, выраженное в бумажных франках.

Для фабрикатов увеличение было бы на 370 %
„ продуктов питания . . . . . „ 490 %
„ промышленного сырья . . . . . „ 528 %

В данном случае мы имеем сравнимые величины, даже в бумажных франках, поскольку пропорция изменения видна и при этом методе исчисления, потому что исходной цифрой является величина 1913 г., выраженная в золотых франках.

Переходим теперь к анализу французского экспорта.

В 1913 г. Франция вывезла всех товаров в размере 220.745.130 метрич. квинталов на сумму 6.880.217 золотых франков.

В 1924 г. она вывозит 193.857.992 квинтала на сумму 41.454.137 т. бум. фр., или по нашему методу исчисления на 11.143.500 тыс. золотых франков. Уже из одних этих цифр можно видеть рост индустриализации страны, поскольку в весовом отношении французский экспорт возрос лишь на 33,4 %, тогда как в ценностном отношении он возрос на 62,1 %. Если даже сделать здесь необходимую поправку на падение покупательной способности золота, т.-е. на рост золотого индекса цен, то и тогда рост французского экспорта в ценностном отношении в сравнении с ростом его в весовом отношении делается для нас совершенно очевиден.

Еще более яркую картину дает более детальный анализ этого экспорта[1]). Вывоз фабрикатов из Франции равнялся в

[1]) Этот рост экспорта французских фабрикатов будет еще больше, если мы присоединим к нему экспорт через почтовые посылки, каковая цифра во французском статистическом таможенном отчете приводится отдельно. С присоединением стоимости посылок мы будем иметь ценность французского экспорта в 7.076.600 тысяч золотых франков.

1913 г. в весовом отношении 22.833.241 квинт. на сумму 3.617.046 тыс. зол. франк. Экспорт фабрикатов в 1924 г. равнялся в весовом отношении 36.081.524 квинталов на сумму 24.861.158 тыс. бум. фр., или по нашему методу исчисления на 6.683.100 тыс. золотых франков!

Что касается экспорта продуктов питания, то он равнялся в 1912 г. 14.506.760 квинт. на сумму 838.898 тыс. зол. франк., а в 1924 г. этот вывоз равнялся в весовом отношении 16.332.067 квинт. на сумму 3.996.370 бумажных, или 1.074 тыс. золотых франков.

Что касается французского экспорта промышленного сырья, включая сюда и необработанные металлы, то он равнялся в 1913 г. в весовом отношении 182.991.630 квинталов на сумму 1.858.091 тыс. зол. франков, а в 1924 г. в весовом отношении: 241.064.122 квинт. на сумму 10.532.625 бум. фр., или 2.831.300 зол. фр.

Эти данные говорят о том же самом, о чем говорит и анализ французского импорта. Очень немного возрастает экспорт продуктов питания, при чем в числе продуктов питания фигурирует много продуктов, которые подверглись фабричной переработке; очень сильно и в весовом и в ценностном отношении возрастает вывоз фабрикатов, при чем в ценностном отношении вывоз усилился гораздо больше, чем в весовом. Наконец, также возрос в неменьшем масштабе импорт промышленного сырья и полуфабрикатов, что говорит несомненно о большом потреблении промышленного сырья и полуфабрикатов собственной промышленностью Франции.

Подводя итог, мы здесь видим, что почти все основные показатели в области французского импорта и экспорта говорят о быстром росте индустриализации страны, во-первых, и о большой зависимости экономики Франции от мирового хозяйства, во-вторых.

Этот последний факт имеет огромное значение постольку, поскольку среди европейских стран послевоенная Франция представляет счастливое исключение: ее промышленность превысила продукцию довоенного уровня и продолжает развиваться, в то время как промышленность других европейских капиталистических стран или стоит на одном уровне или, как в Англии, обнаруживает тенденцию к упадку. Чем больше, следовательно, промышленность Франции связывается с мировым хозяйством, чем относительно большую роль играет для ее развертывания внешний рынок, тем больше в дальнейшем она будет зависеть от состояния общей мировой хозяйственной конъюнктуры.

Что касается 1925 года, то мы можем привести данные о состоянии торгового баланса страны лишь за первые

8 месяцев. За это время импорт равнялся 30.166.511 метрических тонн, или на 7.713.070 тонн меньше аналогичных месяцев 1924 года. В ценностном выражении импорт был равен 25.167.388 тыс. франков, меньше первых 8 месяцев 1924 г. на 852.480.000 франков. Экспорт равнялся за тот же срок 19.921.961 метрич. тонн, больше соответствующих месяцев 1924 г. на 1.392.317 тонн, а по ценности равнялся 28.367.063 тыс. бумажных франков, больше соответствующих месяцев 1924 г. на 1.213.651 тыс. франков. Из этих цифр мы видим, что активность торгового баланса Франции продолжает расти и в 1925 г., хотя и в такой мере, как это показывают цифры в бумажных франках.

Но более любопытно изменение в составе экспорта. За рассматриваемые нами 8 месяцев 1925 г. в сравнении с соответствующими месяцами 1924 года возрос экспорт автомобилей на 430.890.000 франков, шелковых изделий на 377.444.000, металлических изделий на 260.517.000, обработанной кожи 163.638.000, изделий из каучука на 158.092.000. Эти цифры крайне показательны, как иллюстрация продолжающейся индустриализации страны и увеличения удельного веса в экономике ее как раз тяжелой промышленности и машиностроения.

Наибольшее уменьшение показывает экспорт шерстяных—402.071.000, хлопчатобумажных изделий—219.318.000, одежды и белья—225.299.000 [1]).

Обращаясь к вопросу о том, в какой степени современная Франция начинает все более и более конкурировать на мировом рынке с классическими странами тяжелой промышленности и, в частности, в области машиностроения, мы видим здесь следующую картину. Экспорт моторов, котлов, отдельных частей машин по весу возрастает с 823.086 метрич. квинталов в 1913 г. до 1.651.927 в 1924 г., автомобилей с 258.231 в 1913 г. до 619.116 в 1924 г., металлического оборудования и изделий из металла с 1.492.490 в 1913 г. до 2.964.288 в 1924 г. О роли экспорта черного сырого металла мы уже говорили в главе о промышленности. Кроме того, растет экспорт по другим фабрикатам, как шелка и изделий из шелка, хлопчатобумажных изделий, шерстяных, из каучука (69.296 метр. квинталов до 275.664) и т. д. Почти по всем фабрикатам перечисленных статей Франция конкурирует с крупнейшими капиталистическими странами в гораздо большей степени, чем до войны. А это означает в сфере мировой политики обострение антагонизма между Францией, с одной стороны, Америкой, Англией и Германией,—с другой.

---

1) См. „L'economiste Français", 24 octobre 1925, p. 518—519.

Эта растущая связь Франции с мировым хозяйством делает также еще более настоятельным проведение денежной реформы во Франции и стабилизацию французской валюты. Ниже мы увидим, как обстоит в настоящий момент дело с судьбой французского франка и каковы намечаются перспективы в этой области. Здесь мы сделаем только следующее замечание обще-теоретического характера. Ликвидация золотого обращения и введение во всех странах, кроме Америки, бумажной валюты, с одной стороны, была следствием начавшегося распада мирового хозяйства, а с другой стороны, была одной из важнейших предпосылок и причин для усиления хозяйственной автаркии, т.-е. замкнутости, отдельных государств, входящих в единую систему мирового хозяйства. Золото может существовать в качестве мировых денег лишь на базе развитого мирового хозяйства и мирового обмена. Золотые цены перед войной резюмировали в стоимостном отношении определенный момент в развитии производительных сил мирового хозяйства и его отдельных частей, а также обнажали известную нивеллировку хозяйственных условий отдельных стран.

Установившаяся временно хозяйственная автаркия в ряде стран привела, если можно так выразиться, к национализации определенных количеств золота в рамках данных национальных хозяйств и затруднила их связь с каналами золотого обращения Америки. Мы говорим—затруднила, поскольку тезаврированное у частных лиц золото имело доступ к каналам золотого обращения С.-Штатов, в то время, как золотые запасы государственных банков почти не входили в соприкосновение с ними. Получалась картина, как если бы у живого краба оторвали все ноги и клешни и оставили один лишь корпус. В этот период отрыва национального золота отдельных стран от золота, как мировых денег, национализированные количества золота также в значительной степени отмирали для мирового обращения, как отмирают оторванные части животного, лишенные связи с целым.

Теперь начинается обратный процесс: включение зааретованного в национальных пределах золота в каналы мирового обращения. Сначала к золотому обращению перешла Швеция, потом Англия. Но необходимо помнить, что в настоящий момент включение какой-либо страны с бумажной валютой в золотое мировое обращение означает гораздо более тесную приспособленность хозяйственных отношений данной страны к стоимостным отношениям Америки.

Если внутренние экономические условия данной страны близки американским, то этот процесс может пройти для страны без особенно больших потрясений.

Но если эти отношения сильно разошлись в период хозяйственной автаркии, то это неизбежно должно повести к искусственному подтягиванию данной страны к американским отношениям и повлечь за собой введение ряда искусственных изолирующих мер, как новые таможенные тарифы и т. д. В этом случае переход на золотое обращение не пройдет безболезненно для страны. Есть все основания думать, что современная Англия переживает усиление кризисного состояния как раз вследствие ее перехода к золотому обращению и связанного с этим приспособления ее хозяйства к хозяйству С. Штатов. Тот же самый процесс во Франции может оказаться еще более болезненным.

Но, с другой стороны, современная Франция не может долго находиться в состоянии валютной изоляции от Америки—Англии, не может долго оставаться со своей падающей валютой.

С этой точки зрения кризис французской валюты не только, как мы увидим ниже, связан с инфляцией бумажных франков, но и является отражением несоответствия, которое получается между растущей связью Франции с мировым хозяйством и растущей оторванностью ее валюты от мирового, в первую голову американского и английского, золотого обращения. Современная Франция не сможет уже долго существовать со своим падающим франком, она должна будет стабилизировать валюту, во-первых, и через некоторое время перейти к золотому обращению—во-вторых. Но эта операция очень сильно пошатнет ее позицию на мировом рынке, и только после завершения всей этой операции можно будет говорить о том, в какой степени растущее включение Франции в орбиту мирового хозяйства является результатом инфляционного периода и в какой степени мы имеем здесь дело с более прочным изменением в мировом разделении труда.

Теперь нам нужно было бы, казалось, сделать некоторые общие выводы относительно торгового баланса Франции с точки зрения восстановления французского хозяйства и, в частности, дать оценку достигнутой активности торгового баланса Франции.

Как известно, французские экономисты и финансисты в настоящий момент с огромным удовлетворением констатируют ликвидацию пассивности торгового баланса Франции, начиная с 1924 г. Мы, однако, не можем сделать никаких выводов о роли активности торгового баланса Франции для состояния ее народного хозяйства, если не остановимся на состоянии ее платежного баланса и если не поставим данные о торговом и платежном балансе в связь с общей экономической кон'юнктурой страны.

ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС ФРАНЦИИ

Состояние платежного баланса во Франции недостаточно выяснено французскими исследователями. Отдельные авторы дают совершенно различные цифры. Эта разница в оценке не только вытекает из различных методов подсчета баланса, но и из невыясненности цифр по отдельным статьям. Достаточно указать на разноголосицу, существующую при оценке платежного баланса Франции на 1923 г. Для этого года Н. Декамп, директор экономических исследований при Французском банке, исчисляет дефицит по платежно-расчетному балансу Франции в 2—3 млрд. франков.

„Bulletein Quotidien", орган Комитета тяжелой промышленности Франции, считает платежный баланс Франции за 1923 г. в равновесии (Bulletin, 22 февр. 1924 г.).

Бюллетень Французского Национального Банка для Внешней Торговли выводит по кредиту 34 млрд. фр., по дебету 34.700 млн. фр. и таким образом устанавливает дефицит в 700 млн. фр.

Довольно обстоятельный очерк платежного баланса Франции мы находим в статье П. Миньяля, помещенной в „Revue de l'économie politique" [1]). Для 1923 г. автор выводит по платежному балансу дефицит в 216 млн. франков.

Приведем из упомянутой выше статьи П. Миньяля ряд данных о платежном балансе Франции до и после войны.

Расчетный баланс Франции за 1913 г.

	Актив.	Пассив.
Превышение импорта товаров над экспортом .		1.541 млн. фр.
Превышение импорта драгоценных материалов .		183 „ „
Дефицит, связанный с торговлей с колониями .		130 „ „
Доход, полученный от морского транспорта . .	330 млн.	
Доход от морского страхования	30 „	
Получение, связанное с транзитом	30 „	
Издержки иностранных туристов во Франции .	600 „	
% по франц. капиталам, помещенным за границей	2.300 „	
% по иностран. обязательствам во Франции . .		400 „ „
Новые иностранные эмиссии на франц. рынке .		1.555 „ „
	3.290 млн. фр.	3.409 млн. фр.

[1]) Pierre Meynial—„La balance des comptes de la France" „Revue d'économie politique", 1925 г., кн. I.

Этот расчет, по мнению автора, не балансируется, потому что в нем преувеличена сумма процентирования иностранных капиталов, вложенных во Франции, и преуменьшен платежный % по французским капиталам, помещенным за границей.

Из приведенных цифр читатель видит, что включение во вторую графу, т.-е. графу пассива, новых эмиссий на французском рынке носит, конечно, чисто формальный, бухгалтерский характер. Фактически же новые эмиссии представляют из себя ту часть накопляемого ежегодно дохода, который не может найти помещения внутри страны и служит источником для экспорта капитала. С этой точки зрения довоенная Франция представляла из себя страну очень больших излишков внутреннего накопления, которые размещались в других странах и % по которым играл огромную роль в поддержании ее платежного баланса.

После войны в этом пункте дело изменилось для Франции самым существенным образом. Если до войны Франция имела в других странах вложенных капиталов на сумму 40—50 млрд. золотых франков, то в 1919 г. около половины этой суммы, т.-е. около 20 млрд. ценных иностранных бумаг, принадлежащих французским держателям, потеряли ценность (12 млрд. русских [1]), 3 млрд. австро-венгерских, 2 млрд. турецких, 1 немецких, 1—2 балканских стран и т. д.)., 3 млрд. подверглись очень значительному обесценению, 3 млрд. французских ценных бумаг было продано за границу во время войны. Осталось около 19 млрд. с годовым доходом от 2 до $2^1/_2$ млрд. франков.

Иными словами, если перевести этот доход в бумажных франках во франк золотой, то он будет равен 500—600 млн. зол. фр. Иными словами, современная Франция потеряла около $1^3/_4$ ежегодного дохода, получавшегося раньше от процентного погашения по ее капиталам, вложенным за границей.

Что касается продажи французских ценных бумаг за границу, то здесь нужно иметь в виду следующее обстоятельство. Во время войны французское правительство обратилось к держателям иностранных ценных бумаг с призывом продать эти бумаги французскому правительству и тем дать ему возможность рассчитаться с другими государствами по военным поставкам. По данным того же автора, французское правительство реализовало иностранных ценных бумаг французских граждан в 1914—18 г.г. на 1.700 млн. франк., в 1919 г. на 360 млн. За эти же сроки частные лица продали сами на 1 млрд., а после войны с 1920 по 1924 г. частными лицами было продано от 2 до 3 млрд.

---

[1]) Мы приводим эту цифру русских бумаг, не подвергая ее здесь критике.

Что касается подробных расчетов цитируемого автора, в связи с платежным балансом Франции, то мы отсылаем читателя к таблице, помещенной в приложении. Здесь же мы ограничимся только тем, что перечислим сальдо по отдельным годам. За годы 1914—18 пассив по платежному балансу равнялся 58.972 млн., актив — 60.493 млн., что дает в итоге актив.

1914—1918 г. г.	актив	1.521	млн.	бумажн.	франк.
1919 г.	пассив	4.457	„	„	„
1920 „	пассив	12.935	„	„	„
1921 „	актив	3.866	„	„	„
1922 „	актив	4.018	„	„	„
1923 „	пассив	206	„	„	„
1924 „	актив	4.000	„	„	„

Из анализа платежного баланса Франции за время войны мы видим, что равновесие здесь поддерживалось прежде всего иностранными займами (около 28 млрд.), т.-е. за счет будущего дохода страны. За это время также большую роль продолжали еще играть проценты, которые выплачивались Франции за вложенные за границей капиталы — 10.100 млн. Кроме того, огромную роль играли также расходы иностранных армий, воевавших на французском фронте, которые исчислялись в 8.650 млн. 1919—20 г.г. дают уже огромный дефицит по балансу, потому что сокращаются размеры иностранных французских кредитов, а также прекращаются расходы эвакуированных из Франции иностранных армий, при огромном дефиците по торговому балансу. В дальнейшем сокращение дефицита по торговому балансу резко улучшает платежный баланс Франции и в то же время увеличивается статья доходов Франции от иностранных туристов. Кроме того, в платежах начинают фигурировать поступления по германским репарациям.

В 1924 г. активность торгового баланса Франции значительно изменяет общую кон'юнктуру по сравнению с пред'идущим 1923 г.

В числе статей пассива по платежному балансу каждый год все увеличивается цифра переводов за границу, которые делают иностранные рабочие, работающие во Франции. Любопытно поближе присмотреться к этой цифре.

	Число рабочих, посылающих переводы.	Переведенная сумма во франках.
1920 г.	110.000	330.000.000
1921 „	140.000	336.000.000
1922 „	160.000	388.000.000
1923 „	300.000	720.000.000
1924 „	400.000	960.000.000

Интересна также цифра расходов иностранных туристов во Франции, которая отчасти возмещает те суммы, которые получала Франция от расходов иностранных армий на ее территории.

В 1922 г. эта цифра равнялась 3 миллиардам.
„ 1923 „ „ „ „ 4 „
„ 1924 „ „ „ „ 4 млрд. 800 млн.

Число же иностранных туристов увеличивалось по годам следующим образом:

1920 г.	360
1921 „	630
1922 „	659
1923 „	820
1924 „	801

По данным в 1925 г. наплыв туристов был еще больше, чем в 1924 г., и вероятно превысил 1 миллион.

Во Франции очень много говорилось в специальной и общей литературе об утечке французских капиталов за границу вследствие падения курса франка. Мы не располагаем точными цифрами на этот счет, но некоторые французские исследователи считают количество эмигрировавших за границу французских капиталов в сумме от 10 до 19 млрд. франков. В связи с этим наблюдается следующее интересное явление. Экспортеры, получающие за французскую продукцию платежи в иностранной твердой валюте, предпочитают держать текущие счета не во французских банках, а прежде всего в банках Америки. Только в Соед. Шт. эти текущие счета равнялись сумме около 3 млрд. долларов в 1923 г.

Что касается репарационных платежей Германии, то этим вопросом мы займемся в главе о современном французском бюджете.

Теперь нам необходимо сказать несколько слов насчет состояния торгового и платежного баланса Франции и о перспективах в этом отношении. Но прежде, чем перейти к этому вопросу, я хотел бы сделать несколько замечаний общеметодологического характера, касающихся оценки роли торгового и платежного баланса для отдельных стран, включенных в систему мирового хозяйства.

При анализе торгового баланса некоторые экономисты исходят из голых цифр импорта и экспорта, которые одинаково расценивают при совершенно неодинаковой ситуации в различных странах или по отношению к одной стране, но

в различные периоды ее экономического развития. Они доходят только до разложения торгового и платежного баланса, между тем, как здесь вопрос несравненно сложнее.

Возьмем пример: страна, которая имеет дефицит по торговому балансу. Что это может значить? Вот минимальное количество возможных вариантов.

1-й случай. Страна имеет хозяйственный дефицит, т.-е. в своей массе потребляет больше, чем производит, прибегая к потребительскому кредиту за границей. На весь период реализации займа поток иностранных товаров в эту страну будет превышать ту неизбежную часть возросшего экспорта, которая будет необходима для платежа процентов и погашения по этому долгу.

2-й случай. Страна ввозит в данном году гораздо больше, чем в предыдущем, сырья и оборудования, что есть лишь отражение на участке внешней торговли процесса расширенного воспроизводства. Иными словами, в первых 2 случаях пассивность торгового баланса будет иметь прямо противоположный смысл и причину.

3-й случай. Страна ввозит в данном году гораздо больше, чем в предыдущем, сырья и оборудования, но этот ввоз представляет из себя лишь одну из форм экономического захвата данной страны другой, более мощной страной, кредитующей первую. Здесь мы будем иметь процесс расширения воспроизводства и в то же время усиление процесса эксплоатации данной страны, как целого, кредитующими ее странами.

4-й случай. Страна ввозит больше, чем вывозит, при наличии активного платежного баланса. Пример, типичный для классических стран экспорта капитала, как довоенные Англия и Франция.

Возьмем далее активный торговый баланс.

Это может означать, во-первых: превышение уплаты по старой задолженности над импортом новых капиталов в товарной форме, т.-е. одну из форм эксплоатации данной страны финансовым капиталом других стран.

Во-вторых: большой вывоз прибавочной стоимости из страны в товарной форме, при наличии равновесия между ввозом и вывозом в остальных частях импорта и экспорта; т.-е. мы будем иметь страну с экспортом капитала преимущественно не в денежной форме.

В-третьих: имея падающую валюту, страна вывозит больше, чем ввозит, при чем вывоз означает распродажу дешевой рабочей силы и перевод в иностранную валюту не восстановляемого основного капитала страны.

Наконец, если мы имеем страну, которая быстро и на здоровой базе развертывает свое внутреннее производство и

которая, в зависимости от различного темпа развертывания отраслей, или связанных с импортом иностранного сырья или не связанных с ним, может иметь то активный, то пассивный торговый баланс, что и в том и в другом случае будет лишь отражением внутреннего роста.

Вопрос о реализации прибавочной стоимости каждой страны, взятой отдельно, а также анализ при падающей валюте торгового баланса не в стоимостном, а в натуральном исчислении, еще больше может осложнить анализ.

Затем важно, как мы видели, произвести деление по такому принципу: ввозит ли страна капитал или вывозит, вывозит ли его в товарной или денежной форме. Ввоз капитала в денежной форме в страну А из страны Б может иметь последствием увеличение товарного экспорта из В, а не из Б на основании многоразличных связей отдельных стран по линии платежного баланса.

Вот только небольшой намек на всю сложность вопроса.

Основная ошибка при анализе торгового и платежного баланса проистекает часто из неумения анализировать мировое хозяйство, как экономически связную систему. Ошибки зависят здесь, главным образом, от старой привычки анализировать хозяйство отдельной страны с точки зрения экономики только этой страны, а не с точки зрения мирового хозяйства в целом.

Наконец, если мы возьмем случай с равновесием в торговом балансе, то и здесь может быть минимум 3 различных варианта. Голые цифры равновесия могут скрывать за собой самые различные процессы.

Пример 1-й: страна ввозит сырья, продовольствия только в размере вывоза готовых изделий, т.-е. ее экспорт служит средством получения необходимых из мирового хозяйства элементов без ломки платежного баланса.

Пример 2-й: перевес над ввозом вывоза, оплачивающего платежи по внешней задолженности, уравновешивается ввозом в товарной форме нового капитала. Это совсем иной случай.

Пример 3-й: ввозится сырье и полуфабрикаты на 5 млрд. марок, вывозится готовых изделий на 4 млрд., а на 1 млрд. вывозится новый капитал в товарной форме. Это опять совсем иной случай, противоположный по экономической сущности 2-му.

Во всех этих случаях равновесие торгового баланса скрывает за собой самые различные экономические процессы.

То же, хотя с меньшим количеством вариантов, мы увидим, если сделаем анализ только по платежному балансу.

При анализе торгового и платежного баланса Франции за последние 12 лет мы можем установить следующие 3 периода: период довоенный, когда Франция имеет пассивный торговый баланс, но активный платежный баланс, при чем каждый год страна увеличивает размеры своих капиталов, вложенных в других странах, а тем самым размеры поступлений по процентам и погашению по этим вложениям. При этом размеры платежей по иностранным капиталам, вложенным во Франции, дают несравненно меньшую сумму в сравнении с платежами, которые получает Франция по своим вложениям за границей.

2-й период — это период войны, когда Франция имеет колоссальный дефицит по торговому балансу, характеризующий огромные растраты ценностей, связанные с войной, при чем для равновесия платежного баланса прибегает к займам, т.-е. связывает на целый ряд будущих лет часть своего национального дохода для уплаты процентов и погашений по этим займам. В данном случае страна имеет колоссальный дефицит в натуральной форме товаров, т.-е. производит несравненно меньше того, что расходует, в то время как благодаря размеру иностранных займов, т.-е. временной мере, ее платежный баланс держится в известном равновесии, пока кредиты не исчерпаны.

3-й период наступает в 1924 г., когда страна имеет уже активный торговый баланс, когда страна вынуждена иметь этот активный баланс, чтобы погашать задолженность за предыдущие годы и уравновешивать, с одной стороны, возросшие платежи за границей, с другой стороны, сокращение поступлений от довоенных вложений капиталов в других странах. Эта активность торгового баланса связана не с техническими преимуществами французской промышленности над промышленностью других капиталистических стран, а с продажей воплотившейся в товарах дешевой рабочей силы. Эта активность может быть и еще гораздо больше, если Франции придется затронуть не только резервы своей рабочей силы, но и распродавать часть невосстановляемого основного капитала. Здесь мы будем иметь перед собой заем страны из резервов своего основного капитала, который может привести в дальнейшем к необходимости крупных иностранных займов для восстановления основного капитала и, следовательно, к частичному закабалению этой страны у более сильных экономически стран, прежде всего у Америки. Радоваться при такой конъюнктуре росту активности торгового баланса—значит ничего не понимать в основных явлениях экономики страны.

При таких условиях Франция может увеличивать экспорт, расширять производство, совершенствовать технику и в то же время терять свою экономическую самостоятельность подобно современной Германии.

Наконец, уже теперь можно предвидеть 4-й период в истории французской экономики, который начнется с перехода страны на твердую валюту и который может привести к длительной депрессии прежде всего тяжелую промышленность Франции. Этот период будет означать прекращение того развертывания французской промышленности, которое мы наблюдали перед войной и после войны и которое после войны одновременно характеризуется и наличием здоровых процессов в экономике и наличием в ней болезненных явлений.

Но как бы ни осуществился переход Франции к твердой валюте, он неизбежно приведет к усилению зависимости Франции от американского капитала не только по линии валюты, о чем мы уже говорили выше, но, вероятно, также и по линии проникновения американского капитала различными путями во французскую экономику. С известным опозданием, по сравнению с Англией и Германией, Франция будет втянута в тот процесс, который проявился особенно ярко после войны и который сводится к постепенному усилению единодержавия американского капитала на всей территории мирового хозяйства, с превращением территории европейского капитализма во все более слабеющее и становящееся все более экономически захудалым дополнение к американской экономике.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД И НАЦИОНАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО ФРАНЦИИ

Исчислением чистого ежегодного национального дохода во Франции занимались многие экономисты и финансисты. Результаты исчислений всех этих исследователей давали и продолжают давать крайне различные цифры. Это об'ясняется прежде всего как в корне неверным с методологической точки зрения подходом к исчислению национального дохода, так и, главным образом, тем фактом, что французская статистика дает совершенно неполные данные о размере производства продуктов во Франции в натуральной форме. В качестве примера огромного расхождения цифр при оценке национального дохода Франции мы можем привести следующую таблицу опытов такого исчисления больше, чем за столетие. Национальный доход Франции равнялся, согласно нижеприведенным авторам:

Ф. де-Флэ	1789 г.	4.250	млн. франков.
Пусьельг	1817 „	3.756	„ „
Ипполит Пасси	1849 „	6.000	„ „
Тиссеран де-Бор.	1871 „	10—15.000	„ „
Рувье	1874 „	16.000	„ „
Элизэ Реклю	1877 „	25.000	„ „
Вашер	1878 „	9.452	„ „
Таландье	1878 „	25.000	„ „
Виньи	1880 „	11.169	„ „
Леруа-Болье	1883 „	25—30.000	„ „
Трезор де-ла-Рок	1883 „	37.000	„ „
Бонне	1883 „	35.000	„ „
Шеллей	1884 „	30.000	„ „
Фурнье де-Флэ	1885 „	25.000	„ „
Баллю	1886 „	8.000	„ „
Де-Фовилль	1886 „	20—25.000	„ „

Пейтраль	1888 г.	16.191	млн.	франков
Кост	1890 „	22.500	„	„
Комиссия по подоходному налогу	1895 „	22.500	„	„
Пуанкаре	1906 „	22.500	„	„
Кайо	1907 „	22.500	„	„
Пюпэн	1911 „	33.837	„	„

Из приведенной таблицы читатель может видеть, как колебалась цифра национального дохода, которую выводили исследователи или для одного года или для смежных годов для Франции. Разница в оценке дохода колеблется для одного и того же периода в 3 с лишним раза у различных исследователей. Это совершенно ясно говорит о полной дефективности метода исследования вопроса. В качестве примера тех ошибок, которые делали французские исследователи, мы приведем метод расчета, которым пользовался Пюпэн в вышецитированных своих работах. Автор исчисляет чистый национальный доход нации путем сложения всех индивидуальных доходов отдельных групп населения. Грубейшая методологическая ошибка, заключающаяся в этом приеме, совершенно очевидна. Весь чистый национальный доход нации, взятый в натуральном выражении, равняется заработной плате производственно занятых рабочих плюс прибавочная ценность. К этой сумме должен быть прибавлен только чистый доход нации от мелкого самостоятельного производства и, со специальной оговоркой, прибавочная ценность от вложенных за границей капиталов. Между тем исследователь к прибавочной ценности капиталиста, получаемой в форме прибыли, и к заработной плате рабочего присоединяет также доход лиц свободных профессий, прислуги и т. п. Совершенно очевидно, что здесь мы будем иметь дело с двойным счетом. Если, допустим, врач или адвокат получает часть своего гонорара, с одной стороны, от капиталиста, с другой стороны, от рабочих, т.-е., с одной стороны, из прибавочной ценности, с другой стороны, из заработной платы, то его доход уже раз подсчитан при подсчете $v + m$, т.-е. заработной платы и прибавочной ценности. С другой стороны, совершенно неправильно исчислять прибавочную ценность только на основании тех дивидендов, которые фигурируют в балансе предприятий. Известно, что все балансы составляются таким образом, чтобы максимально избегнуть налогового обложения. Значительная часть доходов скрывается (или посредством увеличения амортизационных отчислений или другим путем). Единственный правильный метод исчисления может быть лишь

такой: по сельскому хозяйству и по промышленности высчитывается полная стоимость по существующим ценам всей валовой продукции и из этого валового дохода вычитается амортизация основного капитала. Это единственный прямой и единственный верный путь к разрешению проблемы. Но, как я уже сказал выше, французская статистика не дает полных данных о размерах продукции по всем без исключения отраслям производства в ценностном и натуральном выражении.

Приходится при таких условиях подходить к исчислению национального дохода косвенным путем. Но, подходя к этому исчислению косвенным путем, исследователи, кроме приведенных, делают и другие грубые ошибки. Напр., Пюпэн к чистому ежегодному национальному доходу присоединяет ценность всех новых построек, что явно неправильно, поскольку в новые постройки входит в виде средств производства часть постоянного капитала, взятого из источника предшедшего накопления. В результате мы имеем, с одной стороны, преуменьшение национального дохода, а с другой стороны, его преувеличение, и окончательный баланс при этом никак не может соответствовать действительной цифре чистого дохода нации. Это видно очень ярко на примере исчислений Пюпэна, у которого цифра производства со всеми поправками на экспорт, импорт и накопление совершенно не балансируется с ее потребительским бюджетом. Потребительский доход оказывается выше стоимости всего нового производства, несмотря на очень интенсивное накопление. Больше того,—при вычислении потребительского дохода получается следующий курьез. Оказывается, как я подсчитал на основании данных Пюпэна о потреблении, сопоставленных с размером экспорта и импорта продуктов питания, что Франция потребляет на несколько миллиардов продуктов больше, чем производит и импортирует.

Согласно исчислению Пюпэна на питание уходит 19 млрд., жилище—3.400 млн., одежду—4.500 млн., отопление, освещение, стирку—1.500, разные—2.000 млн. Всего 31 млрд.

Между тем, если взять согласно данным того же Пюпэна производство продуктов земледелия в 15 млрд., добавить к нему импорт продуктов питания 1.817 млн. в 1913 г., вычесть экспорт в размере 838 млн., вычесть доход, стоимость технического сырья и проч. продуктов, не относящихся к питанию, то мы получим разницу между 19 млрд. и нашей цифрой в размере около 6 млрд. Совершенно нелепо предположить, что на всю эту сумму потребляется продуктов питания неземледельческого происхождения.

Другим образцом неверного подсчета национального дохода может служить следующая таблица о чистом доходе французского земледелия, помещенная в цитированной работе Лаверня [1]). Лаверн сопоставляет данные двух анкет о доходе сельского хозяйства во Франции, из которых видна несостоятельность самого метода подсчета.

Фурье	33,31
Вашер	31,06
Туркан	31,73

Применение этого метода при коэффициенте 36 дает для имущества Франции цифру 227,7 млрд.

При коэффициенте	32	202 млрд.
„	28	177 „
У Лаверня для 1911 г.		285.000 млн.

Согласно данным Пюпэна, национальное имущество Франции перед войной в 1911 г. равнялись 285,5 млрд. [2]), а согласно вычислениям того же автора на основании ежегодного наследования эта цифра равнялась 283 млрд.

Согласно вычислениям проф. Кольсона в начале 1914 г. национальное имущество равнялось круглой цифре в 300 млрд. золотых франков.

Какие же изменения внесла в эту цифру война со всеми ее опустошительными последствиями? Согласно подсчету Пюпэна имущество Франции в 1917 г. равнялось уже только 227 млрд. Согласно вычислениям Кюльпа эта цифра в настоящий момент равна от 250—260 млрд. золотых франков. Если сравнить данные Кюльпа с довоенными данными Пюпэна, то выходит, что национальное имущество Франции в результате войны уменьшилось всего на 25—35 млрд. золотых франков, что, разумеется, ни в коем случае не может соответствовать действительности. И с этой точки зрения более пессимистическая цифра Пюпэна, выведенная для 1917 г., несомненно ближе к истине. А если мы прибавим к этому огромные расходы, произведенные Францией после 1917 г., расходы, которые были прямо или косвенно связаны с войной, то мы должны будем принять цифру потерь еще больше, чем та, которая фигурирует в вычислениях Пюпэна. Достаточно для этого принять во внимание следующие цифры: французское правительство истратило на войну свыше 120 млрд. бум. франков, полученных частью путем внеш-

---

[1]) Lavergne et Paul Henri—„La richesse de la France. Fortune et revenue privés". Paris. 1908.

[2]) См. в приложении таблицу вычислений Пюпэна.

них займов, большей частью путем мобилизации внутренних ресурсов страны, и потратило на восстановление разрушенных областей около 60 млрд. Правда, последнюю трату нельзя целиком ставить в дефицит, потому что здесь бюджетным затратам соответствовало, с другой стороны, появление новых ценностей в виде восстановленных строений, дорог и т. д. Тем не менее, обе эти цифры указывают на то, что ущерб, причиненный Франции, больше того, который фиксируется вышеприведенными исследователями. Достаточно здесь указать на те колоссальные суммы, которые потеряли французские граждане как в результате сокращения их капиталов, вложенных в других странах, так и вследствие потери на падении курса бумаг внутренних займов государства. Согласно нашим подсчетам, о которых подробно мы скажем ниже, потери французских граждан на одном только обесценении внутренних займов равнялись колоссальной сумме в 100 млрд. золотых франков.

Разумеется, если довоенный подсчет национального имущества Франции был преуменьшен, то цифра, выводимая Пюпэном, 227 млрд., может быть, и соответствует действительности, но во всяком случае не соответствует действительным размерам потерь, вычисленным как этим автором, так и Кюльпом.

Доход от сельского хозяйства Франции

	1882 г.	1892 г.
	В миллионах франков.	
Зерновое хозяйсто	11.502	10.611
Животноводство	7.183	7.204
Валовой доход	18.685	17.815
Подлежит вычету:		
Семена	536	483
Удобрение	838	832
Солома, фураж, сено, потребляемые скотом	3.850	3.952
Работа, выполненная животными в процессе обработки	3.017	2.946
Чистый доход	10.444	9.602

Ошибка данного подсчета, приводящая к огромному преуменьшению дохода, заключается в следующем: нелепо

вычитать стоимость рабочего скота из суммы валового дохода, раз сосчитана стоимость его производства и питания. Неправильность всего подсчета видна из тех же самых цифр, которые здесь фигурируют. Стоимость содержания скота плюс стоимость выполненной им работы (6.867 млн.) оказывается почти равна всему доходу от животноводства за 1882 г., показанному в цифре 7.183 млн., а если причислить стоимость животного навоза, то первая цифра будет равна, а то еще больше второй. Когда при подсчетах национального дохода исследователь стоит на точке зрения частного хозяйства и его бухгалтерии, то грубейшие ошибки совершенно неизбежны.

Если итти косвенным путем при подсчете национального дохода Франции, то надо было бы в основу положить как раз бюджетные исследования. Этот путь является менее надежным, чем первый из указанных нами путей, но он во всяком случае во много раз надежнее, чем складывание всех индивидуальных доходов с неизбежным двойным счетом. Используя этот метод, мы можем высчитать годовое потребление всей нации за год и прибавить к этой цифре всю сумму ежегодного накопления, либо вычесть дефицит, если нация потребляет больше, чем производит, прибегая к потребительским займам за границей или ликвидации части своего имущества.

К сожалению, я не могу сделать самостоятельного подсчета ни довоенного дохода Франции, ни дохода ее после войны при отсутствии элементарно-необходимых статистических данных и поэтому вынужден ограничиться приведением здесь цифр, которые фигурируют в исчислении французских авторов. Со своей стороны, я думаю, что, например, исчисления Пюпэна, относящиеся к 1911 г. по промышленности, которые мы уже приводили выше в главе о промышленности, не соответствуют действительности и являются сильно преуменьшенными. Совершенно непонятным образом доход от промышленности, при гораздо более высокой производительности труда в ней, оказывается ниже дохода от земледелия, хотя количество рабочих сил, занятых в промышленности, лишь немногим меньше количества рабочих сил в земледелии. С другой стороны, при исчислении дохода промышленности не учтены как следует доходы французского ремесла, которое играло и продолжает играть очень большую роль в экономике страны.

Что касается ежегодного национального дохода современной Франции, то он ни в коем случае не может быть меньше довоенного, поскольку рост крупной промышленности и присоединение Эльзас-Лотарингии с доходом этой провин-

ции несомненно с избытком перевешивают недопроизводство еще не оправившегося от войны земледелия.

Что касается национального имущества Франции, то здесь разноголосица среди французских авторов при подсчете этого имущества также очень велика, хотя менее значительна, чем при подсчете национального дохода. Согласно подсчетам Элизэ Реклю в 1879 г. национальное имущество Франции равнялось 500 млрд. Де-Фовилль ввел во Франции метод подсчета национального имущества, исходя из суммы ежегодного наследования (Annuité successorale). Сущность метода Фовилля сводится к следующему: согласно данным о ежегодном наследовании, которыми всегда располагает министерство финансов, выводится средняя ежегодного наследования и затем помножается на цифру лет одного поколения. Если вывести цифру множимого не представляло затруднения, то гораздо труднее обстояло дело с цифрой множителя. Фовилль начал в своих работах с цифры в 35, а в своих последних работах применял множитель в 32. Другие исследователи давали несколько отличные цифры, но приближающиеся к этой.

Относительно изменений в национальном имуществе и относительно перераспределения, которое совершилось в этой области между отдельными гражданами, профессор Жан Лескюр говорит в своей статье, помещенной в „Интернациональном экономическом обозрении", следующее [1]: Довоенное движимое имущество Франции почти уничтожено, если сделать соответствующие валютные поправки. С момента войны появилась на свет новая собственность, существенным элементом которой является государственный долг. Собственность подверглась перераспределению. Она находится в руках тех, кто с момента войны приобретал на сотни миллиардов землю, дома, движимое имущество. За небольшими почти исключениями богатые, это—нувориши (nouveaux riches)...

...Частное богатство полностью изменило свою физиономию...

---

[1]) См. Jean Lesscure — „La fortune privée française", Revue économique internationale, 11 juini 1925, p. 476—47.

ПРОБЛЕМЫ НАКОПЛЕНИЯ И НОВЫЕ ЭМИССИИ

Как известно, довоенная Франция была страной очень яростного накопления во всех отраслях хозяйства и прежде всего страной огромного мелкобуржуазного накопления. Дух накопления царил и продолжает царить во Франции во всех слоях населения. Накопляет крестьянин, увеличивая свои вклады в сберегательных кассах и подписываясь на иностранные займы, накопляет французский ремесленник, накопляли сотни тысяч людей, обслуживавших иностранный спрос на французские предметы роскоши, накопляли гарсоны, консьержи, накопляли чиновники всех рангов, обеспечивая себе безбедное существование „pour vieux jours" (на старость).

Интенсивность французского накопления до войны получила свое выражение прежде всего в размерах экспорта французского капитала за границу. В результате этого упорного накопления Франция поместила за границей 40—50 млрд. золотых франков своих капиталов [1]). Но, с одной стороны, накопление выражалось не только в экспорте капиталов и в увеличении количества золота внутри Франции, а также в новых постройках и увеличении и улучшении оборудования и т. д. Пюпэн в своей книге „Национальное имущество и финансы Франции" выводил цифру французского накопления перед войной в среднем за 10 лет в 4 млрд. ежегодно. Согласно вычислениям Лаверня за период с 1903—11 г. Франция накопляла от 4.250 млн. до 4.500 млн., а за вычетом всяких банкротств и других потерь—3½ млрд. Другие французские авторы с некоторыми вариациями дают приблизительно те же цифры.

Каким же образом распределялась эта вновь накапливаемая ежегодно сумма между эмиссиями новых капиталов на внутреннем французском рынке и между эмиссией иностранных ценных бумаг.

---

[1]) По подсчетам Neymark'a размеры вложений французского капитала за границей ро ли так: 1869 г.—10 миллиардов франков, 1880 г.—15 млрд., 1902—27, 1906—30—32, 1910—40.

Согласно данным проф. Мартена [1]) эмиссии промышленных бумаг распределялась между Францией и заграницей следующим образом для 3 лет до войны:

	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Эмиссии ценных бумаг			
внутри Франции . . .	779 млн. фр.	807 млн.	1.648 млн. фр.
Иностранные.	3.908 „ „	2.893 „	2.651 „ „

Из этих цифр мы видим, что большая часть французского накопления размещалась за границей, меньшая—во Франции. Но, с другой стороны, уже до войны обнаружилось, в связи с довольно быстрым предвоенным ростом французской промышленности, увеличение эмиссий внутри Франции. Что касается роста депозитов в сберегательных кассах, а также роста текущих счетов в 4-х крупных кредитных организациях Франции, то мы имеем для этого следующие цифры: согласно данным, приводимым проф. Мартеном, размер депозитов в сберег. кассах был равен в 1910 г. 3.933 млн., 1911 г., согласно Пюпэна [2])—5.610 млн., в 1915 г., согласно цифре проф. Мартена—3.825 млн. Иными словами, мы видим здесь уменьшение вкладов в 1915 г. в сравнении с 1911 г., что несомненно связано с общей военной ситуацией.

Что касается текущих счетов в 4 крупных кредитных организациях Франции, то они равнялись:

в 1900 г.	2.171 млн.
„ 1911 „	5.000 „
на 30 июля 1914 „	5.455 „ [3])

при собственных капиталах этих обществ в 700 млн.

Капиталы, обеспечиваемые страховыми обществами клиентам, в 1913 г. равнялись 5.301 млн., не считая страхования в обществах ипотечного кредита.

Если эмиссии новых капиталов на бирже Парижа с 1903—1912 г. г. равнялись в среднем до 5 млрд., то в то же время в Англии с ее национальным доходом, равным 50 млрд. золотых фр., ежегодное размещение новых капиталов достигло лишь 4.200 млн.

---

[1]) Germain Martin—„Les finances publiques de la Franco", p. 32.

[2]) Pupin, цитир. раб-та, стр. 28.

[3]) Под влиянием военной обстановки вклады в кред. учрежд. резко снизились уже в течение первого военного года и на 31 дек. 1914 г. равнялись 3.708 млн. В дальнейшем замечается увеличение вкладов и на 31 дек. 1917 г. вклады равнялись 5.969 млн., в конце 1918 г.—6.748 млн.

Как же обстояло дело с эмиссией новых капиталов во Франции во время войны и после войны и каким образом распределялись эти новые эмиссии? Говоря о росте вкладов в депозитных банках Парижа, проф. Мартен пишет:

„Можно сказать, что вся масса вкладов, которая непрерывно возрастала с 1918 г. по сей день и которая не была использована для помещения в промышленности и торговле или в сократившихся операциях по учету, или в кредитных операциях, прежде всего—в деле кредитования деревни, была широко использована для подписки на боны национальной защиты“ [1]).

Эти боны казначейства скапливались во Французском банке и других крупных банках, которые подписывались на этот государственный заем, используя ресурсы своих вкладчиков. Так, в портфелях этих банков было векселей и бон казначейства к концу 1923 г.:

Во Французском банке	3.250 млн. фр.
В 4-х больш. банках	10.450 „ „

Во время войны и после войны помещение французских капиталов за границу естественно очень сильно сократилось, зато увеличилось использование как старых, так и новых сбережений для подписки на займы французского правительства. До войны задолженность французского государства, как увидим ниже, равнялась около 30 млрд.; со времени войны она начала быстро возрастать и, согласно официальным данным [2]), на 31 июля 1924 г. постоянный долгосрочный долг французского правительства равнялся 149.395 млн. плюс краткосрочные займы 37 млрд. и по бонам Нац. Защиты $61^1/_2$ млрд. Всего, следовательно, французское правительство выпустило новых займов за время войны и после войны на сумму около 220 млрд. франк. и этим путем бросило в пасть своих колоссальных расходов огромную часть французского накопления, сколоченного до войны, за время войны и после войны.

Однако внутренние французские ресурсы, благодаря такому колоссальному нажиму французского правительства на внутренний французский рынок, были истощены, и, начиная с 1920 г., мы видим уже постепенное, неуклонное сокращение новых эмиссий. Новые эмиссии во Франции, начиная с 1919 г., характеризовались следующими цифрами [3]):

---

[1]) Martin, там же, стр. 156.

[2]) „Invantaire de la situation financière de la France“, Paris, 1924 г. Издание, выпущенное министром финансов Франции Клемантелем.

[3]) См. Jean Vergeot—„Les emissions“, Revue d'économie politique, mars — avril 1925, p. 305—327.

1919	35	млрд.
1920	46	„
1921	39	„
1922	26	„
1923	21½	„
1924	13	„

Огромная доля всех этих эмиссий была использована не для французской промышленности, ее расширения и переоборудования, а для покрытия дефицита по бюджету французского правительства. Так, напр., в 1923 г. из общей суммы эмиссий, равной 21.718.535 тыс., эмиссии казначейства, национального кредита и эмиссии для восстановления разрушенных областей, а также жел.-дор. эмиссии равнялись 16.405.937 тыс. Эмиссии же частных компаний—только 5.332.598 тыс. В 1924 г. из общей суммы эмиссий 13.244.763 тыс. первая рубрика дает 7.759.788 тыс., т.-е. уменьшение по сравнению с предидущим годом на 88 млрд., 2-я же рубрика, т.-е. эмиссии частных компаний, дает 5.482.979 тыс., т.-е. в бумажных франках увеличение на 152 млн. Перенапряжение внутреннего денежного рынка сказалось уже в 1923 г., и заем национального кредита в 1924 г. определенно не удался.

В настоящий момент французское правительство, несмотря на увеличение % по краткосрочному займу, не может провести новых внутренних займов и вынуждено, с одной стороны, увеличивать доходную часть бюджета путем увеличения налогов, о чем мы скажем подробно ниже, или думать о заключении нового большого внешнего займа в Америке. Вышеприведенные цифры размеров французских эмиссий даны в бумажных франках, т.-е. в величинах, которые не поддаются правильному сравнению. Поэтому мы так же, как при анализе французского экспорта в ценностном отношении, переведем приведенные цифры эмиссий на золотые франки, согласно курса франка за каждый из вышеприведенных лет. Мы получим тогда для французских эмиссий следующие цифры в круглых цифрах в миллиардах золотых франков.

1919	24,8
1920	16,5
1921	14,7
1922	11,1
1923	6,7
1924	3,6

В настоящий момент французские экономисты и финансисты, а еще больше представители Министерства Финансов во Франции, с тревогой указывают на приведенные нами

цифры сокращения французских эмиссий, и некоторые из них считают, что в современной Франции в этой области дело обстоит хуже, чем до войны.

Мне кажется, что тревоги этих авторов несколько преувеличены, если, конечно, не исходить из совершенно наивного предположения, что эмиссии во Франции во время войны и после войны до 1924 г. давали нормальную цифру и не представляли из себя совершенно исключительного явления. Как мы видели выше, довоенное накопление во Франции равнялось около 4 млрд. фр. Цифра эмиссии 1924 г., равная $13^1/_4$ млрд., а в золотом исчислении 3.560 млн., приближается к довоенному французскому накоплению. Если же прибавить к этому накоплению во Франции в денежной форме накопление в натуральной форме и, наконец, вспомнить тот факт, что часть французских капиталов ищет убежища за границей в твердых иностранных валютах, то мы придем к выводу, что современное накопление во Франции вряд ли многим ниже, чем до войны. Правда, эмиссия новых капиталов, вкладываемых в производство, значительно меньше довоенной цифры, которая равнялась, как мы видели, до 5 млрд. фр. [1]). Но не надо забывать, что за это время сильно возрос государственный бюджет Франции. Если до войны бюджет плюс накопление давал цифру в $9^1/_2$ миллиардов, то теперь бюджет в золотом исчислении, равный 8 млрд., дает вместе с эмиссиями 11,6 млрд. Значит не прибавочный продукт в народном хозяйстве сократился, а направление его в смысле реализации другое. Он с'едается больше, чем раньше, бюджетом. Здесь, разумеется, есть все данные для тревоги.

Если мы вспомним о тех огромных опустошениях, которые произвели на денежном рынке Франции новые займы французского правительства, то сокращение эмиссий в 1924 г. нам покажется не столь значительным. Французские граждане, несмотря на колоссальное разорение, которое они потерпели, подписываясь на государственный заем, еще слишком терпеливы. Точно так же французские граждане проявляют к своему франку, накопляя в этом франке, гораздо больше доверия, чем он того заслуживает, при тех резких колебаниях, которые пережил его курс за последние годы и переживает особенно к концу 1925 года [2]).

---

[1]) Не считая облигационные займы железных дорог.

[2]) В одной из своих речей бывший тогда премьером г. Эррио вместо того, чтобы поощрять французов к еще большему накоплению в бумажных франках, что увеличивает минимум обращения и делает новый выпуск бумажных денег менее опасным для курса франка, призывал население бросать франки в активное обращение. Иначе-де правительству придется на сумму тезаврированных у населения франков делать новую эмиссию их. (сумму

Что касается эмиссий новых ценных промышленных бумаг внутри Франции, то здесь дело обстоит не так уж плохо, если мы сравним соответствующие цифры с довоенными. Если для того же 1924 г. мы к сумме эмиссий частных компаний прибавим сумму эмиссий жел. дор. и сравним эти данные с довоенной цифрой французских эмиссий внутри Франции, то мы не увидим здесь заметного сокращения. В самом деле: в 1912 г. первая цифра равна 1.648 млн., в 1924 г.—в золотом исчислении 1.467 млн. фр. Уменьшение доверия к французскому правительству и уменьшение готовности давать ему новые деньги на новые займы отнюдь еще не характеризует резкого уменьшения французского накопления вообще. Повторяю, если же французское накопление, идущее на новое производство, в настоящий момент несколько ниже довоенного, как показали вышеприведенные цифры для 1924 г., то это говорит не о сокращении производительной способности французской экономики а, прежде всего об увеличении налогового бремени. В главе нашей работы, посвященной французским финансам, мы более подробно покажем, насколько возрос доходный бюджет французского правительства в последние годы по сравнению с довоенным в золотом исчислении. Мы увидим там также, насколько увеличились размеры той суммы национального дохода, которая идет не в ежегодное накопление нации, а на увеличение доходных поступлений по французскому бюджету.

такой тезаврации некоторые финансисты определяют от 3 до 5 млрд. франков). Выходит, чем больше франков будет выброшено из тезаврации в обращение в условиях падения валюты, тем лучше это для финансов и денежного обращения страны! Как известно из практики всех стран, для главы правительства не обязательна элементарная грамотность в экономической науке. Но обязательно по крайней мере не разглашать, скрывать этот факт.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ИНДЕКС ЦЕН

Из всей проблемы распределения мы остановимся, главным образом, на заработной плате. Но прежде чем непосредственно перейти к этой теме, где нам придется сравнивать довоенную заработную плату с заработной платой в настоящий момент, мы должны заметить в интересах точности сравнения, что во Франции по сравнению с довоенным временем значительно изменилось дело в области рабочего дня. До войны 8-часовой рабочий день был завоеван только углекопами. После же войны 20 апреля 1919 г. был издан общий закон о 8-часовом рабочем дне, который последовательно начал применяться в одной профессии за другой. Французские предприниматели выражали очень большое беспокойство по поводу того, что сокращение рабочего дня приведет к уменьшению ежедневной продукции рабочего. Статистика инспекции труда и показания самих предпринимателей не подтвердили этого опасения. Первый год—полтора после введения закона, наоборот, было констатировано повышение ежедневной производительности рабочих, так что замена 10-часового рабочего дня 8-часовым не принесла никакого сокращения производительности. Правда, затем производительность понизилась в ряде предприятий и отраслей на небольшой процент по сравнению с довоенной. Но в общем и целом женевское издание интернационального бюро труда „Information Sociale“[1]) констатирует, что в общем и целом переход от 10-часового рабочего дня к 8-часовому не привел к падению производительности [2]).

Таким образом, изменение, происшедшее в размерах рабочего дня, не привело к таким изменениям в области денной производительности труда, которые надо было бы

---

[1]) Bureau internationale du travail. „Information Sociale“, 1—4 octobre 1914, p. 5—10.

[2]) См. также на эту тему Jean Beaudemoulin—„La loi de huit heures“, Paris, 1924, а также ряд статей в бюллетене французского министерства труда.

принять во внимание при анализе заработной платы и ее эволюции по сравнению с довоенным периодом.

При исследовании заработной платы нас интересуют 3 основных вопроса: как изменилась реальная заработная плата в сравнении с довоенным временем за период после войны в условиях колеблющейся валюты; во-вторых, какие изменения произошли в смысле пропорции заработной платы между отдельными профессиями, наконец, в каком отношении уровень заработной платы французского рабочего находится к заработной плате рабочих Англии и Америки.

Согласно официальной анкеты о заработной плате и стоимости жизни, произведенной в октябре 1924 г., данные которой помещены в бюллетене министерства труда [1]), движение заработной платы во Франции по сравнению с 1911—1921 г.г. представлялось к октябрю 1924 г. в следующем виде. Во всей Франции, за исключением Парижа, ежедневная заработная плата рабочих мужчин изменилась таким образом:

	Для мужчин	Для женщин
1911 г.	4 фр. 61 сант.	2 фр. 29 сант.
1921 г. (февраль)	18 „ 92 „	9 „ 44 „
1924 г. (октябрь)	22 „ 29 „	11 „ 36 „

Что касается Парижа, где заработная плата всегда была выше, чем в провинции, больше, чем на 50%, указанный нами источник дает заработную плату по 23 категориям квалифицированного труда, не выводя средней. Выводя сами арифметически среднюю, мы получим

1911 г.	—	9 фр. 99 сант.
1921 г. (февраль)	—	28 „ 12 „
1924 г. (октябрь)	—	30 „ 82 „

Для того чтобы читатель видел, каким образом складывается эта заработная плата из заработной платы отдельных профессий, мы приведем здесь некоторые дополнительные сведения.

Самую низшую заработную плату показывают чернорабочие и поденщики, максимум дают скульпторы-орнаментщики. Что касается других профессий, то мы приведем лишь самые характерные:

---

[1]) „Bulletin du Ministère du Travail“ № 1, 2, 3. 1925 p. 61—62.

	1911 г.	1921 г. (февраль) (во франках)	1924 г. (октябрь)
Чернорабочие и поденщики	3.26	4.01	16.42
Скульпторы—орнаментщики	6.39	25.41	29.53
Каменщики	4.80	19.72	23.74
Столяры	4.70	19.45	22.86
Плотники	5 05	20.24	23.92
Слесаря	4.65	19.80	22 62
Токари по металлу	5.39	20.67	23.63
Токари по дереву	4.88	16.80	22.18
Портные	4.55	18 02	22.42
Ткачи	3.32	14.33	17.44

Что касается земледельческих рабочих, то заработная плата их изменилась следующим образом:

	1911 г.	1918 г.	1921 г.	1923 г.
Мужчин (без питания) [1]	4.50 фр.	7.50 фр.	16 фр.	12 фр.

Для 1924 г. Бюллетень министерства труда дает несуммированные сырые данные зарплаты по департаментам по отдельным видам с.-х. работ, собранные через префектуры (в связи с применением закона 12 декабря 1922 об увечьях на с.-х. работах). Все получения в натуре включены в зарплату. Мы сами выводим следующие денные платы для всей Франции.

Поденные рабочие мужчины	14 фр. 96 с.
Постоянные работники на фермах	13 „ 55 „

Из этих данных можно заключить, что в 1924 г. средняя заработная плата рабочих в земледелии не повысилась в сравнении с 1923 г.[2]) А в то же время я лично слышал жалобы от фермерменов на недостаток рабочих рук и на то, что в 1925 г. нельзя найти поденщиков за 20 фр. в день. В работе Н. Монтарналя дан анализ движения денной зарплаты с 1911 г. по 1913 г. Вот данные этого исследования по 4 годам:

	Денная плата			
	1911 г.	1919 г.	1921 г.	1923 г.
Для рабочих	7.78	25	27.52	28.30
„ работниц	4.10	13	16 —	16.18

[1]) Эта, как и две следующие таблицы, основанные на данных Bulletin du Ministère du Travail, мы заимствуем из книги H. Montarnal—„Les salairese inflation et les changes", Paris, 1925, p. 14—30

[2]) У Монтарналя дана поденная плата, во-первых, для всех рабочих, во-вторых, без питания.

К этим цифрам мы можем прибавить на основании Бюллетеня всеобщей статистики Франции от 1921 г. (стр. 340) данные для 1916 г.

Денная заработная плата	
для мужчин	8.95 фр.
для женщин	4.75 „

Что касается движения годовой заработной платы служащих, то в сравнении с 1913 г. по отдельным категориям она изменилась следующим образом:

	1913 г.	1919 г.	1922 г. (во франках)
1 категория	1.800	4.500	6.500
2 „	2.000	5.000	6.800
3 „	3.000	7.200	10.000
4 „	4.000	9.000	13.000
5 „	6.000	13.000	18.000
6 „	8.000	17.000	22.000
7 „	10-12.000	18-25.000	25-30.000

Приведем еще движение заработной платы надземных и подземных рабочих в шахтах.

Ежедневная заработная плата в	
1913 г.	5.40 фр.
1920 „	19.45 „
1921 „	18.84 „

	1-й трим.	2-й трим.	3-й трим.	4-й трим.
1922 г.	17.35	17.21	17.09	17.06
1923 г.	18.55	19.62	19.86	21.32
1924 г.	22.97	22.75	22.82	22.87[1])
1925 г.	23.61	—	—	—

Согласно данным „Бюллетеня Общей Статистики Франции“ оптовые цены, если принять за 100 цены 1914 г., изменялись следующим образом:

---

[1]) „Bulletin de la statistique générale“, juillet 1925, p. 369. См. также в журнале „Revue politique et parlementaire“, 10 mars 1925: „Etons-nous dans une crise économique“, p. 390.

1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
100	143	188	273	344

	Январь	Июль	Декабрь
1919 г.	355	356	432

	Январь	Апрель	Июль	Декабрь
1920 г.	497	600	506	444

	Январь	Декабрь
1921 г.	415	344

	Январь	Апрель	Июль	Декабрь
1922 г.	320	320	332	370

	Январь	Апрель	Июль	Декабрь
1923 г.	395	423	415	468

	Январь	Июль	Октябрь
1924 г.	505	491	507

Мы не располагаем, к сожалению, данными о заработной плате за первую половину 1925 г., когда индекс цен продолжал систематически повышаться.

Приведем также цифры движения стоимости жизни для рабочих. Стоимость полного месячного пансиона холостого рабочего и квартиры увеличилась с 1911 г. следующим образом[1]):

1911 г. . . . . 70 франков

1921 г. . . . . 285 „

1924 г. . . . . 338 „

Сравнивая эти цифры с движением зарплаты по Парижу, мы видим, что стоимость жизни возросла, принимая 1911 г. за 100, до 482,8, зарплата же—только до 382. В провинции зарплата поднялась до 483,5, т.-е. была на уровне стоимости жизни, у чернорабочих равнялась 504%.

На основании приведенных данных мы можем сделать следующий общий вывод о движении заработной платы во Франции. Номинальная заработная плата повышается систематически по мере роста дороговизны. Максимального роста индекс цен достигает в апреле 1920 г. Затем намечается снижение, которое продолжается с апреля 1920 г. по февраль 1922 г. В дальнейшем начинается снова повышение индекса с небольшими колебаниями между мартом 1923 г. и октябрем того же года.

---

1) „Bulletin de la statistique générale", janvier 1925, p. 190—192.

В период максимального роста стоимости жизни рост заработной платы хотя и повышается, но систематически отстает от роста цен. Затем начинается снижение цен, и это снижение идет быстрее, чем снижение заработной платы, иными словами, в этот период рабочие выигрывают от изменения кон'юнктуры, при чем понижение заработной платы встречает упорное сопротивление рабочих масс и идет ступенчато за понижением цен.

Затем наступает период новой кон'юнктуры, связанный с повышением цен, когда заработная плата снова начинает отставать от роста цен. Этот период продолжается до самого последнего времени. За период 1920—22 г. стачки рабочих носят преимущественно оборонительный характер, поскольку рабочим приходится отстаивать достигнутый уровень жизни, который предприниматели хотят приспособить к падающим ценам путем уменьшения заработной платы. В период начавшегося роста цен рабочим приходится бороться за выравнивание заработной платы применительно к этому росту. Эти стачки носят формально наступательный характер, по существу же рабочие борются против реального снижения заработной платы, которое достигается автоматически повышением роста цен и падением франка.

В этот период естественно усиливается стачечная борьба. Статистика стачек в январе 1925 г. дает 76 столкновений, февраль—92, март—103.

Такой же формально наступательный, а фактически оборонительный характер носила и всеобщая забастовка банковских служащих, которые боролись за увеличение средней месячной платы, равной около 500 франк., на 100 франк. в месяц и, как известно, потерпели в этой борьбе поражение добившись лишь небольшого увеличения заработной платы. Как низка заработная плата служащих во Франции,—русский читатель может видеть из того, что осенью 1925 г. служащие требовали увеличения зарплаты (в том числе и квалифицированные служащие) с $4^1/_2$ до $5^1/_2$ червонцев в месяц на наши деньги по тогдашнему курсу. Особенно разительно сравнение роста индекса цен к октябрю 1924 г., равного 507, с ростом средней дневной платы по Парижу, поднявшейся с 7 фр. 93 сант. в 1913 г. до 30 фр. 82 сант. в октябре 1924 года. Индекс увеличился в 5 раз, зарплата — только в 3,8 раза.

В результате систематического отставания заработной платы от уровня жизни все продукты, производимые во Франции, оказываются дешевле, чем в других странах. Это можно видеть из следующих данных.

Золотой индекс оптовых цен в 1924 г. дает:

Для Франции	121
„ Соединенн. Штатов	159
„ Англии	160

Это значит, что ту сумму продуктов, которую до войны можно было купить за 100 золотых единиц (безразлично, идет ли дело о 100 граммах золота, или о какой другой величине), это количество можно было купить во Франции в указанный срок за 121 единицу золота, в Соед. Шт.—за 159 и т. д.

Вообще дешевизна жизни, за исключением некоторых специальных причин, как дешевизна сырья местного производства в отдельных странах, дешевизна продуктов сельского хозяйства и т. д., есть прямой результат дешевизны основного товара, в результате потребления которого появляются на свет и другие товары, т.-е. в результате дешевизны товара рабочей силы.

Приведенные нами данные о заработной плате вскрывают ту причину, благодаря которой французская продукция продается на иностранных рынках дешевле продукции других стран, что обеспечивает рост французского экспорта и обеспечивает с 1924 г. активный баланс для внешней торговли Франции.

Что касается изменения в пропорциях между заработной платой в отдельных профессиях, то для современной Франции характерно относительное увеличение заработной платы чернорабочих, особенно батраков, в земледелии. Уже приведенная нами статистика заработной платы для 1911—1924 годов дает некоторое указание на этот факт. В то время, как заработная плата по всем профессиям для мужчин повысилась в денежном выражении с 1911 г. по 1924 г. меньше, чем в 5 раз, заработная плата поденщиков и чернорабочих повысилась несколько больше, чем в 5 раз. Если же принять во внимание рост заработной платы поденщиков в земледелии, которое поглощает огромное количество неквалифицированной рабочей силы, то, как видно из приведенных нами цифр, этот рост заработной платы чернорабочих будет особенно резким. В ряде провинций заработная плата батраков достигла на хозяйских харчах летом 1925 г. 20—25 фр. в то время, как заработная плата квалифицированных рабочих городов на своих харчах или равнялась этой сумме, или только немногим превышала ее. Читатель найдет ниже еще другое статистическое подтверждение того же факта.

Второй вывод, который мы должны сделать из приведенных цифр,—это факт растущей нивеллировки заработной

платы по Парижу в сравнении со средней платой в департаментах. Не только чернорабочий относительно получает больше в сравнении с квалифицированным рабочим, но и рабочий Парижа теряет, несомненно, преимущество в зарплате в сравнении с провинцией. Перед войной зарплата в остальной Франции относилась к зарплате по Парижу как 4,61 к 7,99, тогда как теперь она относится как 22 к 30,82. Нивеллировка прямо поразительная.

Третий вывод,—это резкое снижение зарплаты служащих благодаря падению франка. Первая категория получала до войны 150 фр. в месяц, теперь же она получает 500—600 вместо 700, которые вытекали бы из падения покупательной способности и высшего курса франка.

При анализе проблемы народонаселения во Франции мы говорили о том, что и французская промышленность и французское земледелие имеют систематический дефицит рабочей силы. Этот дефицит покрывается импортом рабочей силы из-за границы. Это обстоятельство сильно затрудняет экономическую борьбу рабочего класса во Франции за улучшение своего материального положения.

Вообще говоря, соотношение сил между пролетариатом и классом капиталистов во Франции вследствие недостатка рабочей силы является весьма благоприятным для пролетариата. Однако французским рабочим не удается реализовать все выгоды этого положения, поскольку французской буржуазии удавалось до сих пор осуществлять в большом размере импорт иностранной рабочей силы и подрывать обороноспособность промышленных французских рабочих. Если бы Франция не имела импорта иностранной рабочей силы, французские рабочие несомненно могли бы добиться гораздо большего улучшения своего положения в сравнении с тем, что мы видим в настоящий момент. Иностранные рабочие в огромном большинстве случаев идут во Францию из Италии, Испании, Польши, с Балкан, т.-е. из стран с избыточной рабочей силой, из стран, где уровень жизни рабочего класса значительно ниже, чем во Франции. В современной Франции мы видим в области труда ту же картину, какая наблюдалась в Америке в период массовой иммиграции иностранной рабочей силы на территорию Соед. Штат. Как в Америке пришлые рабочие соглашались работать на несравненно более худших условиях, чем природные американцы, так и в современной Франции иммигрирующие рабочие систематически срывают экономическую борьбу французских рабочих за увеличение заработной платы.

Если французские рабочие вообще очень слабо организованы и на 12 млн. рабочих и служащих во Франции

насчитывается еле 1 млн. организованных в 2 конфедерациях труда, то пришлые рабочие еще менее организованы, еще менее способны к длительной и упорной борьбе с предпринимателями.

Единственным выходом из такого положения для французского рабочего класса является вовлечение в массовые экономические организации пролетариата пришлых рабочих. Попытки затруднить иммиграцию иностранной рабочей силы носили бы реакционный характер и экономически могли бы привести к приостановке всего экономического развития страны.

Несомненно в ближайшем будущем мы будем иметь во Франции усиленные попытки к организации иностранных рабочих, с одной стороны, а с другой стороны—усиление тенденции к экономической организации французских рабочих сил вообще в целях самообороны.

Для того, чтобы движение заработной платы во Франции нам было более ясно, мы конструируем здесь следующие кривые [1]).

1) Кривая движения средней заработной платы для всей Франции кроме Парижа, выраженная в бумажн. фр.

2) Кривая заработной платы по Парижу.

3) Кривая заработной платы чернорабочих.

4) Кривая оптового индекса цен.

5) Кривая стоимости жизни

Анализируя приведенную таблицу, мы замечаем в ней следующие основные моменты. В годы войны заработная плата повышается быстрее, чем растут цены, и, таким образом, положение французских рабочих улучшается по сравнению с довоенным временем. Но этот процесс замедляется и, наоборот, заработная плата начинает уже отставать от роста цен к моменту наивысшего поднятия оптового индекса, т.-е. к первой половине 1920 г. Затем здесь наступает перелом, характерный, как мы отметили уже выше и как увидим ниже, для всей кон'юнктуры Франции того периода. Перелом заключается в том, что ликвидация войны, начавшаяся ликвидация военных запасов, начавшееся улучшение в области производства, лучшая организация внешней торговли вызывают понижение цен, которое имело место во всех странах после ликвидации войны и военной кон'юнктуры. Как обстояло здесь дело с другими странами, видно из таблицы движения индексов, помещенной в главе о денежном обращении Франции.

Это улучшение кон'юнктуры вызывает падение цен, продолжающееся до 1922 г. За этот промежуток времени

[1]) См. приложение, где помещена крайне выразительная таблица, сконструированная мной на основании вышеприведенных цифровых данных.

предприниматели начинают путем систематического снижения заработной платы приспособлять ее к уровню цен, встречая, разумеется, упорное сопротивление рабочих. Но так как в период быстрого повышения цен заработная плата всегда систематически отстает от общего индекса, то и в период резкого снижения цен уменьшение заработной платы точно так же отстает от этого снижения, и рабочие автоматически выигрывают на самой кон'юнктуре. Это мы видим и из движения кривых за этот период заработной платы и уровня цен. Наоборот, как мы уже сказали, с 1925 г. начинается обратное движение в сторону повышения цен, которое продолжается до самого последнего момента, и в этот период снова заработная плата начинает отставать от стоимости и индекса цен.

При анализе заработной платы во Франции абсолютно неправильно исходить только из сравнения заработной платы в послевоенный период с заработной платой до войны. Необходимо помнить, что до войны Франция в сравнении с Англией и Америкой была страной довольно низкой заработной платы даже для наиболее квалифицированных рабочих, не говоря уже о служащих государственных учреждений, частных предприятий, торговли и для огромного кадра служащих, занятых в специальных отраслях во Франции, как, напр., работников в кафе, отелях и т. п., обслуживающих огромные кадры иностранных туристов.

Затем после войны французская промышленность начинает переоборудоваться в техническом отношении, начинает догонять и в ряде отраслей догоняет наиболее передовые капиталистические страны, как Америка, Англия и Германия, и, следовательно, во Франции меняется вся кон'юнктура всей промышленности в целом, если брать сравнительный коэффициент с другими капиталистическими странами. При выравнивании уровня французской техники с техникой передовых капиталистических стран, при выравнивании производительности труда в ней совершенно естественно было бы ожидать и выравнивания заработной платы в сторону повышения. Поэтому, если бы мы конструировали теоретическую цифру заработной платы, отвечающую изменившимся условиям во французской промышленности, в сравнении с другими странами, мы должны были бы видеть резкое увеличение заработной платы по сравнению с довоенным временем. Между тем, из наших цифр и из приводимой нами таблицы средней заработной платы в Англии и Америке в довоенный и послевоенный период мы видим, что заработная плата во французской промышленности, изменившей свой технический состав, отнюдь не изменилась в сторону

повышения. Вот сравнительные данные об уровне заработной платы во Франции в сравнении с Англией и Америкой. Если мы примем за 100 заработную плату английских рабочих к 1 июля 1924 г., то зарплата американских будет равна 214, а французских—73. В дальнейшем с этой цифры зарплата во Франции падает. На 1 октября она уже 70, 1 января 1925 г.—66, и 1 апреля 1925 г.—65. В этой таблице весь ключ к об'яснению успешного развития французского экспорта на мировой рынок при наличии общей депрессии сбыта в масштабе всего мирового хозяйства [1]).

Этот факт играет огромную роль для об'яснения дешевизны французской продукции на мировом рынке в тех отраслях, где французская промышленность конкурирует с соответствующими отраслями передовых капиталистических стран. Между тем, до войны французский экспорт в области, напр., машиностроения, полуфабрикатов, металлургии и т. д. не играл на мировом рынке того значения, которое он приобретает теперь.

В итоге мы видим, что Франция, которая начинает занимать на мировом рынке в ряде отраслей, в частности—в отрасли тяжелой промышленности, все более и более важное место и постепенно выравнивается по составу и размерам экспорта с Англией, Америкой и Германией, систематически и в очень большой пропорции отстает от первых двух стран в области заработной платы.

Представим себе на минуту, что какая-либо страна в Европе или в Азии со сравнительно низкой заработной платой поднимает свою технику и выступает на мировом рынке наравне со старыми капиталистическими странами в качестве экспортера. Мы имели бы тогда очень значительное несоответствие в области себестоимости производства в этих странах и в новой стране. Экспорт вновь выступившей страны несомненно мог бы развиваться более успешно, чем экспорт старых передовых капиталистических стран. Иными словами, мы видели бы здесь то же явление, которое вызывает экспорт капитала в страны низкой заработной платы и дает капиталу, помещенному в этой стране, как и национальному капиталу данной страны добавочную прибыль. Послевоенная Франция как раз и представляет из себя образец такой страны и в теории и на практике. Следовательно, при об'яснении большой дешевизны французской продукции на иностранных рынках в сравнении с продукцией других стран мы должны принять во внимание не только или, вернее, не столько понижение реальной заработной платы во Фран-

[1]) „Revue internationale du Travail", octobre 1925, Genève.

ции, связанное с падающей валютой и быстрым ростом цен, сколько несоответствие между общим уровнем заработной платы во Франции, с одной стороны, в Америке и Англии — с другой.

Таким образом, уже из этого анализа видно, что если бы заработная плата во Франции повысилась по всей линии по сравнению с довоенной процентов на 20 или на 30, то тогда бы указанное нами несоответствие только отчасти было бы устранено. Между тем мы не видим увеличения в этом размере, мы видим колебание в сторону уменьшения.

С другой стороны, мы уже видели, что Франция является страной импорта рабочей силы, где нехватает собственных рабочих рук. Такая кон'юнктура является в высшей степени благоприятной для увеличения заработной платы французских рабочих. Однако же эта выгодная кон'юнктура не использована до сих пор как следует французскими рабочими.

Установленное нами несоответствие между заработной платой во Франции со всей хозяйственной кон'юнктурой в этой стране и с реальным соотношением сил между рабочими и предпринимателями несомненно не может долго продолжаться. Устранение этого несоответствия неизбежно, а, следовательно, неизбежно в ближайшие годы усиление экономической борьбы рабочего класса Франции за поднятие уровня жизни. Правда, нам могут возразить здесь указанием на Германию, где заработная плата квалифицированных рабочих при высокой технике немногим отличается от заработной платы во Франции. Но здесь необходимо принять во внимание, во-первых, тот факт, что Германия является побежденной страной в мировой войне, что она выплачивает контрибуцию, которая в капиталистической стране неизбежно превращается в контрибуцию, накладываемую на заработную плату. С другой стороны, германская промышленность, ослабившая свои ресурсы в области оборотного капитала в кризисный период инфляции, оккупации Рура и т. д., вынуждена была пополнять свой оборотный капитал краткосрочными займами в Америке и в Англии. Промышленность Германии работает, таким образом, в значительной степени на заемный капитал, возмещение которого, уплата процентов по которому точно так же неизбежно ведут к новому налогу на заработную плату. А все это в целом создает в Германии менее выгодную кон'юнктуру в сравнении с Францией и неизбежно ведет к общему понижению по всей линии заработной платы немецкого пролетариата. Французские экономисты, особенно те из них, которые отражают влияние крупного капитала, постоянно указывают на

тот факт, что положение французских рабочих по сравнению с довоенным временем не ухудшилось, а улучшилось. Это соображение приводится прежде всего в доказательство невозможности повышения заработной платы. Из всего вышесказанного мы видим, что подобные рассуждения и подобные вычисления являются в корне неверными. Нельзя давать анализ заработной платы, оперируя только сравнением с довоенным уровнем и игнорируя существеннейшие изменения, которые произошли в структуре французской промышленности и во всей системе взаимоотношений Франции с мировым рынком. Игнорировать все эти факты значит оставаться при анализе французской экономики исключительно на точке зрения национального хозяйства, забывая о том, что никакой анализ экономики любой современной страны, входящей в систему мирового хозяйства, не будет верен, если данная страна будет рассматриваться как самодовлеющее целое, а не как составная, неразрывная часть единого мирового экономического комплекса.

Указанное нами выше несоответствие между современным уровнем заработной платы во Франции и общей конъюнктурой ее промышленности наиболее заметно выступает как раз в последние годы (т.-е. в годы вновь начавшегося быстрого роста цен).

Для доказательства мы можем привести следующую таблицу движения часовой заработной платы по Парижу за последние 3 года для металлической промышленности [1]).

Категории	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Токаря	3.25	3.53	3.83
Кузнецы	3.14	3.65	3.80
Электромонтеры	3.00	3.13	3.34
Слесаря	3.11	3.29	3.52
Чернорабочие мужчины	2.01	2.35	2.49
„ женщины	1.39	1.48	1.70
Средняя плата	2.65	2.30,5	3.11.3
Общий индекс оптовых цен в сравнении с 1901—1911 гг., взятыми за 100	484	565	600 (1-е полугодие).

[1]) „Bulletin de la Statistique général de la France", Juillet 1925, p. 488. Мы берем из таблицы бюллетеня лишь наиболее характерные профессии.

Из этого сопоставления мы видим следующее: заработная плата квалифицированных и неквалифицированных рабочих по Парижу, который, как мы уже видели, в области оплаты труда выделяется из остальной Франции, увеличилась в сравнении с ростом индекса следующим образом:

	1923	1924	1925
Зарплата квалифицир. . .	100	109,6	117,5
Индекс	100	116,7	124
Зарплата чернораб. . . .	100	117	123,8

Таким образом, рост заработной платы в бумажных франках систематически отстает от роста цен.

Наоборот: заработная плата чернорабочих мужчин возросла более пропорционально росту индекса,—явление, с которым мы уже встречались выше. Следовательно, заработная плата чернорабочих оторвалась от довоенного уровня в ее отношении к заработной плате квалифицированных, увеличившись в сторону повышения, а при росте цен она не падает, тогда как общая зарплата систематически отстает от роста цен.

Таким образом, в условиях растущей производительности труда, растущего технического под'ема, растущего экспорта и увеличивающейся связи Франции со всем мировым хозяйством, мы видим не повышение, а или стабильное состояние, или сокращение заработной платы рабочих.

Перейдем теперь к следующему вопросу—к вопросу о движении индекса цен во Франции как оптовой, так и розничной торговли. Вот две таблицы, характеризующие это движение как в опте, так и в рознице.

Г о д ы	Оптовый	Розничный
1914 (июль)	100	100
1915	143	123
1916	188	142
1917	273	184
1918	344	245
1919	356	230

Годы.	Оптовый.	Розничный.
1920	506	390
1921	337	352
1922	332	313
1923	415	351
1924	491	401
1925 январь	525	
февраль	526	442
март	524	
апрель	523	
май	531	435
июнь	554	
июль	569	
август	570	
Среднее за 8 месяцев	540	

При более детальном анализе таблицы мы можем уловить следующую закономерность. Когда идет общее повышение цен, оптовые цены растут быстрее розничных, и кривая оптовых цен отходит от кривой растущих розничных цен вверх. Когда, как это наблюдалось в октябре 1920 г., начинается обратное движение, т.-е. снижение цен, тогда это снижение проходит быстрее в оптовых ценах, чем в розничных. В период относительной стабилизацин цен, т.-е. приблизительно от первого триместра 1921 г. до 3-го триместра 1922 г., наблюдалось выравнивание этих двух линий, и, наконец, когда снова цены в опте и рознице начинают расти, кривая розничных цен снова начинает отставать от быстрого темпа повышения оптовых цен.

Мне кажется, что как раз эти отмеченные нами факты и дают об'яснение всего явления. Повышение цен идет с производства. Это сразу отражается на повышении оптовых цен, розничные цены не повышаются сразу, т.-е. в рознице происходит реализация закупленной раньше продукции ближе к ценам старым, чем к ценам новым. Когда наступает период известной стабилизации, то кривые оптовых и розничных цен более или менее движутся относительно параллельно. Наоборот, если начинается снижение цен, то благодаря тому, что

и этот процесс раньше протекает в опте, розница отстает уже в снижении, т.-е. относительно опта разница повышается. Когда снова начинается рост цен, он прежде всего начинается опять с опта и лишь затем передается на розницу, которая снова систематически отстает в этом движении. Здесь мы имеем перед собой очень интересный общий закон влияния падающей валюты на движение оптовых и розничных цен. Но этот закон, как мы покажем в свое время в другом месте, действует только в период сравнительно медленного и не катастрофического падения валюты. Там, где падение валюты приобретает катастрофический характер, как это было в свое время у нас с нашим рублем и как это наблюдалось в Германии в период инфляции, розница начинает реагировать на резкое повышение оптовых цен авансовым повышением цен, иными словами, в этот период начинает применяться своего рода страховка к неизбежно ожидаемому новому повышению цен в оптовой торговле. Когда же, наконец, валюта падает совсем катастрофически и весь рынок оказывается совершенно деморализованным, тогда авансовое повышение цен в рознице может даже не соответствовать антиципируемому темпу роста цен в опте, и закономерность всего процесса нарушается.

Что касается Франции, то здесь, за исключением нескольких кратковременных периодов, мы имели в послевоенное время сравнительно медленное, сравнительно плавное колебание цен, и вследствие этого авансовое повышение цен в розничной торговле не имело места. Вследствие этого розничные цены систематически отставали в своем движении вверх от цен оптовых вопреки тому, что обычно кажется нормальным для периодов падающей валюты.

ФРАНЦУЗСКИЕ ФИНАНСЫ

ДОВОЕННЫЕ БЮДЖЕТЫ ФРАНЦИИ

До войны финансовое хозяйство Франции находилось в вполне благополучном, если не сказать блестящем, состоянии. Если проследить бюджеты французского государства с 1900 по 1913 годы включительно [1]), то мы сможем за это время насчитать 6 бюджетов с небольшими дефицитами, достигавшими по своим размерам всего от 0,4 до 3 проц. расходного бюджета, и восемь бюджетов с превышением доходов над расходами, примерно, в том же размере. Последние три бюджета 1911—13 годов были сведены с бюджетными остатками на общую сумму около 280 миллионов золотых франков. Государственный долг Франции перед войной равнялся около 30 миллиардов золотых франков; проценты и погашения по этому долгу составляли 26,8 проц. расходного бюджета. Последний предвоенный бюджет 1913 года был равен по доходам 5.091 миллиону золотых франков, по расходам—5.066 миллионов. Доходный бюджет 1912 г., цифра которого нам понадобится ниже, был равен 4.857 миллионов франков. Эти довоенные бюджеты находились в следующем отношении к чистому ежегодному национальному доходу Франции. Как мы уже видели, согласно исчислениям Пюпэна, чистый доход от земледелия во Франции равнялся в 1911—12 г. около 15 — 16 миллиардов зол. франков, от промышленности, торговли и всего прочего около 17 млн. фр., а всего этот автор считает возможным принять цифру годового национального дохода Франции за этот год 33.837 миллионов зол. франков. Считая метод подсчета автора далеко небезупречным с научно-методологической точки зрения, я беру выводимую им цифру, как ориентировочную. Таким образом, по отношению к национальному доходу 1912 года бюджет французского государства составлял сумму в 14,3 проц. Посмотрим теперь, как было ликвидировано это бюджетное благополучие Франции и как накоплялись в ней элементы финансового кризиса.

[1]) См. цифры довоенных бюджетов в приложении.

РОСТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА

В противоположность Англии, которая во время войны резко увеличила доходы казначейства и значительную часть военных расходов покрывала из налогов, Франция в годы войны не увеличивает, а реально сокращает нормальные доходные поступления. Так, эти поступления были равны в 1914 г.— 4.196 млн. франков, в 1915 г.—4.130, в 1916 г.—4.932, в 1917 г.—6.168, в 1919 г.—6.791; из этих цифр мы видим, что первые три года войны дали уменьшение по бюджету, а два последних года дали незначительное увеличение, и то более внешнее, если вспомнить о падении покупательной способности бумажного франка. Между тем, военные расходы росли с каждым годом и поглощали колоссальные суммы. Эти суммы приходилось покрывать путем внешних и внутренних займов и отчасти увеличением задолженности казначейства перед Французским банком, который передавал государству выпускаемые банковские билеты. Эти билеты превратились в обыкновенные бумажные деньги с прекращением размена на золото, в деньги, все приятные свойства которых граждане Советского Союза достаточно знают по своему прошлому опыту. Чтобы не утруждать читателя большим количеством цифр, я приведу лишь общие итоги роста задолженности государства за годы войны. С 1914 по 1919 год французское правительство получило по налогам всего 37.821 миллион франков, должно же было издержать 219.043 миллиона. Нехватавшие ему 181.222 миллиона франков оно взяло из следующих источников. От внутренних займов—112.002 миллиона, путем внешних займов—43.585 миллионов, авансов Французского банка, т.-е. попросту от выпуска бумажных денег,— 25.635 миллионов. Если же мы возьмем задолженность государства к концу года формального окончания войны, т.-е. на 31 декабря 1918 года, то внутренний долг государства, накопленный за время войны и сложенный с довоенным долгом, был равен 113.509 миллионам франков, а внешний долг— 27.292 миллионам з о л о т ы х франков.

Из этих цифр мы видим, что Франция покрывала свои расходы во время войны из налоговых источников лишь на какую-либо $^1/_6$ часть, при чем эти налоги очень слабо задевали крупный капитал. Большинство расходов покрывалось из внутренних и внешних займов и из эмиссий. А так как большинство подписчиков на государственные займы всегда составляли и теперь составляют во Франции крестьяне, мелкая и отчасти средняя буржуазия и отчасти рабочие, то можно сказать, что военные расходы означали растрату сбережений трудящихся масс Франции, а также растрату части их будущих доходов.

Во время самой войны и первые годы после нее это еще не было ясно всем подписчикам на государственные займы. Приличный процент, налоговые льготы, а, кроме того, убеждение, что помещение сбережений в государственные займы есть не только выгодное, но и самое надежное помещение, застилали от глаз подписчиков реальную действительность. Еще не был ясен классовый смысл того факта, что уклонение крупного капитала от размещения своих средств в государственных займах, страховка их в ценных промышленных бумагах и распределение подавляющей части военных займов среди мелкой и средней буржуазии и рабочих есть вместе с уничтожением также и начало колоссального перераспределения всего названного богатства Франции в сторону крупного капитала.

Но к этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Окончание войны не только не привело к улучшению французских финансов, но ознаменовалось дальнейшим, еще более глубоким, их расстройством. Военные расходы, правда, уменьшились и затем совсем прекратились, но место этих расходов заняли расходы по восстановлению разрушенных областей. Господствующие классы Франции убеждали население (и сами были в этом убеждены), что расходы войны и расходы по восстановлению разрушенных областей заплатит немец. Ассигнования на восстановление разрушенных областей и на возмещение пострадавшим от войны бросались щедрою рукою. Зачем надо было экономить, раз немец все заплатит? В результате выпускались все новые и новые займы, и задолженность государства продолжала расти. Выше мы видели, каков был государственный долг к концу 1918 года, т. е. к концу войны. К 30 июня 1921 г. внутренний долг правительства в его различных формах равнялся 229 миллиардам франков, а внешний — 35.282 миллионам золотых франков. Неспособность Германии платить репарации по Версальскому миру, несмотря на все обрушившиеся на нее скорпионы, приводит во Франции к тяжелому похмелью. Все более и более сильно начинают звучать голоса о том, что Франции надо искать выход из тупика собственными силами. С опозданием на целые шесть лет начинает усиливаться налоговый пресс государства. Доходы государства, равнявшиеся в 1914 году, как мы видели, 4.196 миллионам франков, а в 1919 году — 11.586 миллионам франков, растут затем так:

1920 — 19.821
1921 — 21.217
1922 — 22.381
1923 — 23.054
1924 — 23.599

Доходный бюджет предполагается на 1925 г. в размере 33,3 миллиарда франков.

Но этот рост доходов в бумажных франках уже не может спасти положения, потому что 1) самый франк обесценивается. Если сумма налогов возрастает с 1920 года по 1924 на 19 проц., то франк за это время падает почти на 64 проц. (в первый триместр 1920 года доллар стоил 13,33 франка, а в первый триместр 1924 года — 21,92 фр.); 2) государственный долг и обслуживание этого долга, т.-е. уплата по нем процентов и погашений, растут с такой быстротой, что перевешивают все успехи в налоговой области. Как обстоит здесь дело, читатель может видеть из данных о дальнейшем росте задолженности государства. На 30 июля 1924 года, согласно официальным данным, внутренний долг государства был равен уже 277.850 миллионам франков. Эта ужасающая цифра внутреннего долга требовала по мере ее роста уплаты процентов и погашений в следующих размерах:

В 1914 —	1.360	млн.	франков.
„ 1915 —	1.818	„	„
„ 1916 —	3.827	„	„
„ 1917 —	4.816	„	„
„ 1918 —	7.021	„	„
„ 1919 —	7,9	„	„
„ 1920 —	11.7	„	„
„ 1921 —	11,1	„	„
„ 1922 —	13,6	„	„
„ 1923 —	12,8	„	„
„ 1924 —	17,4	„	„
„ 1925 —	18.814	„	„

Если до войны, в 1913 году, проценты и погашения по государственному долгу отнимали 26,8 проц. расходного бюджета, то в 1923 г. на эту операцию потребовалось 52,5 всего бюджета, а на 1925 год назначено 18,8 миллиарда, или 56,2 проц. от всего бюджета.

Этот огромный рост расходов на уплату процентов и погашений по долгам вместе с заканчивающимися расходами по восстановлению разрушенных областей, расходами, которые теперь включаются в единый бюджет (после уничтожения так называемого „покрываемого бюджета“, т.-е. бюджета, по которому предполагалось покрытие со стороны Германии), вместе с пенсиями инвалидов и т. д. приводил к тому, что все бюджеты до самого последнего времени были дефицитны. По мере того, как сокращались расходы на войну, они замещались расходами по восстановлению освобожденных областей. В общем, по бюджету на войну было затрачено с 1914 по 1919 год 128 миллиардов франков, а на восстановление разрушенных областей, возмещение потерпев-

шим и вообще по всему „покрываемому“ бюджету до 1923 г. включительно — свыше 118,6 миллиарда [1]), из коей цифры на восстановление в собственном смысле пошло более 69 млрд. Вследствие того, что один колоссальный расход, т.-е. расход на войну, сменился колоссальными репарационными расходами, с одной стороны, и платежами по внутреннему долгу — с другой, дефициты после войны продолжали оставаться в бюджете, хотя и сокращались постепенно. Так, дефицит был равен:

В 1919 г.	— 42,6	миллиарда	франков.
„ 1920 „	— 38	„	„
„ 1921 „	— 28	„	„
„ 1922 „	— 24,7	„	„
„ 1923 „	— 18,1	„	„
„ 1924 „	— 9,1	„	„

В настоящий момент военные расходы кончились, репарационные—подходят к концу, но вместо этого бича для финансов французского государства вырос новый бич — платежи процентов и погашения по долгам. А кроме того, над бюджетным равновесием висят, в виде постоянной угрозы, краткосрочные обязательства государства, прежде всего „боны национальной защиты“, которых по отчету министерства финансов числилось на 31 июля 1924 года 61,5 миллиарда [2]).

Эти боны национальной защиты есть вид краткосрочного займа, который с другими краткосрочными займами, равными 37 миллиардам, составляет вечную заботу для министра финансов. Владельцы бон, когда истекает соответствующий срок, предупредив за 4 месяца правительство, имеют право получить, вместо этих обязательств, из казначейства франки. В этом году таких возможных платежей предстояло, начиная с июля, на сумму 22 миллиарда франков. Если допустить теоретическую возможность пред'явления к оплате всех этих бон после полагающегося по титулам предупреждения, правительство должно было бы, кроме 33 миллиардов бюджетных расходов, иметь наготове 22 миллиарда для этих платежей. Правда, держатели государственных краткосрочных обязательств не сразу раскусили, насколько „выгодно“ они поместили свои сбережения. В 1925 г. правительству при-

---

[1]) Здесь, как и во многих других местах, где мне приходится опираться на официальные данные, я привожу цифры во франках, хотя удельный вес франка в течение каждого года подвергался очень существенным изменениям. Я уже говорил о том, что французы еще очень туго продвигаются по пути золотого исчисления, даже в научных работах, где такое исчисление требуется элементарной финансово-экономической грамотностью.

[2]) Характерно, что само правительство в точности не знает, с какой цифрой бон ему приходится иметь дело, и насчет этого ведутся среди финансистов споры.

шлось оплатить после предупреждения только часть бон, которым истекал срок. На остальную сумму держатели предпочитали возобновлять подписку, и это спасало государственный бюджет от краха. Но, в виду финансовой паники, положение может круто измениться, и налаживающееся бюджетное равновесие может взлететь на воздух; правительству пришлось бы тогда об'явить мораторий по части обмена на франки своих обязательств, что было бы об'явлением банкротства государства, банкротства формального, поскольку банкротство фактически началось уже с начала падения франка, когда началось „списывание" государственного долга этим тихо действующим инструментом. Однако, хотя и с колоссальным опозданием, держатели бон начинают понимать, что уплачиваемые им по бонам 6% в бумажных франках не только полностью с'едаются падением франка, но одновременно экспроприируется и часть франков. Поэтому ко 2-й половине 1925 г. число заявлений, требующих размена бон на франки к сроку платежа, стало все более и более расти. А это в свою очередь заставило правительство поторопиться с принятием мер к консолидации краткосрочного долга. Отсюда идея золотого займа Кайо. Замысел Кайо заключался в следующем. В обращении находится бон национальной защиты на 56 млрд. Время от времени наступают платежи, которые немыслимо покрывать из бюджета. Надо превратить эти боны в консолидированный долгосрочный долг, вроде того, который уже фигурирует в списке обязательств государства на сумму 149.395 миллионов и не беспокоит так министра финансов, как краткосрочные долговые обязательства. Расчет был бы правилен, если б вся операция проводилась в условиях сколько-нибудь нормального состояния финансов и валюты государства, во-первых, и если б боны представляли из себя такие сбережения населения, которые могут отложиться в капитальные фонды, ненужные в обороте или для текущих расходов. Ни того, ни другого условия не было налицо. Правда, боны национальной защиты были в годы войны преимущественно средством накопления, особенно в 1915 г., так как закрытие биржи, мораторий для депозитов и т. д. делали боны естественным средством помещения сбережений за приличный процент. Французский крестьянин накоплял боны так же, как наш—царские деньги и керенки. По годам количество бон росло следующим образом:

1 января	1917 — 13.421	млн.	франков
ноябрь	1917 — 23,674	„	„
„	1918 — 32.939	„	„
декабрь	1919 — 46.140	„	„
„	1920 — 52.352	„	„
„	1921 — 58.500	„	„

декабрь	1922 —	59.055	млн. франков
„	1923 —	55.848	„ „
конец	1924 —	55.848	„ „

Но к 1925 г. владельцы бон все чаще и чаще стали стремиться к обмену, боны сохранились больше как средство помещения на короткий срок оборотных средств в виду налоговых преимуществ и процента; при этом большинство их владельцев отнюдь не собиралось превращать их в государственную ренту. Кайо пришлось соблазнять держателей бон совершенно исключительными преимуществами консолидации. Таким совершенно исключительным преимуществом явилось отступление от закона 1894 г. о единстве монетной системы Франции. Кайо предложил владельцам бон, подверженных всем опустошительным действиям падающей валюты, застраховать их сбережения в твердой валюте; владельцу бон, подписавшемуся на новый заем, государство гарантирует расчеты, исходя из курса фунта в 97 и плюс твердый процент 4%, также гарантированный от падения франка.

Год—полтора раньше такой заем имел бы успех. Но предпринятый в обстановке начинавшейся финансовой паники он провалился так же, как и заем 1924 г., выпущенный для правительства Credit National. Кайо собрал по займу всего 6 миллиардов, несмотря на энергичную агитацию в пользу займа всей прессы, речи министров, произносимые по радио, продление срока подписки. Провал займа отчасти предопределил и уход Кайо с поста министра финансов.

Что же будет дальше с краткосрочными обязательствами государства, как будут уплачены декабрьские платежи 1925 г.?

Как известно, проект создания амортизационного фонда государства, внесенный Пенлеве, есть попытка решить тот же самый вопрос, но другим способом. Амортизационный фонд, составляемый из различных источников, в том числе налога на капитал, должен дать государству в случае успеха самого проекта необходимые средства для выплат по краткосрочному долгу без апелляции к бюджету государства и печатному станку Французского банка, а также, быть может, средства для досрочного выкупа части долга. Консолидация долга как будто отвергается, что есть, вообще говоря, показатель нужды, а не добродетели.

В настоящий момент трудно судить, окажется ли весь этот проект осуществимее золотого займа Кайо или же его постигнет та же участь, при чем основную часть амортизации долга попрежнему будет производить не казначейство, а падающий франк [1]).

[1]) Парламент вотировал разрешение новой эмиссии в 7 1/2 миллиардов франков. К чему это приведет в области курса франка, совершенно очевидно.

Подведем теперь итоги внутренней задолженности французского государства. Согласно „Invantaire“ [1]) внутренний долг равнялся на 31 июля 1924 г. в круглых цифрах.

Долгосрочный долг.		
Внутренний довоенный долг . .	22,5	миллиардов
Внутренний долг, образовавшийся после начала войны .	131,3	„
А за необходимыми вычетами всего .	149,394	миллиардов
Краткосрочный долг	37.174	„
Текущий долг.		
Обыкновенные боны казначейства	5.213	млн.
Боны национальной защиты . .	56.287	„
По депозитным фондам казначейства	6.781	„
Аванс Французского банка правительству (эмиссионный долг).	23.000	„
Итого	277.859	млн.

Если исключить из этой суммы эмиссионный долг государства Франц. банку, то займов в собственном смысле имелось у государства на сумму 254.859 миллионов.

В частности на 1 октября 1925 г. только краткосрочный и текущий долг, без эмиссионного долга Французскому банку и также, разумеется, без долгосрочных и консолидированных займов, т.-е. долг, наиболее угнетающий французского министра финансов, был равен сумме 98.842 млн. франков.

В итоге, если рассказать в двух словах на самом понятном языке, то, что, в конце концов, произошло во Франции в области финансов с 1914 года, то этот рассказ будет таков. Война требовала огромного количества средств. На войну были потрачены сбережения рабочих, крестьян, служащих, мелкой городской и отчасти средней буржуазии—и в гораздо меньшей части средства крупной буржуазии, главным образом те ценные иностранные бумаги, которые крупная буржуазия предоставила правительству во время войны. Когда война кончилась, государство продолжало тратить деньги на репарации, а подписчикам на новые государственные займы вселялась надежда, что немец все заплатит. Одновременно с этим происходило колоссальное расхищение государственных средств, взятых в большинстве с мелких держателей и потраченных на восстановление разрушенных областей. Вокруг этого восстановления создалась невероятнейшая спекуляция; пострадавшие преувеличивали свои ущербы, переуступали

[1]) Привожу только общие итоги. В „Invantaire“ приведены все титулы займов.

подрядчикам свое право на возмещение в разных формах, и в результате на всей этой патриотической работе крупная буржуазия загребла миллиарды, вызвав всеобщие протесты в стране. Когда же все эти расходы кончились, а Германия оказалась не в состоянии платить, то возник вопрос, как расплачиваться по этому колоссальному долгу,который предполагалось сбросить на немца. Тогда началась кампания за увеличение налогов, кампания за то, чтобы Франция выбиралась из затруднения собственными силами. Налоги же, как известно, не население берет с правительства, а правительство—с населения, а во Франции больше, чем где-либо, берет с трудового населения. Значит, тем самым слоям населения, которые подписывались на государственные займы, теперь рекомендуется вносить как можно больше налогов для обеспечения платежей по этим займам. А это и есть формула окончательного перекладывания военных и репарационных расходов на плечи рабочего класса, крестьянства и мелкой буржуазии Франции. Вся эта операция отличается от знаменитой истории с Минхгаузеном тем, что этот рыцарь, хотя и не смог себя вытащить за косу из болота, но, по крайней мере, история умалчивает насчет того, в каком состоянии находился его кошелек. Во Франции же самовытаскивание мелкой буржуазии и крестьянства из финансового кризиса происходит таким образом, что тело спасающихся остается в болоте, а кошелек переходит к правительству.

ВНЕШНИЙ ДОЛГ

Происхождение внешнего долга Франции таково. Во время войны Франция должна была прибегать к займам у своих союзников не только вследствие недостатка финансовых ресурсов внутри страны, но, прежде всего, вследствие огромного дефицита в ряде материальных ценностей, что в области ее внешней торговли сфотографировалось в виде огромной пассивности ее торгового баланса. Не останавливаясь подробно в этой связи на анализе внешней торговли Франции, я приведу только самые основные данные. В 1914 г. ввоз во Францию превышал вывоз из Франции на 1.533 миллиона франков, размеры дефицита последующих лет таковы:

В	1915	г.— 7.099	млн.	франков.
„	1916	„—14.400	„	„
„	1917	„—21.541	„	„
„	1918	„—19.576	„	„
„	1919	„—23.900	„	„
„	1920	„—22.400	„	„
„	1921	„— 2.900	„	„
„	1922	„— 3.300	„	„
„	1923	„— 2.200	„	„

В результате, на ряду с ужасающей цифрой бюджетного дефицита за последние 10 лет, Франция имела дефицит по торговому балансу, равный 116 миллиардам. И только в последнее время торговый баланс Франции стал активным. Экономически эта пассивность баланса говорила о том, что на территории Франции отлагалось больше товарных ценностей, чем вывозилось из страны за границу, при чем подавляющее большинство этих ценностей пошло на войну, т.-е. подверглось истреблению. С другой же стороны, за границей откладывался контрсчет на этот дефицит в виде задолженности Англии, Америке и др. странам. Несмотря на то, что на расплату за свои покупки за границей французское правительство использовало иностранные ценные бумаги и девизы, которые оно получило в результате апелляции к французским гражданам во время войны, прямая задолженность Франции достигла к настоящему времени следующих цифр. По так называемому политическому долгу Франция была должна Англии на конец 1923 года 15.275 миллионов золотых франков, а Америке — 15.194 миллиона зол. франков. Если же к последней цифре прибавить невыплаченные, согласно условиям займа, проценты, то эта сумма должна возрасти на 650 миллионов долларов. Кроме того, на 31 июля 1924 года коммерческие долги Франции равнялись, согласно данным министра финансов, 5.149 миллионам зол. франков. В общем, по подсчетам проф. Кольсона, общая сумма задолженности Франции за границей равняется теперь 39.350 миллионам зол. франков.

Как известно, вопрос об урегулировании этого долга стоит сейчас чрезвычайно остро и служит причиной резкого раздражения во Франции против ее англосаксонских союзников, особенно против Америки. Если бы Франции удалось урегулировать вопрос со своим внешним долгом на основе уплаты его в 70 лет из двух с половиною процентов и из 1 проц. погашения, то это должно потребовать бюджетных расходов, примерно, в 5 миллиардов с лишним франков при теперешнем курсе валюты, или около 1 миллиарда золотых франков, и соответственно большую сумму в зависимости от дальнейшего падения франка. Иными словами, урегулирование вопроса о внешнем долге для Франции даже на этих весьма льготных условиях, на которые американцы вряд ли согласятся, означало бы срыв того бюджетного равновесия, которого кое-как предполагается достигнуть для бюджета 1926 года.

Но вопрос о внешнем французском долге является не только тяжелой проблемой для бюджета государства, но и чрезвычайно трудной проблемой для интервалютарной

политики Франции. Уплата 5 с лишним миллиардов по внешнему политическому долгу потребовала бы увеличения на эту сумму активности торгового баланса. А так как такое резкое увеличение торгового баланса возможно лишь при успешной конкуренции экспортной французской промышленности на внешнем рынке с другими промышленными странами, то первым следствием приступа Франции к уплате по внешнему долгу будет обострение экономической борьбы Франции с Англией, Америкой и др. странами. В целом же это будет означать замену финансового конфликта Франции с англо-американским капиталом конфликтом экономическим, со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями. Во-вторых, эта успешная конкуренция Франции вовне возможна лишь при большей дешевизне французской продукции, для достижения чего французскому капиталу придется усилить нажим на рабочий класс, уменьшая зарплату и увеличивая рабочий день, т.-е. вторым следствием будет усиление социальных противоречий внутри самой Франции. Наконец, излишне распространяться о том, что необходимость для Франции выбиваться из всех сил для достижения резко-активного баланса при весьма неблагоприятной кон'юнктуре мирового рынка, будет вызывать постоянную тенденцию к понижению курса франка на международном валютном рынке.

Казалось бы, у Франции есть другой выход для решения проблемы ее внешней задолженности. Она могла бы обратить на уплату своего внешнего долга репарационные платежи от Германии и вообще могла бы произвести перевод своего долга союзникам на Германию, взамен отказа от репараций, полагающихся ей с Германии. Такие предложения французами делались, но категорически были отвергнуты мистером Долларом. Причины следующие. Во-первых, Франция начнет получать полагающиеся ей 52 проц. репарационных платежей по плану Дауэса полностью лишь с 1928 года [1]), а американцы требуют от Франции приступа к уплате по их долгу немедленно. Но не это главное. Главное заключается в том, что американцы лучше, чем в Европе, знают качества того экспортного американского продукта, который называется планом Дуэса. Они отнюдь не уверены в том, что

---

[1]) По плану Дауэса репарационные платежи Германии будут равны:

1924/5	—	1.250	млн. золот. марок.
1925/6	—	1.220	„ „ „
1926/7	—	1.200	„ „ „
1927/8	—	1.830	„ „ „
1928/9	—	2.500	„ „ „

этот план не провалится с таким же треском, как провалился в своей финансовой части Версальский мир. Они не хотят нести риска за это, в высокой степени сомнительное, предприятие, особенно, если основная часть плана Дауэса, больше всего интересующая Америку, т.-е. удаление французских войск из Рурской области, будет осуществлена. Вторая причина, чисто политическая, по моему мнению, заключается в том, что для Америки, в сущности говоря, совсем невыгодна полная ликвидация франко-германского конфликта. Если бы Франция перевела свой долг Америке на Германию в обмен за репарации, то это ослабило бы франко-германский антагонизм, но зато усилило бы антагонизм германо-американский, а кроме того—общий антагонизм между Европой и Америкой. Между тем, „балканизация Европы" также выгодна теперь Америке, как была выгодна соответствующая политика Англии на европейском континенте в период мирового господства английского капитала. Наконец, не надо забывать и о финансово-экономических трудностях трансферта платежей Германии из натуральной формы в денежную, из одной валюты в другую,—затруднение, которое не является расчетно-техническим, а затрагивает проблему пропорциональности обмена веществ между современными капиталистическими странами. Америка вовсе не хочет возиться со всем этим сложным делом, предоставляя решать проблему трансферта „самой Европе".

Вообще же по поводу обязательств Германии надо сказать следующее. В случае полной уплаты с 1928 года причитающейся с Германии суммы в 2.500 миллионов золотых марок, Франция должна получить около половины. Не говоря о крайней сомнительности всех расчетов на платежеспособность Германии, Франция через три года может рассчитывать на регулярное получение с Германии ежегодно суммы, которая хватит для обслуживания ее внешнего долга и на покрытие расходов на инвалидов мировой войны. Теперь это начинают понимать здесь не только финансисты, но и вся масса населения. А это приводит к постепенной переоценке со стороны французов всего смысла участия Франции в войне, т.-е. к тяжелому похмелью, которое наиболее резко сказывается в глубоких антимилитаристских настроениях крестьянства. Многие финансисты вообще предлагают не принимать во внимание при составлении бюджета платежей с Германии, и делают благоразумно.

Я хотел бы еще обратить здесь внимание на одну экономически важную сторону французских внешних займов, на которую я не встречал указания в финансовой литературе. Французские внешние займы делались в период макси-

мального падения покупательской способности золота. В самом деле. Почти весь так называемый „политический" долг Англии и Америке в размере 30 миллиардов Франция накопила на промежутке 1917—1920 г. г. [1]) в период максимального падения покупательной способности золота (в Америке с 12% в 1916 г. до 239% в 1920 г.). Если мы вспомним, что теперь индекс золотых цен в Америке 165, то для нас станет ясно следующее. Франция должна платить другим по стоимости золотом, чем она занимала. Она занимала дешевым, будет платить более дорогим, т.-е. сверх обычного она заплатит своим кредиторам „конъюнктурный процент", который будет много больше двух или трех годовых.

Когда пишутся эти строки, соглашение Кайо с англичанами о ежегодных уплатах 12,5 млн. фунтов Францией состоялось, но предложение того же Кайо об ежегодных 40 млн. долларов Америке в первые 5 лет не прошло. Допустим то и другое соглашение войдет в силу. Это даст Франции известное облегчение с точки зрения тех платежей, которые она должна была бы платить без этих льгот. Но ведь до сих пор Франция ничего не платила. А с этой точки зрения даже весьма льготные условия уплаты означают ухудшение теперешнего состояния бюджета. Разумеется в дальнейшем немецкие платежи дадут Франции необходимые суммы для ежегодных расплат с Англией и Францией. Если Германия окажется платежеспособной, проблема внешнего долга не будет стоять остро для Франции.

Но о том ли мечтали французы, когда растрачивая колоссальные собственные средства на войну и восстановительные работы, повторяли пресловутые слова: „немец все заплатит"?

ПРОБЛЕМА БЮДЖЕТНОГО РАВНОВЕСИЯ

Судьба франка зависит от состояния бюджета государства. Центральным же вопросом бюджетного равновесия является ликвидация дефицита и переход государства на режим расходов, покрываемых нормальным бюджетными доходами. Что французское правительство, как и всякое правительство, участвовавшее в разорительнейшей войне, не могло покрывать из нормальных бюджетных доходов военные расходы, это вполне естественно. Наоборот, тот факт,

---

[1]) В 1915 г. от Англии получено лишь 23 млн. фунтов из всего долга Англии в 445 млн. фунтов, накопленных до 1920 г.

что государство не решилось серьезно увеличить налоги во время войны и что оно продолжало жить на займы несколько лет после войны, составляет специфическую особенность бюджетного хозяйства Франции. В той же Англии дело обстояло, как известно, совсем иначе.

В экспозе министра финансов к бюджету 1923 г. были даны общие цифры французских бюджетов периода войны. Приведем эти цифры [1]).

Ресурсы казначейства с 1913 г. по 1919 г.

(В млн. фран.).

Годы.	Бюджетные поступлен.	Внутренние займы.	Внешние займы.	Авансы банка.	Всего.
1913	4.907	91	—	—	4.998
1914	4.196	2.323	51	3.925	10.495
1915	4.130	16.752	2.806	1.150	24.838
1916	4.932	18.433	8.800	2.350	34.515
1917	6.186	18.588	11.885	5.160	41.819
1918	6.791	24.293	8.695	4.680	44.459
1919	11.586	31.613	11.348	8.370	62.917
Всего	42.728	112.093	43.585	25.635	224.041

При анализе этой крайне поучительной таблицы надо иметь прежде всего ввиду, что цифры 1913 г. даны в золотых франках. Также все внешние долги Франции заключались в золотых франках. Что же касается всех остальных цифр, они даны в бумажных франках. Не забудем при этом, что с 1915 до 1918 г. включительно франк был относительно твердой валютой: курс его был ниже паритета за годы войны в среднем лишь немного менее 8%.

Мы видим из приведенных цифр, что бюджетные поступления трех лет войны ниже поступлений по довоенному бюджету на 15—20%, учитывая также некоторое падение франка. В своей натуральной части, т.-е. по покупательной спо-

[1]) См. об этом также у Lechappelle—„Les finances publiques après la guerre (1919—1924)", Paris, 1924, p. 24.

собности денег, эти доходные бюджеты были много меньше довоенных. Резкое изменение наступает как будто лишь в 1919 году. Однако это как раз год начавшегося резкого падения франка. Бюджетные поступления 1919 г. равнялись в бумажных франках 11.586 миллионов, во франке золотом по курсу доллара эта сумма равнялась только 8,2 миллиардам франков, а по покупательной способности франка внутри страны 3,2 млрд. довоенных, т.-е. „товарных" франков. За 6 лет войны и первый год мира нормальными бюджетными поступлениями покрывается только 21% всех расходов государства.

Посмотрим теперь, как обстояло дело после 1919 г., т.-е. в период мирных лет. Мы дадим общую цифру прихода и расхода по годам, игнорируя деление бюджета на общий и специальный или „покрываемый" бюджет. Необходимо только заметить, что до 1920 г. расходы на восстановление разрушенных областей шли по общему бюджету. Финансовым законом от 31 июля 1920 года был создан специальный бюджет (recouvrable), т.-е. покрываемый немцами. После того, как выяснилось, что немецкое покрытие, выражаясь мягко, „вилами на воде писано", в 1925 году бюджет строится снова как единый.

Годы.	Доходы.	Расходы.	Процент падения курса франка (паритет 100).	Процент индекса оптовых цен (100 июль 1914 г.).
1920	21.770	52.409	278	506
1921	23.302	44.297	260	337
1922	24.692	37.506	235	332
1923	23.438	38.270	320	415
1924 [1]	29.036	32.490	372	491
1925 [2]	31.578	33.137 [3]	за 8 м. ок. 410	за 8 м. 540
1926	—	36.039 [4]	—	—

[1]) По проекту бюджета предполагалось доходов 29.833, расходов 29.659.

[2]) По проекту Клемантеля.

[3]) Сумма открытых кредитов согласно об'яснительной записке к бюджету 1926 г.

[4]) Supplement au Bulletin Quotidienne, № 45, 1925 г.

Из этой таблицы читатель может видеть, как цифры доходов и расходов государства за 6 мирных лет, так и удельный вес этих общих цифр с точки зрения курса франка на доллар к его покупательной способности внутри страны.

И после войны французское государство продолжает жить не по средствам, покрывая огромные бюджетные дефициты займами. Но займам уже приходит конец. Credit National анонимная организация, созданная министром финансов Клотдом в 1919 г. и являющаяся лишь псевдонимом казначейства, после ряда удачных кредитных операций на денежном рынке терпит неудачу с очередным займом в 1924 г. Этот источник для французского правительства отныне закрыт. Провал золотого займа Кайо еще больше подчеркнул этот факт. Теперь приходится протягивать ножки бюджетных расходов по одежке нормальных поступлений.

Но здесь для французского бюджета начинается новое испытание: сокращение реальной стоимости бюджетных поступлений вследствие систематического падения курса франка. Доходы 1920 г. дают в золотом исчислении в круглых цифрах до 7,8 млрд., 1921 г.—9 млрд., 1922 г.—около 10 млрд., 1923 г.—только 7,5 млрд., 1924 г.—около 8 млрд., а 1925 г., несмотря на огромное финансовое напряжение, в частности, на проведенное Кайо увеличение косвенных налогов, даст несомненно, по реальной стоимости доходов сумму, самую низкую за последние 6 лет. Особенно резкое снижение даст, 4-й квартал с его катастрофически быстрым падением франка. Выходит, что все финансовое напряжение, которое сделано в последние годы, не в состоянии даже удержать реальный доходный бюджет на уровне 1921 года.

Причины этого явления мы должны искать в общеэкономической обстановке Франции. После того, как французское правительство обобрало у своего населения все его сбережения довоенные, военные и послевоенные путем займов, приходится делать принудительные налоговые вычитания из ежегодного бюджета населения.

В каком же отношении находятся доходы государства ко всему национальному доходу?

Довоенную пропорцию мы видели. Бюджет брал около 14 % национального дохода. А теперь?

Вместо 4,5—5 миллиардов золотых франков доходов по бюджету, мы имеем в золотом исчислении сумму от 7,5 до 10 миллиардов. Для точности сравнения надо уменьшить эту сумму на коэффициент падения покупательной способности золота. Но и после этой операции доходы государства будут больше довоенных в среднем на 2—2,5 миллиарда золотых

франков больше довоенных или больше на 50—60%. Между тем бюджет всего народного хозяйства в натуральных ценностях или во франках, но по довоенным ценам, отнюдь не увеличился на этот процент, даже принимая во внимание рост промышленного производства и присоединение Эльзас-Лотарингии.

Таким образом, падение франка и по линии бюджета выполняет такую же самую экономически необходимую функцию, как и то отношение к внутренней задолженности государства. Падающий франк уменьшает обе величины, приближая их к реальному распределению реальных ценностей в стране и к их реальной величине в бюджете государства, скрывая свою работу под старыми номиналами бумажного франка.

Если теперешние бюджеты не могут вылезть за 8 млрд. франков в золотом исчислении, то это потому, что вылезти нет экономической возможности. А, значит, государству и всей стране нет возможности платить и по внутреннему долгу в размерах действительной величины этого долга.

Если взять по отношению к довоенному чистому годовому доходу Франции цифру Пюпэна в 33 миллиарда, вычесть из нее недобор продукции по земледелию, прибавить превышение довоенной продукции в промышленности, главным образом благодаря присоединению Эльзас-Лотарингии, сделать поправку на падение покупательной способности золота, то в нынешних золотых франках национальный доход Франции будет равен 40 млрд. золотых франков или в 1924 г., по курсу франка этого года, в 148,8 миллиардов бумажных франков и приблизительно 170—175 миллиардов в 1925 году. При доходном бюджете 1924 г. в 29 миллиардов франков бумажных или 8 миллиардов золотых этот вычет из годового национального дохода равняется 20%, вместо 14% довоенных.

Отсюда ясны и перспективы. Бюджет 1926 г., предположенный в размере 36 миллиардов по расходам и 30,2 миллиардов по налоговым поступлениям, будет меньше, а не больше предыдущих шести бюджетов, если его взять в золотом исчислении. Что французский франк, приближающийся к 27 франкам за доллар, т.-е. павший в 5 раз в сравнении с паритетом, не поднимется в 1926 г. выше этой суммы, на этот счет вряд ли могут быть сомнения. Дальше же пасть он может. А при такой ситуации налоги дадут в 1926 г. в самом лучшем случае в золотом исчислении 6 миллиардов, а расходы будут равны 7 миллиардам. Это еще в лучшем случае.

Относительно размеров обложения французского населения приведем еще данные из других источников. В июль-

ском номере Индекса, издания New York Trust company [1]), помещены данные о размере налогового обложения в некоторых странах по сравнению со средним годовым доходом на душу населения. Данные относятся к 1923—24 годам. Исчисление сделано в долларах.

Страны.	Обложение (центральное и местное).	Национальный доход на душу.	Отчуждаемый процент от национального дохода.
Великобритания	86,94	374,74	23,2%
Франция	37,07	186,98	20,9%
Италия	19,04	99,17	19,2%
Бельгия	24,83	146,06	17,0%
С. Штаты	69,72	606,26	11,5%

Таким образом, и данные американского источника дают приблизительно ту же цифру отношения обложения к ежегодному чистому доходу, которую вывели и мы, т.-е. 20,9%. Приведенные цифры дают также представление об относительной тяжести обложения по странам. Американский гражданин по абсолютной сумме выплачиваемых налогов стоит на втором месте после англичанина и на последнем месте по проценту обложения на весь доход. Англичанин на первом месте по обложению и на втором по доходу. Француз на третьем месте по доходу и на втором по обложению. Однако платить одинаковый процент, но от разного дохода, значит неодинаково быть обложенным, т. к. от большого дохода легче платить и больший процент. С этой точки зрения платят больше всех итальянцы и затем французы.

Согласно Inventaire'у на голову населения в 1913 году приходилось налогового обложения во Франции 104 франка,

в 1923 г. . . . . 524 фр.

„ 1924 „ . . . . . 637 „

Inventaire делает здесь же вычисление, на какое количество процентов увеличилось обложение. Это вычисление не имеет никакого смысла, поскольку не делается одновременно

[1]) См. „The Economist", august 8, 1925, p. 226.

вычисление падения валюты. Произведя такое вычисление, мы найдем, что, если на голову населения в 1913 г. приходилось 104 зол. фр., то в 1923 г. приходилось 163,7 зол. фр., а в 1924 г.—171,3 фр.

В заключение мы считаем необходимым познакомить читателя несколько ближе со структурой двух последних французских бюджетов, бюджета 1925 г. и проекта бюджета на 1926 год.

1925 г. Доходы.

Налоговые обложения	25.381	млн. фр.
Государственные монополии и имущества	3.018	„ „
Чрезвычайные ресурсы	1.605	„ „
Получения по плану Дауэса	1.275	„ „
Различные доходы	1.871	„ „
Итого	33.150	„ „

Что же касается налоговых доходов, то они распадаются в бюджетах 1925 и 1926 г. г. таким образом:

Название налогов.	Бюджетные предположения	
	на 1926 г.	на 1925 г.
Прямые налоги[1])	6.171.640.000	8,494.177.000
Пошлины (enregistrement)	5.200.550.000	5.678.436.000
Гербовые сборы	976.450.000	1.324.704.300
Налог на биржевые операции	166.000.000	148.944.000
Налог на доходы с движимого имущества	1.849.000.000	3.171.025.000
Налог на роскошь	21.000.000	18.245.000
Таможенные пошлины	2.305.332.000	2.221.641.000
Косвенные налоги[2])	3.759.620.000	3.811.989.000
Уравнительный сбор	4.439.000.000	4.932.340.000
От сахара и сахарина	492.500.000	445.311.000
Всего	25.381.092.000	30.246 813.000

[1]) Главным образом, подоходный налог.
[2]) Акцизы.

Рассматривая эту таблицу, мы убеждаемся, что две трети налогов—налоги косвенные, перекладываемые в последнем счете на широкие массы населения. Правда, в последние годы налоги, падающие на крупный капитал, возросли и в абсолютных цифрах и в проценте ко всей сумме налогов. Но это есть возрастание от совершенно скандальной легкости обложения капитала, которая существовала в годы войны, т.-е. в годы максимальной растраты народного имущества и доходов страны.

Что касается расходного бюджета, то о нем дает представление ниже приводимая таблица. Надо иметь в виду при этом, что цифра расходов для 1925 г. уже перешла за сметные предположения и равняется более 35 млрд. Для страны, которая ведет две колониальных войны и имеет неожиданности в области платежей по текущему долгу, иначе и быть не может.

Министерства и ведомства.	Кредиты, открытые для 1925 г.	Кредиты, предполагаемые для 1926 г.
Министер. финансов	22.230.547.105	23.570.082.800
Освобожд. области	533.187.645	477.370.500
Министерство юстиции	147.564.182	147.878.100
Минист. иностранных дел	131.739.747	144.363.200
Внутренних дел	341.962.789	334.750.400
Военное	3.466.949.579	3.967.113.719
Морское	1.251.973.465	1.496.507.400
Министерство просвещения и искусств.	1.735.998.076	1.754.644.200
М. торговли и промышленности почт и телеграфов	28.839.938	387.353.100
Мин. народного здравия и соц. обеспечения	641.391.780	628.412.900
Мин. колоний	254.113.084	270.266.000
Мин. земледелия	227.682.420	217.923.000
Мин. общественных работ [1]	1.903.290.568	1.998.158.800
Министерство пенсий	646.603.400	646.603.400
Всего	33.137.180.618	36.039.407.619

[1] Общ. работ, общ. сооружений, портов, воздушного сообщения и т. д.

Заметим прежде всего, что чудовищная цифра по министерству финансов как раз и скрывает за собой и ахиллесову пяту расходного бюджета Франции, т.-е. уплату процентов и погашение по долгам.

Эта цифра предположена для 1925 г. в размере 19.181 млн., т.-е. 57,9% всего бюджета, а для 1926 г. в 19.816 млн. или 55% бюджета. Увеличение кредитов, связанное с вздорожанием цен, выражается всего в 250 млн. и относится к военным поставкам. Это значит, что падение франка и непрерывно продолжающееся вздорожание жизни не находят почти никакого отражения в той части бюджета, которая состоит из заработной платы государственных рабочих и служащих. Падающий франк снижает доходы государства, а это означает, при стабильности окладов, снижение всех заработных плат миллиона с четвертью людей, занятых в государственном аппарате, а вместе с тем понижение (в золотом исчислении) процентов по государственному долгу.

Фрацузские финансисты очень обеспокоены тем обстоятельством, что общая сумма эмиссии в 1924 г. достигала только цифры в 13 млрд. бум. фр. Однако необходимо иметь в виду, что в то же время бюджет французского правительства чрезвычайно возрос по сравнению с довоенным. Если мы сложим довоенный бюджет с новыми эмиссиями и сравним это слагаемое с бюджетом и новыми эмиссиями в 1924 г., то мы увидим, что первая цифра не меньше, а больше второй. В самом деле, до войны бюджет равнялся около 5 млрд., а новые эмиссии $4^1/_2$ млрд. зол. фр., т.-е. вместо $9^1/_2$ млрд. фр. в 1924 г. новые эмиссии дали 13.244 млн. бум. фр., или 3.563 млн. зол. фр., а бюджет был равен 8 млрд. фр., т.-е. в 1924 г. сумма бюджета и эмиссия дает $11^1/_2$ млрд. франков.

Таким образом, жалобы на недостаточные новые эмиссии могут означать, что угодно, но только не доказательство уменьшения прибавочного продукта, создаваемого теперешней французской экономикой. Наоборот, мы видим, что бюджет плюс новые эмиссии дают большую сумму, чем до войны. Такой результат возможен только при увеличении национального дохода страны, или же при сокращении потребления французского населения. В какой степени это сокращение потребления имеет место в современной Франции, мы, к сожалению, не можем сказать без специального исследования этого вопроса.

Мы рассмотрели внешнюю количественную сторону современного франц. бюджета, т.-е. рассмотрели его соотношение с национальным доходом. Теперь нам необходимо познакомиться с его внутренней структурой. Обратимся

сначала к доходной части бюджета. Возьмем в качестве иллюстрации бюджет 1924 г., который, с одной стороны, является самым последним бюджетом и об исполнении которого имеются некоторые данные, с другой стороны, довольно типичным бюджетом для периода падающего франка, с одной стороны, и более, или менее закончившихся расходов на восстановление разрушенных областей, с другой.

По бюджету 1924 г. доходов было 29.036.153.300 фр., расходов было 32.490.775.314 франков, таким образом, бюджет был выполнен с дефицитом в 3.357.622.014. Первое и основное деление доходного бюджета—это деление на прямые и косвенные налоги. Всего по бюджету 1924 г. и прямых и косвенных налогов поступило 27.582.611.550, из этого количества прямых налогов было 8.251.000.000 франк., косвенных налогов 19.703.162.500 франков, т.-е. прямые давали в грубом исчислении 30% всех налоговых поступлений, косвенные 70%.

При анализе прямых налогов прежде всего необходимо учесть, в какой степени они равномерно ложатся на город и деревню. Подходя с этой точки зрения к анализу цифры франц. бюджета, мы видим, что во Франции в противоположность другим капиталистическим странам, проводящим политику эксплоатации деревни городом во всем и особенно в области налогового обложения, мы видим как раз обратную картину. Налоги на деревню, т.-е. прежде всего налог на земельную собственность, чрезвычайно невелики и почти не увеличиваются в размерах, несмотря на падение курса франка. Это можно видеть из следующих цифр по последним 5 бюджетам, начиная с 1920 г. Обложение недвижимости застрахованной и не застрахованной выражалось в следующих цифрах:

	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Застрах.	278.890	293.869	300.056	309.057
Незастр.	153.060	164.721	163.525	166.525
	431.950	458.590	463.581	475.582

Таким образом, мы видим, что обложение деревни по налогу на недвижимость остается почти в стационарном состоянии, если иметь в виду исчисление в бум. фр. Если же эти бум. фр. перевести на реальные франки, т.-е. на покупательную способность франка или на падение его курса, то нам достаточно сказать, что с 1918 г. по 1925 г. индекс цен возрос с 414 до 600, а курс франка со 141 (принимая паритет за 100) до 372 в 1924 г. Это значит, что прямые налоги на крестьянство не только не увеличились, как уве-

личились все остальные налоги, а уменьшились почти в 2 раза по их реальной стоимости. В результате, напр., в 1923 г. все налоги на землю равнялись 1.603.455.000 фр., налоги же на промышленность и торговлю 2.197.000.000 плюс 1.897.000.000 налога на оборот, т.-е. 4.084.000.000 франков. Это значит, что из общей суммы 5.637 млрд. деревня платила только 29 с лишним %, тогда как по доходности, по мнению проф. Мартена, она должна была бы платить 40% всего обложения. О недостаточности обложения деревни в сравнении с городом очень часто и очень много пишут французские финансисты. Это неравенство об'ясняется тем, что все политические партии, опирающиеся на деревню, боятся раздражить ее повышением налогов и потерять избирательные шансы среди крестьян.

Обращаясь к другим прямым налогам, падающим на город, мы убеждаемся, что французская буржуазия платит все же чрезвычайно мало, если принять во внимание оживление в делах промышленности и торговли и довольно успешное накопление здесь. Правда, ставка подоходного налога на душу во Франции довольно близка к английским, что видно, напр., из следующей таблицы, которую приводит финансовый инспектор Арис в „Revue politique“ [1]):

Облагаемая сумма.	Франция.	Англия (в %%).
6.000— 13.500 фр.	9,60	0
20.000— 30.000 „	12	10,12
40.000— 50.000 „	16,70	20,25
100.080—180.000 „	31,2—38,4	20,25
450.000—540.000 „	62,40—64,50	40
Свыше 2.700.000 „	67,90	52,55

Автор приводит эти цифры, чтобы доказать, что обложение капитала во Франции нисколько не слабее, чем в Англии. Однако уже из приведенной таблицы мы видим, что во Франции обложение начинается с дохода в 6.000 фр. до 13.000, который в Англии не подлежит обложению, что очень сильно меняет всю картину, т. к. при теперешнем курсе франка это есть доход большей частью рабочих и мелкой буржуазии. С другой стороны, во Франции чрезвычайно развито уклонение от обложения как раз со стороны наиболее крупных плательщиков. Борьба с этим уклонением от налога до сих пор не имела особого успеха, несмотря на то, что на эту тему написаны целые горы статей и циркуляров, а печать полна жалоб на налоговые „fraudes“.

---

[1]) Jean François Aris—„Les charges fiscales en France et en Angleterre“, Revue politique et parlementaire, 10 avril, 1925, p. 31.

Было бы совершенно неправильно тяжесть обложения французского капитала высчитывать только на основании последних 2—3 лет. Как мы увидим ниже, основные расходы последних 10 лет, произведенные французами, т.-е. расходы на войну в размере 128 миллиардов и 59 млрд. на восстановление разруш. областей плюс покрытие дефицитов по бюджетам пали отнюдь не на крупную буржуазию, а на тех, кто подписывался на государственные займы, т.-е. главным образом, на мелкую, среднюю буржуазию и рабочих. То, что теперь крупная франц. буржуазия платит по государственному бюджету, есть лишь малая часть того, что она уже должна была заплатить, начиная с 1914 г., по тем реальным расходам, которые уже были произведены франц. правительством.

Как мы видели, налоговое бремя во Франции является очень тяжелым, предельным по абсолютным цифрам, но с точки зрения национального дохода его нельзя назвать совершенно невыносимым. Все дело лишь в том, что это бремя является совершенно неравномерно распределенным и больше всего ложится на трудящиеся массы населения. К сожалению, недостаток места не позволяет нам остановиться более подробно на этом вопросе.

Несмотря на свою большую абсолютную величину, современный франц. бюджет отнюдь не является раздутым по сравнению с бюджетом 1913 г. в смысле расходов на государственный аппарат. На весь так называемый гражданский бюджет (т.-е. бюджет за вычетом расходов на армию, флот и процентирование государственных долгов) в 1913 г. тратилось 37,6% общего бюджета, в 1922 г. 28%, а по проекту бюджета на 1925 г. должно итти 27,8%. Франция систематически урезывает расходы по нормальному бюджету, поскольку вынуждена больше тратить на армию и флот и в несравненно большей степени, чем до войны, тратить на проценты и погашение по государственным долгам.

Во франц. печати мы встречаем чрезвычайно много нападок на государственный аппарат и его дороговизну. С одной стороны, публицисты буржуазии доказывают, что государственное хозяйство ведется из рук вон плохо, ведется дороже, чем пришлось бы потратить на руководство теми же государственными предприятиями, если бы они были переданы в частные руки, а с другой стороны, из их же кругов, а также из многих других раздаются жалобы на дороговизну государственного аппарата и на то, что он слишком разбух по сравнению с 1913 г. Однако, это обвинение вряд ли справедливо в том, что касается разбухания. В 1913 г. государственных чиновников во Франции было 1.076.792, а в 1920 г. 1.224.450,

т.-е. мы имеем здесь увеличение, вполне об'яснимое ростом территории и увеличением роли государства во франц. хозяйстве и в политической жизни. Указания же на дороговизну этого аппарата совершенно не справедливы, поскольку мы видели, что расход на гражданский бюджет систематически сокращают, заработная плата чиновников по сравнению с довоенной не только не возросла, а сплошь и рядом сократилась и стоит на чрезвычайно низком уровне в абсолютных цифрах. Не говоря об Америке, и по сравнению с Англией оплата чиновников является прямо нищенской, и она уменьшается систематически вследствие падения франка.

РАЗОРЕНИЕ ДЕРЖАТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ БУМАГ ВО ФРАНЦИИ

Чтобы оценить размер тех потерь, которые уже понесли к настоящему моменту держатели французских государственных займов, мы делаем здесь специальный подсчет на основании перевода ценностей в бумажных франках на золотые франки. Как это мы говорили выше, согласно официальным данным на 31 июля 1924 г. весь внутренний долг франц. правительства равнялся сумме 277.850 млн. бум. фр., а по среднему курсу июля месяца этого года, согласно Инвантеру, 73.550 млн. зол. фр. На 7 ноября 1925 г. при курсе доллара в 24 фр. 82 сант. долг стоил 57.885 млн. з. фр., т.-е. за один лишь год с лишним „списывание" внутреннего долга произошло в сумме 15.665 млн. зол. фр., т.-е. почти наполовину всей внешней задолженности Франции по политическим займам. Читатели знают, сколько разговоров возбуждал всегда во Франции вопрос о междусоюзнических долгах вообще и в частности о военных долгах Франции по отношению к Англии и Америке.

Как мы видим, дело с внутренним долгом обстоит несколько иначе, списывание идет быстрым темпом, и вопрос решается как бы сам собой.

Чтобы размеры потерь французских держателей были вполне ясны, необходимо произвести операцию следующего подсчета. Мы берем последовательно, один за другим, внутренние займы, выпускавшиеся франц. правительством. Мы подсчитываем, сколько стоили в переводе на золотые франки те сбережения, которые внесли подписчики государству при размещении каждого займа. Затем мы высчитываем, сколько стоит в переводе на золотые франки облигации держателей к 7 ноября 1925 г. Потом мы из стоимости внесенных при подписке сумм по каждому займу вычитаем стоимость в зол. фр. теперешних облигаций и получаем ту сумму, которую

французские держатели потеряли по каждому займу к ноябрю 1925 г.

Вот результаты нашего исследования этого вопроса:

1) Довоенный внутренний долг Франции к моменту войны равнялся . .	22.543.720.000 зол. фр.
В настоящ. момент (ноябрь 1925 г.) стоимость облигаций в золот. фр., считая по номиналу и с учетом амортизации равняется	4.696.608.000 „
Держатели потеряли, т. обр., к 7 нояб.	17.847.112.000 „
2) 5% рента 1915—16 г.	
Размер суммы в бум. фр.	18.851.422.000 „
В золотом исчислении ко дню подписки	16.966.280.000 „
Теперешняя стоимость	3.928.000.000 „
Потери держателей	12.938.280.000 „
4% рента 1917 г.	
Разм. суммы в бум. фр.	9.004.733.000 „
В зол. исчисл. ко дню подписки . . .	8.104.260.000 „
Теперешняя стоимость	1.875.980.000 „
Потери держателей	6.228.280.000 „
5% 1920 г. и 6% 1920 г.	
Размер суммы в бум. фр.	43.165.679.000 [1]) „
В зол. исчисл. ко дню подписки . . .	15.527.200.000 „
Теперешняя стоимость	8.992.500.000 „
Потери держателей	6.534.700.000 „

Итого французские держатели по основным займам, выпущенным до 1920 г. включительно, потеряли 57.736.480.000 з. фр. Бон Национальной защиты за ноябрь 1918 г. было выпущено 32.939.000.000, золотая стоимость, вложенная подписчиками в эти боны, считая падение курса франка к этому

[1]) 5% 1920 г. 15.830.406.000.
6% 1920 г. 27.335.273.000.

периоду в 10% в среднем, равнялась в своей золотой стоимости 29.645.000.000. Таким образом, держатели бон потеряли 22.783.000.000 зол. фр.

Правда, эти потери располагались между различными подписчиками, поскольку одни из них обменивали снова боны на франки, другие—подписывались на боны. Но это ни в какой мере не меняет размеров потерь, менялись только физические лица, которые потеряли.

Что касается остальных обязательств французского правительства, а именно по Crédit national—17 млрд., по текущему долгу—37 млрд., по бонам национальной защиты после конца 1918 г. и обязательствам по отношению к пострадавшим в разрушенных областях, то все эти обязательства равнялись в круглой цифре 91 млрд. бум. фр. Если считать потери держателей только с 1923 г., т.-е. с момента нового падения франка, то эти потери по перечисленным обязательствам будут равняться около 20 млрд. Присоединяя эту цифру к 2 предыдущим, прибавляя к этой цифре потери тех французов, которые внесли во Французский банк во время войны 2.200 млн. зол. фр. и вычитая амортизацию по займам за истекшие годы, мы получим в итоге, что, круглым счетом, держатели облигаций государственных займов, держатели государственных довоенных займов, держатели займов, выпущенных во время войны и после войны, держатели бон национальной защиты и вкладчики в золоте во Французский банк в 1925—26 г. потеряли к 7 ноября 1925 г. около 100 млрд. зол. фр.

Эту чудовищную сумму мы должны принять во внимание, во-первых, при подсчете теперешнего национального имущества Франции. Если верно, что довоенное национальное богатство Франции исчислялось в 300 млрд. зол. фр., то при оценке теперешнего имущества во Франции надо принять во внимание выведенную нами цифру со всеми, разумеется, необходимыми поправками, поскольку потери одних держателей отчасти сопровождались на другом полюсе известными имущественными приобретениями для других [1]).

С другой стороны, приведенную сумму нужно принять во внимание при анализе современного бюджета Франции. Если бы французское правительство гарантировало вклад-

---

[1]) В „Progrès civique“ от 25 ноября 1925 г. известный французский кооператор Жид приводит свои расчеты об уменьшении национального богатства Франции и находит, что это богатство теперь равно от 140 до 150 золотых франков, т.-е. вдвое меньше, чем до войны. Я считаю этот подсчет наиболее близким к истине.

См. „Finanzpolitische Korrespondenz“, Berlin, 28 ноября 1925 г.

чиков от падения курса франка, т.-е. если бы оно выписывало облигации всех займов в золотом исчислении, то, вместо теперешнего долга в 57.885 млн., оно имело бы долг ни больше, ни меньше как в 156 млрд. золотых франков, что при среднем проценте вместе с погашением в 4½% требовало бы от казначейства ежегодных платежей в 7.110 млн. зол. фр. или 34.128 млн. бум. фр., считая по курсу франка на 7 нобря 1925 г. Иными словами, одно процентирование внутреннего долга поглощало бы целиком весь теперешний бюджет французского государства.

Достаточно представить себе все эти цифры, чтобы для нас стала ясна следующая картина: французское государство израсходовало на войну и восстановление разрушенных областей колоссальную сумму, которую оно взяло путем внутренних займов. Никакой бюджет не был бы в состоянии покрыть 0/0 % и погашение по этому займу, если бы скрытое финансовое банкротство государства и падающая валюта не обеспечивали постепенное списывание этого внутреннего долга.

При таких условиях падение франка являлось до сих пор необходимейшим механизмом для восстановления бюджетного равновесия Франции. Разорение мелких держателей не только является фактом, но этот факт был совершенно неизбежен до сих пор, поскольку кто-то должен же был, в конце концов, расплачиваться за войну и ее последствия. При таких условиях ясно и другое: что ни о каком возвращении к довоенному франку не может быть и речи, потому что такое возвращение означало бы, как это мы сказали в другом месте, возвращение к довоенному долгу в размере 158 млрд. зол. фр., или к долгу в 750 млрд. бум. фр. вместо теперешних 277. Из сделанных нами вычислений общие выводы напрашиваются сами собой.

Прежде чем перейти к этим выводам, я хотел бы еще прибавить к вышеизложенному следующее. К размерам потерь французских держателей надо прибавить и еще потери от падения франка всех граждан, т.-е. надо прибавить общую цифру эмиссионного налога на население с начала войны. Мы говорим об эмиссионном налоге, т. к. ни о каком возвращении населению через Французский банк того, что взято в виде авансов из эмиссии, не может быть, конечно, речи. Я не делал специального подсчета этой суммы в золотых франках. Однако каждый читатель, зная эмиссии по годам и курс франка, может легко сделать общий подсчет.

Во-вторых, надо иметь в виду падение курса всех государственных бумаг на валютной бирже. Держатель обли-

гаций какой-либо ренты государства не только потерял из средств, которые он внес при подписке на займы, половину, две трети или четыре пятых подписной суммы (в зависимости от года подписки), но он еще от обесцененного номинала теряет половину, если вынужден продать свои облигации на бирже. Как обстоит дело с курсом бумаг французских государственных займов, читатель может видеть из следующих данных. На конец октября 1924 года средний курс пяти французских рент (до 1918 г. включительно) равнялся 55% от номинала, на 3 сентября 1925 года 51,6%, а на 5 ноября 1925 г. 46%. Приведем здесь курсы на 5 ноября всех французских рент, с рентами 1920 г. включительно:

Рента 3%	43,85
Погашаемая 3%	54,50
„ 5% 1915—16 г.	50,55
„ 4% 1917 „	40,80
„ 4% 1918 „	40,50
„ 5% 1920 „	66,30
„ 6% 1920 „	61,25

Эта выразительная таблица говорит сама за себя, без лишних слов. Французский держатель из своих улетучившихся на $^3/_4$ сбережений вследствие падения франка может реализовать во франках на бирже только половину. Биржа согласна признать реальной лишь половину номинала его облигации в бумажных франках.

А между тем бумаги промышленных компаний, т.-е. место помещения капиталов крупной буржуазии, отнюдь не падают так, как пали займы. Это можно видеть по курсам всех важнейших промышленных компаний и крупнейших банков Франции. Точно так же и поставщики на фронт до 1919 г. и „восстановители“ разрушенных областей получали по подрядам и поставкам отнюдь не по неподвижной скале цен в бумажных франках. В общем и целом все подписки на государственные займы, восстановление разрушенных областей на средства, полученные из займов, разорение держателей займов, создание новой буржуазии из „пострадавших“ (самые счастливые люди во Франции эти Sinistrés), огромные прибыли поставщиков на фронте и „строителей“ освобожденных областей, как и прибыли всей крупной промышленности, означали во Франции совершенно невиданную в истории передвижку состояний из рук мелкой буржуазии в руки крупной, передвижку, которая состоялась в какие-либо 9—10 лет.

Все это будет иметь, несомненно, очень важные политические последствия для Франции.

ВЫВОДЫ

Я не намерен здесь касаться политических проблем современной Франции, вырастающих на базе финансового кризиса. Я ограничусь только финансово-экономической областью. Если решение финансовой проблемы могло бы и дальше итти во Франции так, как оно шло теперь, то дело приняло бы следующий оборот. Дальнейшее падение франка уменьшает государственный долг еще больше, доводя его реальные, т.-е. выраженные в золотом франке, размеры до цифры, вполне приемлемой для бюджета. Соответственно продвигается дальше и разорение держателей государственных бумаг. О темпе движения в этом направлении можно судить по тому, что произошло за последние два месяца октябрь — ноябрь 1925 г., когда франк пал, примерно, на 20% в среднем, и, следовательно, на соответствующую цифру произошло и списание государственного долга. Когда вся эта операция дойдет до указанного выше предела, ну, например, до списания долга еще процентов на 20—30, когда ставки налогов будут повышены пропорционально падению франка, и бюджет уже не будет зависеть от новых краткосрочных займов, — можно будет провести консолидацию займов в один и ликвидировать краткосрочные обязательства национальной защиты и т. д., угрожающие бюджетному равновесию возможностью пред'явления их к оплате. В бюджете освободится место для уплаты процентов и погашений по англо-американскому внешнему долгу, и тогда можно будет заключить, если понадобится, заем в Америке и осуществить стабилизацию франка на его теперешнем уровне. Падающий франк к этому времени, сделавши свое полезное дело разорения держателей займов, сможет уходить. В итоге, следовательно, государственный долг будет в значительной части „погашен", валюта стабилизирована, государственный бюджет сбалансирован.

Когда решение проблемы по этому варианту будет закончено, то в двух словах финансовую историю Франции с 1914 г. можно будет изложить так:

1. Война ведется за счет займов у мелкой и средней буржуазии, крестьянства, рабочих и служащих в надежде, что долг заплатит Германия.

2. Восстановление разрушенных областей ведется за счет тех же ресурсов в надежде, что немец за все заплатит.

3. Немец не платит. Подписчикам на займы внушается мысль, что приходится обходиться собственными средствами. Но зато, кто накопил облигации в бумажном франке, тот с установлением нормальной жизни получит по ним во франке золотом.

4. Долг государства ликвидируется благодаря падению франка, а держателям в конце-концов заявляется, что, к сожалению, мечтать о получении по облигациям в золотых франках есть глупость. Пора понять положение и помириться с необходимостью стабилизировать франк на его данном уровне, т.-е. на уровне достаточной экспроприации держателей государственных бумаг.

Это один метод решения, метод решения за счет всего населения Франции, кроме крупного капитала. Этот метод решения вместе с тем связан с реальным понижением заработной платы, с ростом доходности экспортирующей промышленности, с увеличением ее конкурентной способности на внешнем рынке за счет дешевой распродажи рабочей силы французского пролетариата.

Второй метод решения, об'ективно возможный в современной Франции (но не при современной политической ситуации в ней), заключается в следующем. Решение финансовой проблемы на ее теперешней стадии перебрасывается с плеч большинства населения Франции на плечи крупного капитала. Об'ективная возможность этой операции (не с политической, а с экономической точки зрения) связана с тем, что крупная промышленность Франции представляет из себя фактор растущей силы, что ресурсы ее все время росли и растут, что ее платежеспособность значительно увеличилась по сравнению с крестьянским хозяйством и городским ремеслом, которые не обнаруживают, наоборот, никакого заметного развития. Решение вопроса по этому варианту будет требовать:

1. Отказа от внешних долгов Франции.

2. Немедленной стабилизации франка.

3. Фиксации всех долгов государства в золотых франках по теперешнему его курсу и с принятием на счет государства в той или другой степени тех потерь, которые беднейшие держатели понесли от падения стоимости государственных бумаг.

4. Единовременного налога на крупный капитал и все крупные имущества Франции в форме ипотеки или какой иной форме, с принудительным размещением части государственного долга среди крупной буржуазии.

5. Увеличения нормального обложения крупного капитала во всех его видах и получения этим путем средств для увеличения бюджетных ресурсов государства.

6. Самых решительных мер против бегства капитала за границу и ряда мер, направленных к возвращению уже эмигрировавших за границу миллиардов (лица, занимавшиеся этим вопросом, определяют размеры сбежавшего за границу французского капитала от 10 до 19 миллиардов франков).

Эти и ряд других мер могут приостановить процесс дальнейшего разорения мелкой буржуазии и сведутся к переложению решения остающейся еще нерешенной части финансовой проблемы на плечи крупного капитала.

С точки зрения фин.-экономической оба вышеописанных метода решения вопроса бюджетного равновесия и стабилизации валюты об'ективно возможны. По какому же пути фактически пойдет преодоление финансового кризиса, зависит от соотношения сил тех классов, которые заинтересованы в этих двух различных вариантах решения проблемы.

Решение проблемы первым путем будет, несомненно, связано с расколом левого блока, с переходом части мелкой и средней буржуазии на сторону крупного капитала, с дальнейшим политическим и экономическим обессилением мелкой и средней буржуазии — этой когда-то основной экономической и политической силы Франции. В сущности говоря, самая возможность решения проблемы первым путем уже будет доказывать с полной очевидностью тот огромной важности исторический факт, что мелкая буржуазия Франции уже подверглась процессу перерождения, что она уже потеряла в значительной степени свои прежние социальные черты, и отношения между ней и крупной буржуазией складываются по типу англо-германскому.

Решение проблемы вторым способом возможно лишь в том случае, если во Франции произойдет процесс резкого отрыва большинства мелкой буржуазии от крупного капитала, крупный капитал окажется политически изолированным, а на другом полюсе против него образуется рабоче-крестьянский и мелкобуржуазный блок, в котором преобладание получат более решительные и более враждебные крупному капиталу элементы.

Я не берусь предсказывать, имеются ли какие-либо шансы и в каком проценте имеются эти шансы на решение финансовой проблемы во Франции по второму варианту. Замечу лишь только, что пока решение развертывается по первому методу. И Эррио с Клемантелем, и Пенлеве с Кайо, и Пенлеве без Кайо, и Бриан с Лушером,—все двигаются по пути освобождения крупного капитала от обложения, по пути введения новых налогов и по пути использования падения франка для „списывания" государственного долга.

Так прокладывает себе путь экономическая необходимость в условиях господства буржуазии.

В условиях господства ее классового антипода дело приобрело бы, разумеется, совершенно иной вид.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Перед войной во Франции существовало золотое обращение. В циркуляции находились, с одной стороны, золотые франки, а с другой стороны, обмененные на золото банкноты Французского банка. Что касается золотого обращения и запасов золота во Франции перед войной, то, на основании вычислений Де-Фовилля [1]), дело обстояло следующим образом: в 1903 г. среди населения во Франции находилось в обращении 3.219 млн. золотых франков, с 1904 г. по 1914 г. в обращение влилось еще 917 млн., кроме того, было отчеканено за это время 2.330 млн. Итого, в обращении и тезаврации находилось 6.466 млн. По другим подсчетам в обращении находилось несколько больше, а именно, 6.510 млн. золотых франков. Всего же золота во Франции к концу 1912 г. было на сумму 10.662 млн. Мы не будем здесь говорить о том, какая часть этого золота находилась в активном обращении и какая часть была в тезаврации. Заметим лишь только, что во Французском банке в 1902 г. находилось 4.018 млн. зол. фр. а с 1903 г. по 1914 г. запасы Французского банка увеличились еще на 887 млн. Заметим кстати еще, что во время войны, следуя призыву правительства вносить золотые деньги в кассу Французского банка, французское население в 1915—16 г. внесло во Французский банк 2.260 млн. золотых фр., получив за это в обмен на эту же сумму бумажные франки.

Что касается банкнотного обращения, то на 23 июля 1914 г. в циркуляции находилось 5.919 млн. билетов Французского банка. Если мы будем исходить из цифры Фовилля относительно золотого обращения, т.-е. цифры в 6.466 млн. зол. фр., то всего во Франции в обращении была, вместе с кредитными билетами, сумма в 12.385 млн. фр.

---

[1]) См. Foville—„Revue économique internationale“, avril 1906, а также слово „Richesses“ в Dictionnaire de finances.

ФРАНЦУЗСКАЯ ВАЛЮТА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Прекращение свободного размена банкнотов на золото после об'явления войны ликвидировало золотое обращение во Франции и превратило Францию в страну бумажной валюты. С этого момента история франка является историей бумажных денег в этой стране.

Анализ денежного обращения во Франции за время войны и после войны представляет чрезвычайно ценный и поучительный материал исследования для тех, кто обладает правильным методом для такого исследования, и, наоборот, чрезвычайно головоломную проблему для тех финансистов, которые не обладают правильным методом, которые придерживаются ложных теорий бумажных денег и плодят одно неверное об'яснение фактов за другим.

В нашем анализе денежного обращения Франции мы будем исходить из следующей теоретической предпосылки. В каждой стране, перешедшей на бумажную валюту, курс бумажных денег определяется взаимоотношением между количеством этих денег и необходимым для страны золотым минимумом обращения. Если об'яснение движения курса бумажных денег не представляет из себя никакой трудности, в том случае, если мы знаем необходимый теоретический минимум обращения в золоте, то определение минимума золотого обращения, наоборот, представляет из себя задачу гораздо более трудную.

Золотым минимумом обращения или, по другой терминологии, золотым минимумом валютного равновесия называется такое количество золота, которое необходимо в данной стране, в данный период, для обслуживания всех функций денежного обращения в широком смысле этого слова: для обслуживания циркуляции денег в товарообороте, т.-е. для функции денег, как средства обращения, для обслуживания функций денег, как платежного средства, для обслуживания функций денег, как средства накопления. Там, где на ряду с золотым обращением имеются постоянно разменные на золото банкноты, там эти последние рассматриваются, как полноценные золотые деньги.

Золотое обращение представляет из себя замечательный механизм саморегулирования денежного обращения. Если в обращении оказывается золотых денег или золотых банкнот больше, чем это требуется с точки зрения денежного товарообмена и с точки зрения других функций денег, то золото отливает в резервы накопления. Если активное денежное обращение расширяется, то автоматически, благодаря

методам, о которых я здесь не буду распространяться, золото выходит из сферы накопления, увеличивая активное денежное обращение.

Совсем другое дело при наличии в стране бумажной валюты с принудительным курсом, и тем более в стране с падающей валютой. Для обслуживания обращения при бумажной валюте нужно такое количество бумажных денег, которое соответствует по своей покупательной способности тому количеству золота, которое было бы необходимо в этой стране для обращения, если бы страна имела не бумажную, а золотую валюту. Если в обращении находится бумажных денег больше, чем требуется золотым минимумом валютного равновесия, то это равновесие достигается путем понижения покупательной способности бумажных денег. Вследствие этого вся их масса по своей покупательной способности снижается до теоретического золотого минимума валютного равновесия. Конкретно, если бы в данной стране, при существовании золотого обращения, при данной хозяйственной кон'юнктуре весь оборот и накопление были бы обслужены 5 млрд. руб., а в обращении имеется бумажных денег на 10 млрд., то валютное равновесие будет достигнуто на основании уменьшения покупательной способности 10 млрд. бумажных денег до 5 млрд. золотых денег, т.-е. один золотой рубль будет равен полтиннику.

Это есть основной закон бумажного денежного обращения, который, впрочем, Маркс даже не считает правильным называть специфическим законом бумажных денег, потому что этот закон есть, в сущности говоря, другая формулировка основного закона металлического денежного обращения, развитого Марксом в „Критике политической экономии" и в первом томе „Капитала".

Но когда начинается систематическое и длительное падение валюты, то на сцену выступает ряд новых явлений в области бумажного денежного обращения; если хотите, происходит модификация общего закона бумажного денежного обращения. Приведу пример: если перед вами страна с быстро падающей валютой, то в ней золотой минимум обращения всегда будет меньше, чем в той же самой стране при равенстве всех прочих условий, экономических и финансовых, потому что самый процесс падения валюты есть очень важный новый фактор во всей хозяйственной кон'юнктуре данной страны. Он приводит к сокращению накопления в денежной форме, сводя его на известной стадии всего процесса почти к нулю; он приводит к очень быстрому ускорению обращения денег, значительно превышающему средний темп быстроты обращения при твердой валюте, вследствие

чего золотой минимум всего обращения и в частности золотой минимум активного обращения резко сокращаются.

На ряде падающих валют Европы после войны можно цифрами доказать всеобщее сокращение золотой стоимости обращения не только по сравнению с довоенным уровнем, но и по сравнению с золотой стоимостью обращения тех же стран, как только они переходили на твердую валюту. И валюта Германии, и валюта С. С. С. Р., и польский злотый до его падения являются ярким тому доказательством. Я не говорю уже о том, что при быстро падающей валюте происходит перерождение торговли в спекуляцию и движение цен подвергается специфическим влияниям общей кон'юнктуры падающей валюты.

При исследовании французской валюты за последние 10 лет мы будем держаться изложенного выше метода, при котором огромное значение получает выяснение следующих основных величин в точном или приблизительном выражении:

1. Количество франков в обращении.
2. Движение емкости денежного товарооборота.
3. Индекс внутренних цен.
4. Покупательная способность золота на внутреннем и мировом рынке.
5. Движение накопления в бумажных франках.
6. Состояние торгового, а, главное, платежного баланса.
7. Движение золотой стоимости обращения, т.-е. покупательной способности всей бумажной валюты в каждый данный момент, взятой в золотом исчислении.
8. То, что требуется об'яснить: движение курса фр-ка в переводе на фунт и доллар.

При правильном исследовании и правильном теоретическом анализе всех вышеперечисленных величин, взятых в их движении, в их динамике, история французской валюты за последние 10 лет не будет представлять ничего загадочного, за исключением, быть может, некоторых частностей.

Курс бумажных денег при известном минимуме золотого обращения является функцией их количества. Наоборот, сам минимум золотого обращения представляет из себя постоянно меняющуюся величину, которая зависит в своем движении от целого ряда причин обще-экономического характера, которые каждый раз в отдельности, в каждой данной стране, в каждый отдельный период должны быть подвергнуты специальному, чрезвычайно тщательному исследованию. Трудность этого исследования по отношению к Франции в рассматриваемый нами период заключается в том, что, во-первых, Франция вела войну и, таким образом, вся ее экономика подверглась временному перерождению под влиянием

факта войны. С другой стороны, Франция и даже во время войны не представляла из себя страны хозяйственной автаркии. Хотя ее связь с мировым хозяйством, прежде всего с хозяйством Америки и Англии, была очень сильно затруднена, но никогда не прекращалась. Следовательно, при об'яснении всех процессов в области денежного обращения Франции мы ни в коем случае не можем исходить из одних только внутренних отношений французской экономики и постоянно должны учитывать связь французского хозяйства с мировым.

Трудности исследования увеличиваются еще потому, что во время войны наблюдалось перерождение всей системы денежного обращения, прекращение функционирования механизма золотого обращения во всех странах, кроме Америки, изменились все ценностные отношения в области производства и обмена товаров, до крайности были затруднены торговые связи между различными странами. В результате произошло резкое повышение цен в золоте, т.-е. падение покупательной способности последнего, что наиболее ясно может быть констатировано на Америке, которая никогда, даже во время войны, не ликвидировала золотого обращения внутри страны.

В настоящей работе мы не можем вопросу о денежном обращении Франции, как бы интересна ни была эта проблема с теоретической точки зрения, посвятить относительно больше места, чем проблеме французской экономики или французских финансов. Как в других главах этой работы, наше изложение и здесь будет конспективным. Однако все выводы, которые мы делаем, мы могли бы подкрепить гораздо большим количеством статистического материала в сравнении в тем, который фигурирует в данной главе.

Начиная наш анализ, мы прежде всего поставим перед собой следующий вопрос: после того, как Франция перешла к бумажному обращению, каков был тот золотой минимум обращения, который должен был обслуживать всю товарно-денежную систему хозяйства страны как внутри ее, так и в ее экономических связях с заграницей? Иными словами, нам придется вычислить теоретически необходимый минимум обращения и затем сравнить, каково было отклонение от этого минимума в реальном денежном обращении Франции и к каким последствиям для французской валюты это должно было неизбежно привести.

Как мы уже видели, размеры всего денежного обращения во Франции равнялись перед войной 12.385 млн. зол. фр., т. к. банкнота была разменна на золото и полностью замещала золото.

С тех пор, как золото вышло из обращения, с тех пор, как оно или притекло в подвалы Французского банка, или было тезаврировано населением, те 5.912 млн. бумажных фр., которые фигурировали во французском обращении перед войной, ни в каком случае не могли обслужить всего обращения Франции. При таких условиях эмиссия новых банковых билетов была совершенно необходима для поддержания равновесия в обращении. Эта эмиссия, производимая в размере необходимого минимума обращения, не могла бы пошатнуть курс франка в его отношении с другими валютами, в том числе с золотым долларом Соед. Шт. Его покупательная сила внутри Франции изменилась бы не вследствие этой инфляции, а вследствие понижения покупательной способности золота во всем мировом хозяйстве. Но правильно ли будет взять довоенные 12 с лишним млрд. золотого обращения, вычесть из них количество бумажных франков, имевшихся в обращении к июлю 1914 г., и сказать, что новая эмиссия должна была равняться уже в первый год войны той сумме, в какой фигурировало золото в французском обращении до войны, плюс поправка на падение покупательной способности золота? Такой подход был бы слишком грубым, он не учитывал бы всех изменений, которые произошли в кон'юнктуре денежного товарооборота и в других областях. Изменения же, которые произошли в кон'юнктуре, таковы:

1) Когда началась война и на весь тот период, когда она продолжалась, золотой минимум обращения во Франции, несомненно, должен был сократиться в сравнении с золотым минимумом довоенного периода, т.-е. в сравнении с суммой в 12 с лишним млрд., он должен был сократиться в той пропорции, в какой сократилось все товарное обращение страны. Сокращение же денежно-товарного обращения было неизбежно, поскольку часть территории Франции или была захвачена, или была ареной войны. Значительная часть промышленности была милитаризирована и работала не для широкого рынка, а для единого заказчика—государства; выработка всех вообще продуктов обычного потребления сократилась. Иными словами, под влиянием войны мы видели во Франции сокращение денежного товарооборота, а, следовательно, неизбежное сокращение золотого минимума обращения. Короче говоря, если бы покупательная способность золота не понизилась, то на основании одного только сокращения товарооборота в воюющей Франции мы ни в коем случае не могли бы иметь тот минимум обращения в 12 с лишним млрд., который существовал до начала войны. Следовательно, с этого конца мы должны были бы иметь сокращение.

2) Но, с другой стороны, с началом войны начинается резкое падение покупательной способности золота. О падении покупательной способности золота лучше всего дают представление золотые цены в Америке, как это мы можем видеть из индекса золотых цен этой страны за годы войны в сравнении с довоенным временем. Приведем этот индекс золотых цен в Америке, а также и индекс других капиталистических стран, по курсу доллара, т.-е. по курсу золота.

Годы.	С. Штаты [1]).	Англия [2]).	Франция.	Германия [3]).
1913	100	100	100	100
1914	98	106	105,1	103,4
1915	101	120,5	131,6	122,4
1916	127	156,8	164,6	116,1
1917	177	203,8	235,8	114,5
1918	194	223,4	311,9	153,6
1919	211	219	252	96,9
1920	239	233	187	105,8
1921	149	156	133	82,7
1922	158	150	136	82
1923	165	159	124	95,1
1924	159	160	121	—
1925 . . . . . (8 месяцев)	165	168	124	—

[1]) „Survey of current bisihess", August 1925 г., стр. 31 до 1919 г.
[2]) С 1919 г. по „Federal reserve bulletin" 1925 г., februar andoctober Washington.
[3]) „Zahlen zur Goldentwertung", Berlin, стр. 20.

Это падение покупательной способности золота наблюдалось во всех решительно странах, и Франция не представляла исключения. Поэтому для определения необходимого теоретически минимума обращения мы должны были бы произвести две совершенно противоположных операции: операцию уменьшения довоенных 12 млрд. благодаря сокращению товарооборота и операцию увеличения этой цифры исходя из падения покупательной способности золота.

Никакая статистика не может дать нам точный ответ на вопрос о том, в какой степени сократилось товарно-денежное обращение во Франции во время войны вследствие всех описанных выше процессов. Что же касается уменьшения покупательной способности золота, то эту величину мы можем проследить по золотому индексу Соед. Шт. и Англии и других стран. Новые бум. франки заменили золото в обращении.

Годы.	Количест. бум. фр. в обращ.	Курс франка средний за год.	Индекс зол. цен Америки.	Индекс опт. цен во Франции.	Стоимость всег. обращ. в зол. фр.
	млн. фр.	Паритет.	Средн.	За 100 принята средняя за 1901—1910 гг. (годовая).	в млрд.
1914 (23 июля) . .	5.912	100	98		
14 (четверт. триместр)	9.661,2	99,6	—	118	9,7
1915 (среднее за год)	12.314,6	107,6	101	162	11,4
1916	15.591,1	112,8	127	218	13,8
1917	19.932,7	110,7	174	302	18
1918	27.629,4	108,3	194	392	25,5 [1]
1919 [2]	34.744,3	141	206	412	24,6
1920	38.186,4	278	239	589	13,7
1921	37.721,5	260	149	399	14,5
1922	36.367,4	235	158	378	15,5
1923	37,355.7	320	165	484	11,6
1924	39.938,0	372	159	565	10,7
1925 (24 сент.) . .	45.556	408	165	607 (1 трим.)	11,1
1925 (26 ноябр.) .	48.085	509	1 полуг.	594 (2 трим.)	9,4

[1]) 4-й триместр 1918 г.—27,8 мр. 1-й триместр 1919 г.—30,5 мр., 2-й триместр—28,3 мр. Мы видим, таким образом, что средние годовые скрывают тот факт, что снижение и начало кризиса валюты начинаются со 2-го семестра 1919 г.

[2]) До 1919 г. берется таблица из другого источника, но разница невелика.

Для того, чтобы дальнейший анализ валютных изменений за все годы мы могли производить на основании всех важнейших факторов, определяющих судьбу бумажной валюты, мы приведем таблицу роста бумажно-денежного обращения во Франции по сравнению с довоенным временем за все годы, курс доллара в Париже за все это время, оптовый индекс внутренних цен, средний золотой индекс цен в Америке, Англии, Франции и движение золотой стоимости обращения.

Что касается стоимости обращения Франции, выраженного в золотых франках, то мы должны сделать к этой таблице, цифры которой я вывел сам, следующее пояснение. При всякой падающей валюте размеры бумажного обращения в их номинальной величине никогда не отражают того золотого основания, к которому сводится все данное бумажное обращение. Для того, чтобы определить цифру золотой стоимости этого обращения, имеющую колоссально важное значение при анализе падающей валюты, необходимо произвести следующую операцию. Среднее количество бумажно-денежного обращения за данный год делится на средний курс данной валюты, исчисляемый по ее отношению к той твердой валюте, которая не потеряла своей связи с золотом. Для вычисления месячных колебаний необходимо делить всю сумму находящихся в обращении бум. денег на средний месячный курс этой валюты. В нашей таблице мы даем годовую среднюю золотой стоимости обращения, исчисляемую по годовому курсу данной валюты. В приложении к настоящей книге читатель найдет средний месячный курс франка по отношению к доллару за все годы, начиная с 1919 г., т.-е. с момента начавшегося более или менее быстрого падения франка. Что касается курса франка до 1919 г., то, как мы уже указывали выше, он почти не отходил от своего довоенного паритета более 12%, и здесь помесячные данные были бы ненужны.

Из приведенной таблицы и из начерченных кривых читатель может видеть, в сущности говоря, всю судьбу франц. валюты, начиная с 1914 г. Здесь даны все основные величины, нужные нам для вычисления, за исключением емкости товарооборота, каковую статистически характеризовать невозможно. Что же касается другой очень важной величины, т.-е. размера накопления в бум. фр. внутри Франции, то мы избегли характеризовать это накопление в виде цифр или в виде кривой постольку, поскольку накопление в сберегательных кассах и в депозитных банках можно было бы учесть, но совершенно невозможно было учесть то количество франков, которое тезаврировалось населением и не

участвовало в активном денежном обращении. Относительно же накопления в кредитных учреждениях соответствующие данные нами были уже приведены в предыдущей главе о накоплении.

Переходим теперь к анализу приведенной нами таблицы. Сопоставляя увеличение бумажно-денежного обращения с курсом франц. франка до 1919 г., мы видим, что курс франц. валюты за это время почти не подвергался серьезным колебаниям, если брать годовые средние, тогда как размеры денежного обращения в сравнении с количеством бум. фр., бывших в обращении к началу войны, увеличились в 5 раз. Сопоставление этих двух цифр является блестящим опровержением количественной теории бумажно-денежного обращения, игнорирующей анализ другой переменной величины, т.-е. золотого минимума обращения. Курс франка почти не пал при увеличении обращения в 5 раз. Если же мы примем во внимание только падение покупательной способности франка внутри страны, то, помножая данные 12 млрд. на коэффициент падения к началу 1919 г., т.-е. помножая довоенные 12.385 млн. на коэффициент 3.92, мы получим для 1918 г. цифру около 50 млрд. фр. Такова была бы цифра минимума обращения, если бы внутри Франции не произошло резкого сокращения товарооборота. За время войны этот товарооборот должен был сократиться и при прочих равных условиях во столько раз, во сколько раз 50 миллиардов больше $30^1/_2$ млрд., т.-е. средней цифры денежного обращения во Франции в 1918 г. Следовательно, если грубое применение количественной теории для об'яснения ситуации во Франции было бы вульгарнейшей ошибкой, то точно так же было бы грубой ошибкой исходить в анализе только из движения цен внутри Франции, не принимая во внимание того сокращения золотого минимума обращения, которое произошло во время войны вследствие сокращения товарооборота. Если же в 1918 г. во Франции могло существовать бумажно-денежное обращение в размере $30^1/_2$ млрд. фр., не колебля курса франка в его отношении к доллару, то это при нормальных отношениях в области платежного баланса (а платежный баланс, как мы уже видели, за это время не был пассивным, благодаря займам и расходам иностранных армий во Франции) говорило лишь о том, что цифра в $30^1/_2$ млрд. приближалась к теоретическому минимуму необходимого золотого обращения с учетом, разумеется, происшедшего обесценения золота, как мы видели. Золотая стоимость бумажно-денежного обращения была равна в 1918 г. 25,5 млрд. и за 4-й триместр—27,8 млрд.

Сокращение товарооборота Франции было реальным фактом, и только этот факт может об'яснить, почему в 1918 г.

реальный минимум обращения во Франции при резком падении покупательной способности золота приблизился не к 50 млрд., а колебался около 30 млрд. Франц. валюта к этому времени уже находилась на грани начала падения, Франция дошла до естественного предела расширения бумажно-денежного обращения, за которым дальнейшее расширение означало бы инфляцию, особенно с момента замедления и затем прекращеная падения покупательной способности золота в мировом хозяйстве, т.-е. прежде всего в Америке.

Таким образом, анализируя денежное обращение во Франции до конца 1918 г., мы можем констатировать здесь следующий факт: увеличение эмиссии бум. фр. при сокращении товарно-денежного обращения, но при резком падении покупательной способности золота в мировом масштабе, уравновешивает влияние этих двух факторов, и обращение держится более или менее близко к теоретическому уровню золотого обращения. Только этим и можно об'яснить устойчивость франц. валюты за этот период, если отвлечься от состояния платежного баланса, что мы можем, как мы уже говорили, сделать потому, что в платежном балансе мы не видим резкого дефицита.

Но, начиная с 1919 г., мы видим во Франции уже совсем другую картину. В то время, как товарооборот по окончании войны, несомненно, начал расширяться благодаря постепенному восстановлению мировой торговли и улучшению кон'юнктуры внутри страны, распродаже военных запасов и т. д., курс франка, если сравнить средний январский 1919 г. и средний декабрьский за тот же год, повысился со 105 в сравнении с паритетом до 218, т.-е. увеличился, принимая паритет за 100 на 113%. Такое падение франка почти вдвое ни в какой мере не может быть об'яснено только увеличением инфляции. Из приведенной таблицы о размерах денежного обращения мы видим, что инфляция могла бы об'яснить падение курса франка максимум на 12—15%. Падение курса франка на целые 113% остается загадочным. Если принять, что инфляция более или менее уравновешивалась ростом товарооборота, то падение курса франка нужно об'яснять чем-то другим.

Об'яснение мы находим в том факте, что в 1919 г. Франция имеет уже резко пассивный платежный баланс; дефицит по платежному балансу был равен 4.457 млн. фр. Основной удар по французской валюте и был сделан именно с этой стороны плюс, разумеется, и новая эмиссия бумажных франков. С другой стороны, приблизился момент перелома в золотых ценах, т.-е. в области покупательной способности

золота. Наоборот, мы видим в это время во Франции не прекращение, а усиление инфляции, а отсюда—падение валюты. При таких условиях рост цен во Франции, продолжавшийся в 1919 г. и достигший своего апогея в 1920 г., уже оторвался от уровня падения покупательной способности золота за время войны и начинает об'ясняться уже не общими экономическими причинами всего мирового хозяйства, не движением покупательной способности золота в других странах, а инфляцией внутри страны.

При анализе этого чрезвычайно интересного периода в истории французского франка мы ни в коем случае не должны делать ошибку, которую допускают те исследователи бумажной валюты во Франции, которые смешивают причину со следствием и падение валюты об'ясняют повышением цен, вместо того, чтобы повышение цен выше линии падения покупательной способности золота об'яснять падением валюты, в свою очередь, связанным с несоответствием между фактическими размерами бумажно-денежной массы в циркуляции и изменившимся золотым минимумом обращения.

Бумажно-денежное обращение во Франции, достигшее в 1918 г. 30 млрд. бум. фр., при курсе франка, почти равном паритету, еще находилось в соответствии с теоретическим золотым минимумом обращения. Более того, и в 1919 г. в начале года при обращении в 34,7 не было еще большого расхождения с минимумом обращения, что налицо уже в конце года и в 1920 г. Разгадку всей проблемы, с которой мы здесь сталкиваемся, нам нужно искать либо в интервалютарных отношениях Франции с другими странами, поскольку дело идет о влиянии платежного баланса, либо в сокращении накопления и увеличении быстроты оборота денег. Я склоняюсь, как уже говорил, к тому, что первый удар был нанесен со стороны платежного баланса.

Обращаясь к платежному балансу за 1919 г., мы как раз видим, что он свелся для этого года с дефицитом в 4.457 млн. фр. Весьма возможно, что как раз через это отверстие, т.-е. через ту дверь, которая соединяет потоком внешнего товарооборота экономику Франции с мировой экономикой, и был сделан первый удар по французскому франку.

Но раз начавшись, весь этот процесс имеет свою внутреннюю логику. Падение франка должно было привести к более быстрому обращению денег внутри Франции и, следовательно, сделать известную часть циркулирующих бумажных денег излишней. Падение франка привело к тому, что держатели этой валюты за границей стали переводить ее в другие твердые валюты.

Мы не должны забывать, что франк после перемирия имел свое распространение в зоне Германии, оккупированной французами, т.-е. он увеличил территорию своей циркуляции на восток. Кроме того, пока франк считался твердой валютой, в эту относительно твердую валюту переводились средства населения и коммерческих кругов в тех странах, которые были экономически и политически связаны с Францией, но имели валюту падающую, как, напр., Польша, Балканские страны и т. д. Теперь, с падением франка, начались выталкивание его из-за границы на территорию Франции, замена его другими твердыми валютами, что точно так же привело к увеличению количества франков внутри страны и к увеличению излишней для обращения части валюты. Вообще вопрос о том, с какого момента падение валюты, вызванное достаточно глубокими причинами, начинает само обусловливать дальнейшее падение, когда начинает действовать специфический закон падающей валюты, — недостаточно исследован [1]). Но несомненно, что мы имели в этот период во Франции падение валюты, вызываемое самым фактом начавшегося падения валюты, явление известной паники, хотя, с другой стороны, как раз во Франции мы наблюдали и наблюдаем до сих пор чрезвычайно упорную веру страны в свою валюту, веру гораздо более твердую, чем в других странах при аналогичном темпе падения. После сказанного нас не удивит тот факт, что в нашей таблице, характеризующей изменение золотой стоимости обращения во Франции, мы видим резкий скачек к низу в 1920 г. стоимости обращения с 24,6 млрд. в 1919 г. на 13.7 млдр. в 1920 г. и падение курса фр. вне всякого соответствия с размерами инфляции.

В 1921 г., наоборот, мы видим уже улучшение как в курсе франка, так и некоторое увеличение золотой стоимости обращения, поднявшейся с 13,7 млрд. до 14,5. Это улучшение продолжалось в 1922 г. Нужно предположить, что падение курса франка в 1920 г. настолько обесценило всю валюту, что она спустилась по покупательной силе всей ее массы ниже необходимого теоретического золотого минимума. Улучшение же было связано с исключительным урожаем во Франции в 1921 г., с уменьшением затрат валюты на импорт продуктов питания и со все растущим товарным обращением внутри страны. Но уже с лета 1922 г. намечается снова падение валюты, которое с известными колебаниями в первой половине 1923 г. и первой половине 1924 г. продолжается и по сей день.

[1]) См. об этом мою брошюру „Причины падения нашего рубля", где даны некоторые положения из общей теории падающей валюты, которые я намерен развить в специальной работе.

Начавшееся с 1923 г. падение золотой стоимости всего обращения почти на $^1/_3$—при продолжающемся развертывании товарооборота, при растущем улучшении торгового баланса Франции и при достижении благоприятного платежного баланса в 1914 г.—мы можем об'яснить только продолжающимся сокращением циркуляции франка за пределами страны, вытеснением франка твердой маркой в оккупированной зоне, сокращением накопления французского населения в бумажных франках, переходящего к покупке недвижимости и другим видам страховки от падения валюты, и, наконец, более быстрым оборотом бумажных денег.

Что касается выпуска новых количеств бумажных франков, то этот фактор, взятый сам по себе, не может об'яснить падения золотой стоимости обращения с $15^1/_2$ млрд. в 1922 г. до 11,6 млрд. в 1923 г. и полностью падения курса франка. Количество бумажных франков в обращении за это время возросло всего только на 1 млрд., т.-е. меньше, чем на 3%, в то время как средний курс франка изменился с 235 до 320, т.-е. на 85%. Более значительно этот фактор влиял, несомненно, только с конца 1925 г., когда денежное обращение по сравнению с средним за 1924 г. повысилось сразу на 5 млрд., или на 12 с лишним процентов.

Такова история французского франка за период войны и в послевоенный период вплоть до наших дней. Сделанный нами анализ не об'ясняет многих частностей во всей сложившейся ситуации за последние 10 лет, он не об'ясняет кон'юнктурных колебаний за некоторые отдельные месяцы отдельных лет, но он, несомненно, вполне об'ясняет общую линию эволюции французской валюты. Из этого анализа читатель может видеть, как поверхностны и как неверны те об'яснения эволюции французской валюты, которые исходят из анализа какого-нибудь одного фактора, оказывающего влияние на курс бумажных денег. В нашем анализе лишь один принцип остается совершенно незыблемым., т.-е. нахождение теоретического минимума золотого обращения в каждый период. Наоборот, отыскание этого минимума должно сопровождаться анализом целого ряда влияний—и покупательной способности золота, и размеров товарного обращения, и золотой стоимости обращения, и внутреннего накопления, и накопления данной валюты в других странах, и состояния платежного баланса. Падение франка и золотой стоимости обращения в 1924 г.,—мы можем об'яснить только продолжающимся сокращением циркуляции франка за пределами страны, вытеснением франка твердой маркой в оккупированной зоне, сокращением накопления франц. населения в бумажных фран-

ках, переходящего к покупке недвижимости и другим видам страховки от падения валюты и, наконец, более быстрым оборотом бумажных денег.

Я считаю теперь необходимым повторить по отдельным годам сделанный только что анализ денежного обращения Франции за 10 лет в более систематическом виде. Я извиняюсь перед читателем за некоторые повторения. Но я замечал, что при изложении защищаемого здесь метода теоретического анализа бумажной валюты для читателя неспециалиста трудно схватить все основные положения и выводы, и повторения могут быть даже полезны. Я постараюсь сейчас доказать свои утверждения также и арифметическими расчетами.

Применим наш метод анализа валютных изменений к ряду лет, начиная с 1915 года, и посмотрим, оправдается ли он на базе конкретно-исторических данных или нет.

Когда мы начинаем анализ 1915 г., то исследователь находится под большим соблазном (и примеры этому во Франции бывали) разделаться со всей проблемой наипростейшим образом, выдвинув следующее об'яснение состояния валюты в этом году.

До войны во Франции в обращении (считая все функции денег, в том числе накопление) находилось банкнот и золота на 12,3 миллиардов золотых франков. Так как с начала войны золото вышло из обращения, и банкноты получили принудительный курс, превратившись в бумажные деньги, то предстояло заменить золото эмиссией новых бумажных франков. Эта эмиссия и была сделана, она довела обращение бумажных франков до 12.314 млн. франков, т.-е. до довоенного уровня, и поэтому валюта Франции в 1925 г. держалась близко к паритету.

Однако мы не можем удовлетвориться этим простеньким об'яснением, которое имеет лишь внешнюю убедительность. Это об'яснение, во-первых, не верно уже и для 1915 г. А если бы оно было верно для 1915 г., то никуда бы не годилось для следующих.

Во-первых, об'яснение исходит из предположения, что важнейший фактор валютного равновесия, т.-е денежный товарооборот страны, остался на протяжении 1915 г. на уровне довоенного. Это предположение было бы абсурдно, так как при милитаризации хозяйства, централизации заказов и после перехода на натуральное снабжение государства миллионов людей денежный товарооборот должен был резко сократиться и фактически сократился. Во-вторых, рассматриваемое об'яснение не верно и потому, что исходит из неизменности поку-

пательной способности золота, или индекса золотых цен [1]) который также изменился в Англии на 20,5%, во Франции на 31,6, в Америке на 1%, а в среднем по этим трем странам, примерно, на 18%. Затем произошли изменения и в накоплении, поскольку французские граждане обменяли в 1915—1916 г. внесенное во Французский банк золото на 2,2 млрд. бумажных франков. Если 1915 г. с денежным обращением в 12,3 млрд., равном довоенному, обнаруживает валютное равновесие, то только потому, что сокращение денежного товарооборота в этом году уравновесилось на другом полюсе ростом золотого индекса цен, вследствие чего для оборота той же массы товаров потребовалось больше денежных средств, чем до войны, и, во-вторых, ростом накопления в бумажных франках, так как полученные за внесенное золото франки вошли, если не полностью, то частью, в фонд накопления. С другой стороны, размеры депозитов в сберегательных кассах, равнявшиеся в 1910 г. 3,333 млн., в конце 1911 г. 5,618 млн., сократились в 1915 г. до 3,815 млн., т.-е деньги перешли из состояния циркуляции (минус средняя кассовая наличность) в состояние накопления в домашних сундуках населения. А это способствовало рассасыванию части новой эмиссии бумажных франков без влияния на курс валюты.

Уже из сказанного читатель видит, какой метод мы намерены употреблять для анализа денежного обращения Франции по отдельным годам. Мы берем за отправный пункт исследования довоенную ситуацию и затем прослеживаем, какие наступили по сравнению с этой ситуацией изменения, в каком направлении и с какой интенсивностью действовали новые факторы.

В сущности 1915 г. нами уже освещен. Надо дать лишь всему сказанному более точное цифровое выражение.

Индекс золотых цен. Мы берем индекс по трем странам, находившимся в наиболее тесных торговых сношениях во время всего периода войны и наиболее характерным в качестве государств, не выключенным, как Германия, из системы мирового хозяйства. Впрочем, индекс золотых цен по всем странам,

---

[1]) Мы все время говорим о золотом индексе цен, так как золотой индекс об'ясняет, тогда как индекс в бумажных валютах сам нуждается в об'яснении, что, разумеется, не исключает необходимости при углублении анализа об'яснить и рост золотых цен, который произошел не со стороны сокращения стоимости производства золота, а благодаря 1) падению производительных сил во время войны и удорожанию себестоимости производства; 2) конъюнктурному увеличению напряженности спроса вследствие недопроизводства продуктов потребления и отлива капиталов в военную промышленность из отраслей массового производства предметов широкого потребления. Я вернусь к этой проблеме в специальной работе, так как в данной связи невозможно останавливаться на этом вопросе более подробно.

входившим в состав мировой экономики периода войны, т.-е. за вычетом нейтральных государств, не изменил бы существенно картины. Как мы уже сказали, индекс золотых цен по трем странам в среднем увеличился на 18%.

Емкость денежного товарооборота. Никакая статистика не может дать точных цифр изменения денежного товарооборота. Косвенно мы получаем нужную нам цифру, крайне приблизительную, из следующей пропорции. При той же быстроте оборота денег и при том же размере денежного накопления сумма довоенного денежного обращения, помноженная на индекс цен рассматриваемого года, так будет относиться к сумме всего бумажного обращения данного года, как 100 относится к искомой величине. Если увеличение накопления принять только в цифре 1 миллиарда, т.-е. для пропорции взять сравнимую цифру обращения в 11,3 мрд. (12,3 мрд. реального обращения минус 1 мрд.), то из пропорции размеры товарооборота будут равны 64,2% от довоенного.

В целом же мы получим уменьшение 12,3 довоенного золотого обращения до 7,8 мрд., увеличение последней суммы от роста золотого индекса цен на 1,42 мрд. и увеличение минимума обращения на сумму довоенного накопления в 1 мрд., итого теоретический золотой минимум обращения при предположении добавочного накопления на руках населения в 1 мрд. мы получаем в сумме 10,3 миллиарда, вместо реального, равного 11,4 мрд. Разница, очевидно, связана с тем, что накопление на руках, принимая во внимание указанный выше факт выборки вкладов, было, вероятно, больше. Тем не менее приближение теоретически выведенного результата к фактическому является прямо поразительным.

Проверим метод на следующем 1916 годе.

Индекс золотых цен по трем странам 149,4. Добавочное накопление примем равным сумме в 2,2 мрд., т.-е. сумме, каковую получили французские граждане за обмененное золото.

Депозиты в сберегательных кассах и текущие счета в крупнейших банках начинают в этом году возвращаться к исходному для нас довоенному положению. Если емкость товарооборота принять на основании пропорции, о принципах построения которой мы уже говорили, в 60%, то при той же быстроте оборота денег будем иметь теоретический золотой минимум обращения в 13,2 миллиардов вместо фактического в 13,8 миллиардов франков в золотом исчислении. Т.-е. мы видим опять поразительнейшее приближение к действительности.

Пропуская 1917 г., как нехарактерный, анализ которого дает совершенно тот же результат в смысле проверки метода, остановимся немного на 1918 г. Этот год замечателен макси-

мальным напряжением денежного обращения без колебания курса франка. Для сторонников количественной теории, для финансистов, у которых от всех зол валюты одно об'яснение — инфляция, — 1918 год является полнейшим сфинксом. В обращении 27,6 миллиардов франков, в четвертом квартале даже 30 миллиардов, а франк стоит твердо, отклоняясь за год от паритета лишь на 8,3% против 10,7% в 1917 г. и 12,8% в 1916 г. Поистине чудо. Но если посмотреть на индекс золотых цен, то мы увидим здесь по рассматриваемым трем странам скачок с 149% (беря за 100 1913 г.) на 243,1%. Что же удивительного, если для обслуживания денежного товарооборота той же емкости во Франции нужно уже бумажных денег на такой же процент больше, на какой стали больше золотые цены. Если золотая стоимость всей бумажной валюты Франции вскакивает с 1916 г. до 1918 г. с 13,8 на 25,5 миллиардов, т.-е. почти на 85%, то ведь золотой индекс возрастает еще больше, а именно на 94,1. Не этим ли прежде всего, если не на все 100 процентов, об'ясняется стабильность франка и даже его улучшение, поскольку в то же самое время в области платежного баланса, благодаря предыдущим займам, дело обстояло благополучно?

Что касается 1919 г., то он интересен для нас, как год начавшегося перелома во французской валюте. Принимая накопление равным довоенному и не принимая пока во внимание, что 2,2 миллиарда бумажных франков, полученных за золото, мы получаем по нашей формуле денежный товарооборот года в размере 80% от довоенного. Рост индекса, т.-е. падение покупательной способности золота по трем странам равняется 227%. На основании этих данных теоретический золотой минимум обращения должен быть равен 22,2 миллиардов или при 34,7 миллиардов бумажных франков в обращении курс франка за год на основании нашего подсчета должен был пасть приблизительно на 56%. В действительности золотая стоимость обращения была 24,6 миллиардов, а курс франка пал на 41% в сравнении с паритетом на доллар. И здесь большое приближение теоретического анализа к фактическому положению вещей и почти полное совпадение с ним, если прибавить, как и раньше, накопление в 2,2 мрд., а также прибавить увеличение циркуляции франка в оккупированных областях. Спрашивается лишь теперь, в чем же причина падения франка в 1919 г. Наш анализ дает ясный ответ. 1919 год является переломным с точки зрения начавшегося замедления и потом п о в ы ш е н и я покупательной способности золота после непрерывного резкого понижения с момента войны. Это понижение покупательной способности золота или другими словами, повышение золотого

индекса цен, связанное с экономикой военного периода, было тем огромным резервуаром, который поглощал все новые и новые эмиссии бумажных франков, выпускавшихся Французским банком без ущерба для курса франка. Но вот этот процесс приостанавливается, пассивный платежный баланс гонит франки из-за границы во Францию, а иностранную валюту из пределов Франции, а, кроме того, добавочные эмиссии повышают размер всего обращения с 27,6 мрд. в 1918 г. до 34,7, т.-е. более чем на 25%. В результате, несмотря на расширение товарооборота, связанного с окончанием войны и с начавшимся восстановлением нормального товарооборота, вышеприведенные факторы увеличения емкости товарооборота оказываются слабей факторов обратного действия, и валюта летит вниз, при чем в конце 1919 г. в декабре падение уже достигает 118%. При такой ситуации, сложившейся независимо от состояния платежного баланса, дефицит по этому балансу играет роль сильнейшего толчка к падению франка.

Начинающийся при таких обстоятельствах год не может походить на предыдущие, так как падение валюты само есть величайшей важности фактор, влияющий на темп дальнейшего падения. Начинается валютная паника, которая приобретает с точки зрения теории денежного обращения ощутимую форму сокращения денежного накопления на руках населения и резкого увеличения быстроты оборота денег. Увеличение быстроты оборота денег действует прямо противоположно росту золотого индекса цен. Рост золотого индекса вызывает при прочих равных условиях необходимость добавочного количества бумажных (а при золотом обращении золотых) денег в обращении. Наоборот, при более быстром обороте денег одна и та же монета может, допустим, в месяц обернуться в два раза больше, обернуть товаров в два раза больше, а следовательно для того же самого товарооборота и денег потребуется при таких условиях в два раза меньше. К концу 1919 г. и в 1920 г. такой процесс и начался во Франции. С этого времени быстроту оборота денег мы также не можем выключать из числа факторов меняющейся интенсивности, как не могли выключать перед этим движение золотого индекса цен. Это теперь уже важный новый фактор. Возникает вопрос, нельзя ли учесть этот фактор и какова его возможная роль на ряду с другими факторами, влияющими на необходимый золотой минимум обращения?

Попробуем сфотографировать действие этого фактора, применяя по-старому пропорцию для получения емкости товарооборота, как еслиб в быстроте оборота

денег не произошло никакого изменения. Мы получаем тогда из пропорции размер оборота для 1920 г. около 60,7%, т.-е гораздо меньше предыдущего года (равного 80% довоенного) и равный худшему в этом отношении 1916 году. Здесь совершенно очевидно фотографируется действие фактора ускоренного оборота денег. Та же сумма денег обслуживает больший оборот, благодаря более быстрому вращению, что в пропорции принимает форму сокращения товарооборота, который, наоборот, расширялся или был неизменным.

Таким путем нам удается вскрыть действие этого нового фактора, который проявляется, вообще говоря, только там, где по другим причинам еще раньше падение валюты уже началось и идет быстрым темпом.

Но, как известно, с 1921 г. начинается во всей и торговой и валютной кон'юнктуре перелом, вызванный расширением товарооборота, небывалым урожаем, усилившимся под'емом всего хозяйства, и в итоге эти факторы, вместе с некоторой дефляцией (38.186 млн. фр. в 1920 г. до 37.721 млн. фр. в 1921 г.), приостанавливают падение франка, и в результате приостановки уменьшается и быстрота оборота валюты. Анализ 1921 г. по нашему методу дает тот же почти размер товарооборота и 14,2 мрд. золотой минимум обращения вместо реального в 14,5 мрд. Так как размер товарооборота был больше, то, принимая его равным 90% довоенного (что не является чрезмерным, имея в виду присоединение Эльзас-Лотарингии) и 10% выше двух предыдущих лет, мы получим теоретический минимум обращения в 16 мрд., т.-е. на $1^1/_2$ мрд. выше реального. Тот факт, что реальный золотой минимум обращения был ниже, доказывает с полной ясностью, что в 1921 г. быстрота оборота денег уменьшилась в сравнении с 1920 г., но увеличилась в сравнении с довоенным временем и годами войны.

Новый перелом к худшему наступает уже со второй половины 1922 г. и с небольшими перерывами продолжается до сих пор. В этот период французский франк могло бы спасти полное прекращение нового выпуска франков плюс небольшая дефляция в том размере, в каком естественное расширение денежного товарооборота страны не покрывает падения золотого индекса цен. На практике же с 1923 г. мы видим снова увеличение выпуска новых франков, франк падает с перерывами и в 1923 и в 1924 г., и на сцену снова появляется временно ослабивший свое действие фактор увеличения быстроты оборота денег. Любопытно, что если мы для 1924 г. предположим размер денежного товарооборота в 100% от довоенного, что будет цифрой

не только не чрезмерной, но, несомненно, ниже реальной в виду хорошего состояния французской экономики и присоединения Эльзас-Лотарингии, то этот товарооборот и все прочие функции денег должны были бы требовать минимума золотого обращения на 14,9 миллиардов золотых франков, исходя из индекса золотых цен Франции, и около 18 мр., исходя из среднего золотого индекса Франции, Англии, Америки (я не беру теперь прямо эту последнюю цифру, т. к. индекс золотых цен во Франции уже слишком резко оторвался от мирового). Между тем реальный золотой минимум обращения в 1924 г. был равен лишь 10,7 миллиарда. Сокращение связано с тем, что фактор быстроты оборота денег снова начал действовать все более и более ощутительно.

Вот краткий протокол научного анализа явлений французской валюты за 10 лет войны. Наш анализ дает ответ на все основные вопросы, возникающие при ознакомлении с судьбой франка со времени войны. Экономя время, мы не можем останавливаться на частностях. Что же касается анализа движения курса по месяцам или кварталам, то такое исследование не входило в нашу задачу, поскольку основные линии движения валюты и причины изменений в валютной кон'юктуре вполне отчетливо видимы и при анализе только по годам.

СУДЬБА ФРАНКА

После сделанного нами исследования будет легче понять ту перспективу, которая ожидает франц. франк в ближайший период. К этому вопросу мы и переходим.

Там, где выпуск новых эмиссий бумажных денег начинает приобретать решающее влияние на курс валюты, где этот выпуск связан с дефицитом в государственном бюджете, там, разумеется, судьбу валюты очень трудно рассматривать отдельно от состояния расходов и доходов государства. Поэтому прежде чем говорить о перспективе франка во Франции, мы дали предварительно анализ франц. бюджета. Отсылая читателя к предыдущей главе о бюджете, поскольку данные будут касаться подробностей вопроса, мы здесь скажем несколько слов лишь о связи между франц. бюджетом и судьбой франка.

Рассмотрим золотую стоимость обращения во Франции, начиная с 1920 г. Мы видим, что ее уровень держится на цифре от 10 до 15 млрд. золотых франков, при этом необходимо эти 6 лет, в свою очередь, разделить на 2 группы: 1920—1921 и 1922 г.г., когда золотая стоимость обращения,

в среднем колебалась около $14^1/_2$ млрд. фр., и 3 последние года, когда золотая стоимость обращения колебалась вокруг цифры 10 — 11 млрд. фр. Сравнивая эти последние цифры с довоенной цифрой в 12,3 млрд. фр. и учитывая падение покупательной способности золота, мы приходим к выводу, что золотая стоимость денежного обращения во Франции в настоящий момент, переведенная на покупательную способность золота до войны, держится значительно ниже довоенного уровня. Этот уровень приблизительно будет следующий. Если взять теперешние 10—11 млрд. в современном золоте и уменьшить эту сумму на падение покупательной сцособности золота внутри Франции, т.-е. уменьшить, как мы видели из предыдущей таблицы, приблизительно на 24—28%%, то теперешняя золотая стоимость обращения, выраженная в современном золоте, будет равняться около 7—8 млрд. К этой цифре надо прибавить то количество золота, которое в настоящий момент находится в состоянии тезаврации. Тезаврированного золота во Франции к 1916 г. числилось на сумму 3.393 млн. фр.; теперь его, несомненно, меньше. Если же и эту сумму уменьшить на коэффициент падения покупательной способности золота, т.-е. свести ее приблизительно к 2.800 млн., то тогда всю сумму обращения во Франции, включая тезаврированное золото, мы будем иметь в размерах приблизительно 10 — $10^1/_2$ млрд. золотых довоенных франков. Если принять во внимание, что товарооборот современной Франции благодаря присоединению Эльзаса-Лотарингии и увеличению промышленного производства по сравнению с довоенным должен был несколько увеличиться, несмотря на падение продукции в земледелии, то мы можем сделать следующий вывод: современное обращение во Франции ниже того теоретического уровня, на котором оно должно было бы держаться по сравнению с довоенным, принимая во внимание происшедшие изменения. Если же оно держится на уровне ниже довоенного примерно на 18 — 20%, включая тезаврированное золото, и на 30 — 36%, если не принимать его в расчет, то это можно об'яснить лишь тем, что накопление в бумажных фр., рассасывающее часть находящихся в обращении бум. денег, сократилось, а, с другой стороны, в теснейшей внутренней связи с этим процессом, увеличилась быстрота оборота бумажных денег, при одновременном повышении покупательной способности золота во Франции в сравнении с Англией и С. Штатами.

Принимая во внимание два эти факта и убеждаясь из вышеприведенных цифр в том, что уровень активного денежного обращения во Франции за последние 3 года более или менее постоянно держится на цифре 10—11 миллиардов

зол. фр., мы имеем основание притти к следующему заключению. При дальнейшей неустойчивости франц. валюты эта золотая стоимость обращения вряд ли может подняться вверх. Отсюда можно сделать прямой вывод о том, что при данном уровне золотой стоимости обращения,—уровне, который более, или менее удовлетворяет весьтоварно-денежный оборот страны, всякая новая эмиссия бум. фр. с неизбежностью будет вести к падению франка, в лучшем случае пропорционально количеству новой эмиссии в сравнении с количеством уже имеющихся в обращении франков. Короче говоря, если исходить из теперешней золотой стоимости обращения, как необходимого минимума для французского хозяйства, то, напр., увеличение денежного обращения существовавших к концу октября $45^1/_2$ млрд. на 4—5 млрд., т. - е. приблизительно на 10%, должно, в лучшем случае, понизить франк только на 10%. Мы говорим „в лучшем случае", потому что при теперешнем напряжении бумажно-денежного обращения во Франции и в обстановке общей неустойчивости с валютой, при все растущем стремлении населения переводить сбережения из бум. фр. или в недвижимость, или в твердую иностранную валюту, или в промышленные бумаги меняющейся ценности, увеличение суммы денежного обращения на 10% может привести к падению франка на значительно больший %. Как я уже говорил выше, в период падающих валют, когда еще не наступил период полной катастрофы валюты, но когда растущее недоверие к бумажным деньгам у населения уже является фактом, новые бумажные эмиссии могут вызвать падение валюты гораздо дальше того предела, который диктуется количественным соотношением суммы бумажных денег к золотому минимуму обращения сегодняшнего дня. В настоящий момент во Франции, вследствие необходимости для правительства произвести в декабре платежи по бонам национальной защиты и вследствие не вполне еще достигнутого сбалансирования бюджета, вотированная в настоящий момент новая эмиссия франков в цифре $7^1/_2$ млрд., т.-е. в размере, примерно, 16% всего настоящего бумажного обращения, может привести к падению франка далеко за уровень этих 16%. Увеличение быстроты оборота денег в сравнении с довоенным, как это мы видели из предыдущего анализа, может еще больше возрасти, еще больше сократится накопление в бум. фр., еще больше держатели франка будут стараться реализовать находящиеся у них на руках деньги, покупая товары и не дожидаясь дальнейшего повышения цен. В современной Франции мы можем при дальнейшем падении валюты наблюдать такие явления, которые наблюдались в России, Германии, Польше и других странах при быстро падающей валюте. Вся сумма

заработной платы, которую получают рабочие и служащие, не задерживаясь в карманах получателей, с очень большой быстротой реализуется на покупку необходимых товаров. Каждая единица монеты лежит сравнительно малый срок без движения в форме временно реализуемого денежного запаса в сравнении с периодом твердой валюты, что оказывает значительное, если не решающее, влияние на судьбу денежного обращения и увеличения быстроты оборота денег. А все это в целом неизбежно приведет к тому, что при вотированной уже эмиссии в $7^1/_2$ млрд. фр. франц. валюта падет не только на процент увеличения всего денежного обращения, но и на известный процент ускорения оборота всех денег, т.-е. может пасть и на 20 и на 25%. Предсказать здесь точную цифру возможного падения валюты вследствие ускорения оборота денег до крайности трудно, потому что этот процесс почти не поддается математическому подсчету.

Таким образом, начавшееся осенью падение франка могло приостановиться в современной Франции при полном прекращении эмиссий или еще скорей при некоторой небольшой дефляции, которая имела бы задачей задержать автоматизм всего процесса падения. Наоборот, если мы будем иметь новую инфляцию, которая, вообще говоря, неизбежна, и связанное с ней ускорение быстроты оборота денег в сравнении с теперешним положением, то это чрезвычайно ускорит падение франка, а это ускоренное падение может быть причиной дальнейшего ускорения всего процесса.

Наоборот, сделанный нами выше анализ размеров денежного обращения во Франции до войны говорит о том, что теперешняя золотая стоимость обращения ниже довоенной, несмотря на рост товарооборота. Это значит, что если бы в ближайшее же время во Франции была прекращена инфляция и достигнута более или менее прочная стабилизация франка, то как раз сама более устойчивая валюта открывала бы возможность для новых эмиссий, не колеблющих курса франка. [1]).

В этом случае новая эмиссия лишь приспособила бы денежное обращение страны к теоретически необходимому золотому минимуму обращения и рассасывалась бы без всякого потрясения курса франка, иными словами, мы имели бы здесь совершенно тот же процесс, который наблюдался в уже исследованный нами период с 1914 по 1918 г., когда новые

---

[1]) Это положение, формулированное мной еще в 1921 г. в статье о падающей валюте и спекуляции, полностью подтвердилось в период установления у нас твердой валюты.

эмиссии бумажных денег шли параллельно падению покупательной способности золота и когда возрастание золотых товарных цен с неизбежностью требовало увеличения бумажно-денежного обращения страны.

Но возможно ли в современной Франции достижение устойчивой валюты? На этот вопрос я отвечу, что достижение твердой валюты возможно и неизбежно во Франции на протяжении ближайшего времени, говоря точнее, на протяжении, скорей всего, ближайших года-двух, но вряд ли возможно на протяжении ближайших месяцев. А так как мы не знаем, в какой степени кризис валюты на протяжении этих ближайших месяцев и ближайшего полугодия продвинется вперед, мы не можем точно ответить и на другой вопрос: в какой конкретной форме во Франции будет осуществлена стабилизация валюты. Теоретически рассуждая, здесь возможны два исхода. Либо стабилизация бумажной валюты на том уровне, на каком застигнет падающую валюту воссстановление бюджетного равновесия, в этом случае мы будем иметь франк, упавший по сравнению с довоенным паритетом, допустим, в 7—8 раз, но сохранивший свой старый номинал, несмотря на падение его покупательной способности. Либо министерство финансов Франции произведет хирургическую операцию девальвации несколько раньше бюджетного равновесия, и то, что осталось доделать в смысле достижения бюджетного равновесия, проделает уже при твердой валюте, прибегая к новой эмиссии, но уже в твердом франке.

Какой из этих двух вариантов является более реальным для современной Франции? Я считаю более реальным вариантом первый, т.-е. вариант движения по линии наименьшего сопротивления. Не надо забывать, что среди франц. населения еще очень крепко сидит иллюзия о том, что франк может вернуться постепенно, по мере финансового оздоровления страны, к своему довоенному паритету. При господстве таких иллюзий правительству Франции будет до крайности трудно произвести операцию девальвации по второму методу,—операцию, которая, несомненно, привела бы к финансовому оздоровлению значительно раньше, чем движение по первому варианту, т. е. по линии наименьшего сопротивления.

Необходимо также иметь в виду, что, как мы увидим в следующей главе, от падения франка не только разорился миллион держателей государственных бумаг Франции, но и очень многие и очень многие граждане, которые внесли в 1915—16 г. свыше 2 млрд. чистого золота в Французский банк. Девальвация для всех этих мелких держателей будет

означать формальное признание со стороны государства своего банкротства и формальное удостоверение по отношению к держателям, что они потеряли значительную часть, некоторые почти $^4/_5$ всего своего состояния, вложенного в государственные фонды. Несмотря на то, что иллюзия постепенного возвращения к довоенному франку лишь обеспечивает дальнейшую экспроприацию вкладчиков, уменьшая еще больше реальную стоимость их облигаций, фиксирование девальвации на теперешнем уровне франка встретит сопротивление как раз со стороны тех элементов, которые в этом больше всего заинтересованы. Если бы эта фиксация, если бы эта девальвация была произведена теперь, то вкладчики уже не потеряли бы больше того, что они еще не успели потерять до сих пор. Поскольку теперешнее положение будет продолжаться дальше, держатели будут продолжать терять, а правительство, как увидим ниже, будет продолжать „автоматическое списывание" внутреннего долга и, таким образом, приблизится к моменту окончательного сбалансирования бюджета.

ФРАНЦУЗСКИЕ ФИНАНСИСТЫ О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ ФРАНЦИИ

В заключение мне необходимо сказать несколько слов относительно того, как сами французские авторы об'ясняют основные факты и явления в области денежного обращения Франции, начиная с войны.

Основной недостаток огромного большинства французских исследований о французской валюте заключается в том, что исследователи обыкновенно либо оперируют каким-нибудь одним фактором, влияющим на валюту, много двумя, либо делают настоящую кашу из десятка об'яснений, приводимых сразу. Одни на первый план выдвигают состояние платежного баланса, другие размеры эмиссии, третьи расстройство кредита, четвертые десять причин вместе, но без анализа того, как и почему и в какой степени эти причины вообще способны влиять на механизм бумажного денежного обращения и почему именно они влияли в данном конкретном году на валюту Франции. Приведем несколько конкретных примеров неправильного анализа всей проблемы.

Напр., цитированный уже нами Р. Пюпен совершенно неверно высчитывает необходимый минимум обращения, когда в своей книге дает такой подрасчет:

1911 г.	Расходы населения	32 млрд.	
„	государства	4 „	548 милл.
		36 „	548 „
1916 г.	Расходы населения	40 млрд,	
„	государства	28 „	
		68 млрд.	

Этими цифрами автор хочет об'яснить, почему обращение 1916 г. выдерживало 15,5 миллиардов бумажных франков без резкого колебания курса франка.

Что этот метод никуда не годится, видно из следующего. Во-первых, в 1916 г. в обращении находилось бум. денег на 15,5 миллиардов в среднем, но золотой минимум обращения был 13,8 млрд. Если не принимать во внимание ни сокращение товарооборота, с одной стороны, ни противоположный по действию фактор падения покупательной способности золота, то минимум обращения оказался бы больше, чем до войны (до войны 12,3 млрд.), и курс бумажных франков ни в коем случае не мог бы упасть, тогда как он на деле держался в среднем в 1916 г. на 12,8% ниже паритета. В стране, наоборот, был бы денежный голод, голод совсем не инфляционного происхождения. Пюпен просто предполагает в своем об'яснении то, что требует доказать. Это было бы гораздо более очевидно, если бы мы воспользовались его методом для учета необходимого денежного обращения, скажем, в 1919 или в 1924 г. Взять весь расход населения, выраженный в индексе цен 1919 или 1924 г., значит предполагать уже об'ясненным то, что как раз и требуется об'яснить [1]).

Рассмотрим теперь, как обстоит дело у других исследователей.

Напр., „Bulletin Quotidienne" падение валюты 1923 г. об'ясняет экспортом капитала за границу (Бюллетень 22 февраля 1925 г.). Это об'яснение представляет из себя простое смешение причины со следствием. Разумеется, часто бывает, и в частности это бывает при падающей валюте, что следствие само на определенной стадии развития всего процесса превращается в дополнительную причину. Но в данном случае об'яснение совершенно не выдерживает критики. Как

[1]) Мы не говорим уже о том, что не „расход" населения, а денежный товарооборот надо учитывать при анализе состояния валюты.

раз наоборот. Бегство франц. капитала за границу, увеличение в американских банках текущих счетов, которые экспортеры опасаются переводить в банки французские, перевод в иностранную твердую валюту капиталов ряда предприятий, сведение к необходимому минимуму размена иностранной валюты на франки — все это представляет из себя прямое следствие падающей валюты. Владельцы крупных капиталов промышленных предприятий, банков и т. д. представляют из себя группы общества, которые лучше разбираются в практике финансовых вопросов, чем доверчивые обыватели, которые вложили свои сбережения в бумаги фиксированной стоимости и доходности, т.-е. прежде всего, в государственные займы, и теперь систематически подвергаются разорению при падении франка. Наоборот, представители крупного капитала полностью используют методы страховки, находящиеся в их распоряжении, в том числе и метод, который заключается в перекачке капитала за границу. Это бегство капитала за границу есть прямое следствие падающей валюты; это явление возникает на определенной стадии падения. И, само собой разумеется, это бегство и уменьшение размеров накопления в бум. фр. внутри Франции и за границей уменьшает тем самым теоретический золотой минимум обращения, а, следовательно, увеличивает несоответствие между этим теоретическим минимумом и той массой бумажных франков, которые циркулируют в обращении.

Далее, Бюллетень Французского Национального Банка для Внешней Торговли об'ясняет падение франка за тот же период потерей доверия к французскому франку за границей, а также ликвидацией за границей части французских ценностей. Это об'яснение также является односторонним, весьма поверхностным и захватывает только малую часть всей проблемы. Ликвидация части французских ценностей влияет на платежный баланс страны, уменьшая поступления в золоте или в твердых иностранных валютах от этих ценностей. Это оказывает непосредственное влияние на состояние платежного баланса, и только со стороны платежного баланса здесь может обнаружиться влияние на валюту. Однако тот же самый процесс ликвидации ценностей в условиях равновесия платежного баланса, достигаемого, допустим, большим перевесом экспорта над импортом, не может влиять не только непосердственно, но даже косвенно на валюту, поскольку действие этого фактора на платежный баланс уравновешивается другими факторами благоприятного характера.

Что же касается потери доверия к франц. франку за границей, то это об'яснение, несомненно, резонно, хотя

и выражено не в научной форме. Дело идет не о психологическом доверии, а о сокращении бумажных франков, которые находятся за границей. На известной стадии падения франка происходит процесс выталкивания франка из-за границы внутрь Франции, перевод соответствующих капиталов в другие твердые валюты и, следовательно, увеличение на соответствующую сумму циркуляции франка внутри Франции. Но это стремление избавиться от франка характерно не только для 1923 г. Мы видели тот же процесс в 1920 г. Следовательно, это соображение может служить лишь одним из об'яснений сокращения минимума валютного равновесия на ряду с другими, но отнюдь не единственным.

Шарль Депюи в своей работе [1]), посвященной будущему франка, пишет:

„Необходимо прямо сказать, что при существующих условиях во Франции инфляция означала бы развал.... Да будет позволено добавить, следуя привычке политиков, которые любят формулу „ни революция, ни реакция", что инфляция была бы наиболее верным средством привести к реакции или к революции, быть может к первой через вторую" (стр. 34).

Таких радикальных заявлений во французской печати как специальной, так и общей, можно найти больше, чем достаточно. Но очень мало можно найти в ней цифрового анализа бюджетного положения французского государства в связи в бюджетом всего народного хозяйства за последние 10 лет. При таком исследовании было бы ясно, что инфляция (автор писал это в 1923—24 г.) при колоссальном внутреннем долге была и пока остается единственным средством привести бюджет Франции в соответствие с реальными ресурсами страны, раз правительство под давлением крупной буржуазии отвергает другой исход, а именно переложение тяжести финансовых последствий войны на крупный капитал.

Названный автор падение франка об'ясняет в общем и целом инфляцией, приводя в пример 1919—1920 г. и игнорируя предыдущие годы, т.-е. игнорируя очень важный период в жизни французской валюты.

В качестве лечения валюты автор рекомендует дефляцию и постепенное поднятие франка. Как бы выглядел при такой перспективе французский бюджет, это мы показали в той главе нашей книги, которая посвящена разорению французских держателей. Автора интересует больше отношение государства к Французскому банку: заплатит ли по своим обязательствам государство, или нет, тогда как вопрос в десять

---

[1]) Charles Depuis «Comment sauvegarder l'avenir du franc», Paris, 1924.

раз сложнее. Рекомендовать урегулирование финансов путем поднятия франка, это значит „поднимать" государственный долг с 57 млрд. золотых франков на 158. Хорошее бюджетное равновесие получилось бы при такой финансовой политике!

Ближе к истине стоит автор, когда пишет:

„Основная причина обесценения франка есть сама война с ее колоссальными расходами, антиципация будущих ценностей, которые, будучи противопоставлены этим расходам на основании системы кредита, начали циркулировать, как ценности реальные; мотовство и расточительность, которые, благодаря невежеству и слабости правительств, характеризовали период войны и мира, затем вздутые прибыли и заработные платы военной промышленности, вплоть до выкупа по паритету марки Эльзаса; неумеренные премии после демобилизации, выплаченные за счет инфляции, которая с 18 млрд. ко дню перемирия поднялась до 27 млрд. на промежутке нескольких месяцев; рост авансов Французского банка правительству" (стр. 97). Необходимо здесь лишь заметить, что никакого вздутия заработной платы во Франции мы не видели, если сравнивать положение во Франции с Англией и Америкой. Мы видим как раз обратное явление: заработная плата во Франции, несмотря на индустриализацию страны, продолжает оставаться на довоенном уровне, или падает, следовательно, относительно по сравнению с Америкой и Англией она не увеличивается, а уменьшается. Вообще же все об‚яснение валютного кризиса является слишком общим. Если, допустим, вас спрашивают, какой дом горит на Елисейских полях, и вы ответите, что пожар в Париже, то ответ не будет неверным, но вряд ли только такой ответ вам нужен.

Затем упомянем интересную работу Жака Рюэф: „Об одной теории инфляции" [1]). Автор этой работы пытается вывести математическую закономерность основных явлений в области эмиссии, устанавливая по отношению Франции и другим странам некоторую постоянную тех ценностей, которые извлекались государством из обращения путем эмиссии в 1916—19 г. г. Однако у автора благополучно исчезают как 1914—15 г. г., не укладывающиеся в схему, так и года после 1919. Все исследование интересно только, как математическое о п и с а н и е финансовых процессов, правилен также подсчет стоимости ежегодных эмиссий по покупательной способности франка. Известная устойчивость цифр эмиссионного дохода за 1915—19 г. г. не представляет из себя ничего таинственного и не нуждается в математическом „об‘яснении". В эти

[1]) Jaques Rueff—«Sur une théorie de l'inflation», Paris, 1925.

годы, применяя довольно осторожно эмиссию, правительство лишь шло за интернациональным падением покупательной способности золота и, в виду роста золотых цен, должно было увеличивать общую массу бумажных денег в обращении, чтобы обслуживать весь денежный товарооборот. Но вся „закономерность“ исчезает, когда эмиссии уже не в состоянии черпать из источника падения покупательной способности золота и растущего благодаря этому минимуму золотого обращения в сниженном золоте.

Жорж Ляшапелль в своей работе о бумажно-денежном обращении [1]) причиной падения покупательной способности франка считает инфляцию и доказывает это до 1918 г. включительно, сопоставляя параллельно таблицы роста бумажно-денежного обращения, с одной стороны, и индекс оптовых цен, с другой. Как мы видели выше, вопрос, однако, гораздо сложнее. Ляшапеллю приходится для доказательства своего положения, во-первых, взять за отправной пункт, т.-е. взять за сто, денежное обращение четвертого триместра 1914 г., т.-е. период, когда бумажно-денежная масса уже возросла в сравнении с первым днем войны с 5.919 млн. фр. до 9.661 млн., т.-е. уже возросла на 63 % с лишним. Если бы не эта спасительная операция, таблица автора выглядела бы совсем иначе, но даже и после такой операции кон'юнктура первой половины 1919 г., а также кон'юнктура первой половины 1920 г. опрокидывают построение, поскольку в 1919 г. рост цен отстает от роста бумажно-денежной массы в обращении, а через год далеко ее перегоняет (отношение 2-го триместра 1920 г. к 1-му триместру 1919 г. равно отношению 523,5 к 390,9). В 1921 г. опять есть несоответствие между двумя таблицами, потому что денежное обращение почти не сократилось, а цены продолжали далее быстро падать с 1921 г. по 1922 г. вне всякого соответствия с уменьшением бумажно-денежного обращения. После 1923 года, наоборот, рост цен идет значительно быстрее роста бумажно-денежного обращения, т.-е. этот факт опять опровергает положение Ляшапелля. Автор сам чувствует, что одним только сопоставлением движения инфляции с движением товарных цен нельзя об'яснить всех фактов в истории денежного обращения. Поэтому он приводит добавочные мотивы: то привоз товаров из-за границы в 1919 г., то кризис перепродукции в 1920 г.

В результате об'яснение автора не об'ясняет всех явлений в истории франка за последние 10 лет, не об'ясняет потому, что игнорирует сложность всей проблемы.

---

[1]) Georges Lachapelle „La monnaie de papier et le change“, Paris, 1924.

Что касается движения курса франка по отношению к доллару и фунту, то у разбираемого автора мы не находим об'яснения этого движения за все время. Падение же франка в 1919—20 г. г. автор об'ясняет пассивностью торгового баланса и одновременно истощением ресурсов от иностранных займов. Однако в 1924—25 г. торговый баланс Франции активен, а франк стремительно падает и падает опять-таки значительно быстрее, чем растет инфляция, а это доказывает, что было бы неверно считать движение курса франка только функцией состояния платежного баланса страны или только функцией инфляции.

Возьмем еще последнюю работу профессора Мартэна. У него, как у всякого эклектика, для об'яснения падения франка дюжина причин, которые автор выкладывает одну за другой, ни разу не пытаясь анализировать цифры какого-либо года конкретно. Вот эти причины. Сначала ослабление кредита государства. Что это значит в переводе на цифры, скажем, 1918 или 1923 г. г.? Никто этого не знает. Далее второй фактор: „Корень зла — недостаток экономической мощи [1]). Сами бюджетные дефициты об'ясняются, если не говорить о последствиях неправильного распределения налогов, недостаточным производством богатств в данный момент" (стр. 393).

И это об'яснение в таком виде никуда не годится, так как в 1918 г. промышленность Франции наполовину сократилась, земледелие пало, а валюта была почти стабильна. В 1925 г. промышленность перешла довоенный уровень, а валюта летит вниз. Далее идет влияние валютной спекуляции, инфляции и т. д., и т. д. Хорошо, что автор не присоединяет еще к своему багажу „паритета покупательной силы" Касселя. В общем же и целом мы имеем здесь кучу об'яснений, но никакого систематического анализа французской валюты по годам, начиная с 1915 г.

Если так обстоит дело с такими серьезными исследователями, как Ляшапелль и проф. Мартэн, то чего же можно требовать от авторов различных популярных и наспех составленных брошюр, посвященных судьбе французского франка? Приведу один пример.

Э. Жонас в своей брошюре по вопросу о причинах падения франка пишет следующие глубокомысленные строки, от которых читатель совсем не рискует поумнеть: „Курс франка на иностранной валютной бирже зависит от кредита, которым

---

[1]) См. цитированную уже нами книгу „Les finances publiques de la France et la fortune privée", p. 393—410.

пользуется в мире наша общая политика, внутренняя и внешняя" (стр. 30)[1]).

Пусть попробует читатель на основании этой формулы понять, почему франк в 1914 г. был несколько выше паритета, почему он держался ниже паритета в среднем на 8 %—10 % до 1919 г., почему он в 1919 г. падает всего на 41 %, а к ноябрю 1925 г. – на 400 %!

Как известно, внешняя и внутренняя политика Советского Союза не пользуется особенно большим „кредитом" в капиталистических странах. Однако наш червонец стоит незыблемо в его отношении к иностранным валютам на протяжении всех 3 лет.

В этой же брошюре автор падение франка ставит в зависимость от соответствия между размерами бумажно-денежного обращения во Франции и золотым покрытием валюты. Это об'яснение падения курса бумажных денег является очень распространенным в буржуазных кругах и в то же время наиболее плоским и наиболее бессмысленным из всех возможных. Здесь смешиваются две абсолютно различные ситуации. Ситуация при золотом обращении, когда золотое обеспечение играет огромную роль для правильного функционирования всей денежной системы и для поддержания курса банкнот на уровне настоящего золота с положением, когда золотое обращение ликвидировано, когда в стране существуют только бумажные деньги и когда начинают действовать специфические законы бумажно-денежного обращения. Мы уже говорили выше, что когда в обращении находятся лишь бумажные деньги, то курс их определяется не отношением всей массы бумажных денег к золотому обеспечению, а отношением количества этих денег к золотому минимуму обращения, т.-е. к тому количеству золота, которое потребовалось бы для обслуживания всего денежного товарооборота данной страны при золотом обращении. Если в какой-нибудь стране, имеющей бумажную валюту, более или менее близкую к паритету, запас золота в государственном банке будет уменьшен, допустим, в 5 раз, а бумажно-денежное обращение будет соответствовать золотому минимуму обращения, то совершенно бессмысленно ожидать падения бумажной валюты не только в 5 раз, но хотя бы на 5 %. И, наоборот, если бы правительство данной страны увеличило золотое обеспечение в 5 раз, увеличивши одновременно бумажно-денежное обращение в 2 раза, то при прочих равных условиях курс бумажных денег понизился бы в 2 раза, без

[1]) Edouard Jonas „Pourquoi le franc bisse?", Paris, 1924.

малейшей связи с тем, что происходит в подвалах государственного банка.

Мы могли бы привести еще десятки цитат из десятков других французских авторов, чтобы доказать, что в самой Франции понимание законов движения французской валюты за последние 10 лет стоит не на очень большой высоте. Но мы не считаем здесь своей задачей исследование вопроса по этой линии и удовлетворимся сказанным. Чтобы покончить с этой темой, необходимо еще в двух словах остановиться на том, как большинство французских авторов представляет себе выход из того финансового кризиса, в котором находится Франция, и как мыслит себе технику денежной реформы.

Все французские авторы, которые касались этой проблемы, точно так же, как почти вся французская печать, делятся на две основные группы: на группу, которая защищает интересы мелкой буржуазии Франции, с одной стороны, и на представителей интересов крупного капитала, с другой. Что касается представителей интересов мелкой буржуазии, то они центр тяжести внимания обращают на прекращение инфляции, на приостановку падения курса франка и на достижение бюджетного равновесия путем привлечения к обложению крупного капитала в гораздо больших размерах, чем это практиковалось до сих пор. Эта часть французских финансистов и публицистов более или менее понимает тот факт, что Франция не просто расплачивается за войну расстройством финансов, но она прежде всего расплачивается за всю систему покрытия расходной части бюджета за время войны. Вместо серьезного налога на капитал, в частности на военную прибыль (налог на военную прибыль был, но не дал больших результатов), что было проведено в Англии, французское правительство упорно высвобождало крупный капитал от обложения, перенося центр тяжести поступлений с налогов на крупную собственность на займы. На эти займы подписывались прежде всего мелкие и средние вкладчики и разорялись на этой операции. Необходимо напомнить, что с 1 августа 1914 г. по сентябрь 1917 г. расходы французского правительства составляли 103 млрд. фр., доходы же по всем прямым налогам и пошлинам равнялись за этот срок только 12,8 млрд.

Что касается представителей крупного капитала, то они, наоборот, доказывали и доказывают, что бороться с финансовым кризисом во Франции необходимо путем сокращения бюджета в его расходной части, путем введения новых и увеличения существующих косвенных налогов; они доказывают, что капитал во Франции уже облагается больше, чем это до-

пустимо с точки зрения нормального развития производства, и что всякие проекты налога на капитал представляют из себя легкомысленные затеи, которые еще больше могут подорвать финансы страны, подрывая одновременно производительные силы французской промышленности. Представители крупного капитала мечут громы и молнии против увеличившегося государственного аппарата, считая заработную плату служащих этого аппарата слишком высокой, а также мечтают о сокращении заработной платы промышленных рабочих. Вместе с тем они указывают на то, что правительство из избирательных соображений не решается поднять обложение крестьянства и очень неумело ведет те предприятия, которые находятся в его руках. Что касается инфляции, то в этом вопросе защитники интересов крупного капитала не имеют единой линии. Одни говорят о гибельности инфляции и в этом отношении внешне как будто присоединяются к позиции мелко-буржуазных политиков и финансистов; другие же относятся к инфляции совсем иначе: они видят, что инфляция полезна для французского экспорта и экспортной промышленности, они понимают, что падение франка, с другой стороны, является наиболее надежным способом достижения бюджетного равновесия, поскольку ведет к „списыванию" государственного долга и тем самым открывает возможность сбалансирования бюджета без нажима на крупный капитал. Защитники инфляции старались даже доказать, что наилучший способ для государства освободиться от той части краткосрочного долга, которая состоит в бонах национальной защиты, заключался бы в том, чтобы провести выкуп этих бон путем выпуска на соответствующую сумму нового количества бумажных денег. Они доказывают, что, в сущности говоря, боны уже носят характер денег, уже влияют на курс находящихся в обращении бумажных франков, и поэтому подобного сорта операция не могла бы иметь катастрофических последствий для французской валюты.

Что же касается финансовой реформы, то одни исследователи решительно отвергают девальвацию, рассматривая ее, как формальное государственное банкротство. Эти исследователи, к числу которых принадлежит и проф. Мартэн, не теряют надежду на то, что курс франка можно было бы еще поднять на основе общего экономического под'ема страны. Наоборот, другие исследователи, как, напр., проф. Кольсон, выдвигают проект возвращения к золотому обращению через девальвацию, с закреплением уровня франка на дециграмме золота (90 пробы) с курсом доллара, в этом случае, равном 16,72 фр., с тем, чтобы после этой операции „стоимость

франка не зависела уже в дальнейшем от „мудрости“ правительства“[1]).

Что касается мечтаний о постепенном восстановлении курса франка, то подобные иллюзии являются совершенно беспочвенными в настоящий момент и способствуют лишь дальнейшему разорению мелких вкладчиков, которые в ожидании невозможного теряют даже то, что возможно было бы еще спасти. При таких условиях немедленная девальвация, несомненно, была бы выгодной для мелких французских держателей, поскольку она спасла бы от экспроприации те их сбережения, которые пока еще не сведены к нулю. Для мелких держателей были бы теперь более выгодны немедленное формальное банкротство государства и переход к твердой валюте, чем продолжение состояния скрытого государственного банкротства, которое является в то же время продолжением процесса их экспроприации.

Мы уже говорили выше о том, что стабилизация валюты во Франции, несомненно, усилила бы зависимость французской экономики от мирового хозяйства, прежде всего, от экономики Америки и Англии. А если бы денежная реформа была произведена посредством девальвации и перехода к золотому обращению, то эта зависимость усилилась бы еще больше, как это мы видим на примере той же операции в современной Англии.

Что же касается вопроса об об'ективной возможности перехода Франции к золотой валюте после достижения бюджетного равновесия, то эта возможность совсем не исключена в настоящий момент. Золотой запас Французского банка на 26 ноября 1925 г. равен солидной сумме в 5.547 млн. зол. фр.[2]), вместо 1.684 млн. зол. фр. в конце 1914 г. Кроме того, к концу 1916 г. было тезаврировано у населения по одним данным 3.400 млн., по другим—4.500 млн. зол. фр. Такой золотой запас, при замене теперешнего бумажного франка довоенной банкнотой в довоенном же размере, или в несколько

---

[1]) См., между прочим, C. Colson „La dette et les créances de la France“, Revue politique et parlementaire, 10 juin 1925. Проф. Кольсон выделяется из других французских авторов, писавших о денежном обращении, пониманием дела. Он прекрасно понимает также и роль падающей валюты в деле частичной ликвидации государственного долга.

[2]) На 26 ноября 1925 г. во Французском банке числилось

золота в кассе банка во Франции	3.683.463.536 фр.
„ за границей	1.864.320.907 „
	5.547.784.443 фр.
серебра	315.138.802 „

большем количестве [1]), вполне обеспечил бы нормальное функционирование золотого обращения. С этой точки зрения авторы, предлагающие возвращение к золотому обращению, не предлагают ничего технически недостижимого[2]). Но совершенно другой вопрос, как сможет это золотое обращение держаться, исходя не из внутренней финансовой и экономической ситуации страны, а из экономической связи Франции с мировым хозяйством в целом. Нельзя сейчас ответить также и на вопрос, во что эта операция могла бы обойтись Франции [3]).

---

[1]) Благодаря падению покупательной способности золота и связанному с этим росту минимума золотого обращения в теперешнем золоте, сумма золотого обращения в теперешней Франции после денежной реформы должна быть несколько больше довоенной.

[2]) Такой переход был бы вполне возможен и потому, что до войны кредитные билеты участвовали в обращении в 87,4% общего их обращения, золотые же монеты лишь в размере 8,25%, т.-е. находились преимущественно в накоплении.

[3]) Когда George Peel в своей недавно вышедшей книге о французских финансах в числе других мер, которые могут привести к финансовому оздоровлению Франции, называет переход к золотому обращению и уменьшение процента по займам, то он упускает из виду, что падающая валюта несравненно быстрей и верней ликвидирует государственный долг, разоряет вкладчиков и облегчает бюджет в его реальной золотой величине, чем это могло бы достигнуть самое радикальное уменьшение процента при золотой валюте. Если стабилизация валюты произойдет при курсе франка 50 франков за доллар, то уже не придется беспокоиться об уменьшении процента. Процент будет уже „уменьшен“ и без этой меры. Во Франции не любят признавать открытого банкротства государства, а на скрытое смотрят с каким-то тупым подчинением неизбежному року (См. G. Peel—„The financial crisis of France“, стр. 308. London).

ГЛАВНЫЕ ПРОДУКТЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ФРАНЦИИ [1])

	1913		1921		1922		1923		1924	
	Тыс. гект.	Тыс. квинт.	Тыс. гект.	Тыс. квинт.	Тыс. гект.	Тыс. квинт.	Тыс. гект.	Тыс. квинт.	Тыс. гект.	Тыс. квинт.
Зерновые.										
Пшеница	6.542	86.919	5.382	88.034	5.290	66.220	5.533,1	74.998	5.427,7	76.839,9
Смесь ржи и пшен.	123	1.490	114	1.546	110	1.196	110 9	1.319	103,3	1.302,1
Рожь	1.175	12.714	901	11.276	888	9.757	896,5	9.275,7	863,7	10.128,5
Ячмень	760	10.437	679	8 342	693	8.907	681 4	9.802,9	693,8	10.00,11
Овес	3 979	51.826	3.407	35.483	3.436	41.842	3.422,5	48.907,8	3.443,9	42 93,14
Кукуруза	458	5.430	329	2.640	320	3.220	312,0	3.219,2	,,	,,
Просо	21	185	16	64	16	65	16,2	72,2	,,	,,
Гречиха	451	5.664	341	2.519	355	3.915	344,4	3.250,9	,,	,,
Кормовые культуры.										
Кормовая свекла	723	252.201	658	143.061	677	202.524	680,9	175.867,9	,,	,,
Швед. репа, брюква	185	34.561	178	19,718	174	30.478	167.9	25.061,7	,,	,,
Кормовая капуста	251	82.749	175	28.552	221	63.094	225,6	57.084,3	,,	,,
Искусств. луга	3.113	136 432	2.793	86.334	2.781	,,	,,	,,	,,	,,
Временные	228	11,640	373	9.226	369	10.555	383,2	12.02.30	,,	,,
Зеленый корм	777	156,227	700	69.111	687	92.557	714,4	91.0 6,21	,,	,,
Натуральные луга	4,828	186.974	5.079	133.767	5.075	150.001	5.104,4	166.50,0	,,	,,
Клубневые.										
Картофель	1.548	125 859	1.455	3.096	1.464	126.461	1.451,2	99.186,8	1.448,4	155.125,4
Земляная груша	111	17.793	114	11.912	117	13.428	122.3	12.991,0	,,	,,
Технические культуры.										
Сахарная свекла	249	59.393	120	20.606	131	32.894	164,5	37.870,3	184.7	51.377,6
Винокурен. „	51	20.505	20	3.768	12	6.6 9	24,8	6.541,6	,,	,,
Лен (кудель)	30	19	17	106	15,5	94,2	14,9	105,1	,,	,,
Пенька	12	13	6,5	59	5,2	47	4,7	38 9	,,	,,
Хмель	3	36	4,3	30	5	40,5	4.1	22,5	,,	,,
Табак	15.7	200	12,7	238	15,4	278,9			,,	,,

[1]) Annuaire générale de la France et de l'etranger, 1925 p. 238.

ТАБЛИЦА ПЛАТЕЖНЫХ БАЛАНСОВ ФРАНЦИИ
с 1920 по 1924 год.

	1920		1921		1922		1923		1924	
	Дебет	Кредит	Дебет	Кредит	Дебет	Кредит	Дебет	Кредит	Дебет	Кредит
Номенклатура.										
Превышение импорта или экспорта.	20.020	—	.295	—	2.552	—	2.177	—	—	1.300
Превышение импорта в торговле с колониями.	500	—	—	621	764	—	915	—	1.200	—
Превышение в торговле колоний с заграницей.	—	140	—	1.450	—	350	—	—	600	—
Превышение импорта или экспорта драгоц. метал.	—	473	—	212	48	—	—	18	—	—
Расходы иностран. туристов.	—	2.200	—	2.800	—	3.000	—	4.000	—	более 4.800
Получение от фрахтов		3.200	—	1.200	—	1.120	—	1.50	—	11 500
» от страхован.		75	—	60	—	78	—	78	—	
» от транзита.	—	95	—	82	—	85	—	91	—	
Переводы раб. на родину.	300		336		388		720		1.000	
Импорт: Импорт капиталов, перепродажа иностранных ценных бумаг	—	3.000	—	—	—					
Импорт: Займы за границей.	—	1.974	—	1.600	—	1.487		150	-	1.650
Импорт: Открытие кредита.	—	2.614	-	—	—	—	—	—	—	
Экспорт: Платежи по открытым кредитам.	1.913	—	2.064	—	575	—	1.081		кратк. около 5.000	
Экспорт: Платежи по займам.	3.878	-	141	—	—	-	250		-	
Авансы союзным прав. и уплаты по поставкам	1.015	-	632	-		61	971	—	-	-
Эмиссии иностран. ценных бумаг на франц. рынке	202	—	215	—	256	—	1.122	—		
Проценты, выплачиваемые Франции.	—	2.000	—	2.500	-	2.500		2.50		2.500
Проценты, выплачиваемые за границу.	300	—	300	—	300	—	300		200	
Платежи, сделанные госуд.	2.153	—	832	-	783	-	807		1.706	
Платежи от Германии.	—	1.705	—	456	—	656	—	—	—	2 500
Проценты по кратковр. кредитам.	100	-	300	-	240	-	200	—		
	30 411	17.476	7.115	10.981	5.911	9 929	8.543	8.337	-	14.200
Актив.	—	—	3.866	—	4.018		—	206	-	ок. 4 000
Дефицит	—	12.935	—	—	—	-	—	206	—	

РАСХОДНЫЙ БЮДЖЕТ НАСЕЛЕНИЯ ФРАНЦИИ (1911 г.)

	Миллионов.
Питание	18.900 [1]
Жилище	3 400
Одежда	4.500
Отопление, освещение, стирка	1.500
Домашн. прислуга (только жалованье)	360
Предметы домашн. обихода	300
Меблировка	600
Медицинская помощь	150
Лекарства	150
Предметы туалета, парфюмерия	150
Личный уход	150
Образование и воспитание	200
Судебные расходы	100
Банковские расходы	200
Почта, телеграф, телефон	380
Ж.-д. транспорт и метро	654
Остальной транспорт	200
Табак	508
Спички	43
Книги, журналы, писчебумажные принадлежности	400
Автомобили (покупка и содержание)	150
Часы, драгоценности	250
Предметы искусства, оптики, музыкальные инструм., фотограф.	100
Театры и зрелища (всех видов)	120
Содержание животных, как предметов забавы (de luxe)	500
Путешествие во вне и разное	300
Итого	34.265
За вычетом:	
Расходов иностранцев во Франции	1.500
25% смешанных расходов	1.300
	31.465

[1]) Расходы на питание составляются из следующих слагаемых:

Мясо	5.000
Хлеб и сладкие изделия	3.500
Вино, алкоголь, сидр, пиво	3.000
Продукты огородничества	2.000
Молочные и птицеводства	2.500
Рыболовства	500
Колониальные продукты и продукты импорта (кофе, какао, чай, фрукты, консервы)	1.900
Сахар	475

(Pupin, „La richesse" etc., p. 135—136).

НАЦИОНАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО ФРАНЦИИ К 1917 г.

Национальное имущество в 1911 г. 288

„ „ в 1917 г. 222

Состав имущества в 1917 г.		Уменьшение в сравнении с 1911 г.
Движимая собственность (не считая эмиссий госуд. бумаг)	77	25—30%
Земельная собственность	59	12%
Строение	56	20%
Другое имущество	47	20%
Итого	239	

За вычетом двойного счета в 12 мр. и ущерба частных лиц в захваченных немцами северных департаментах в 5 мр.

Всего 222 мр.

(Pupin, ibid, p. 103).

КУРС ДОЛЛАРОВ В ПАРИЖЕ (ПАРИТЕТ 5.18 ПРИНЯТ ЗА 100)

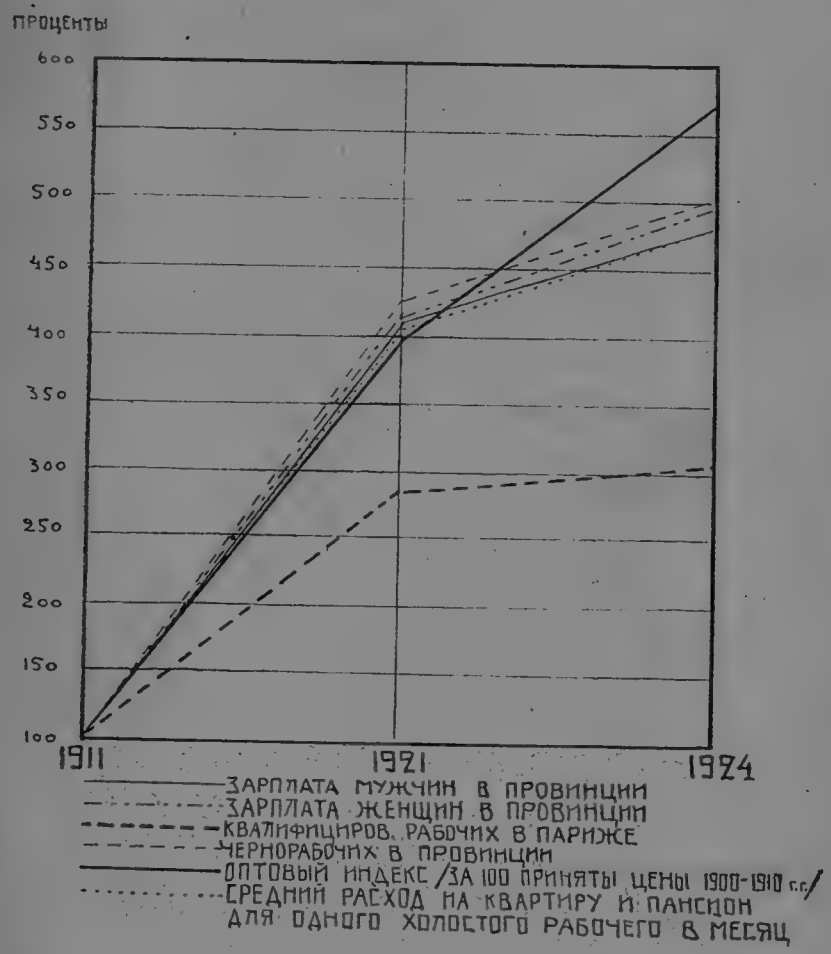
	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925
Январь	—	—	—	—	—	105	226	302	237	289	414	—
Февраль	—	—	—	—	—	105	275	269	221	313	437	—
Март	—	—	—	—	—	109	271	274	214	307	416	—
Апрель	—	—	—	—	—	116	313	267	208	290	313	—
Май	—	—	—	—	—	122	283	231	211	291	331	—
Июнь	—	—	—	—	—	124	244	239	221	306	368	—
Июль	—	—	—	—	—	134	237	247	235	324	376	—
Август	—	—	—	—	—	151	270	249	243	341	353	—
Сентябрь	—	—	—	—	—	164	286	265	252	331	364	—
Октябрь	—	—	—	—	—	166	296	267	262	327	369	—
Ноябрь	—	—	—	—	—	182	322	269	283	347	366	—
Декабрь	—	—	—	—	—	218	326	247	267	373	357	—
Среднее	99,6	107,6	112,8	110,7	108,3	141	278	260	235	320	372	—

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ БЮДЖЕТУ ФРАНЦИИ С 1870 г. [1])

Годы.	Доходы.	Расходы.	+ —
1870	1.611.981.357,98	2.448.663.549,29	—836.682.191,31
1880	2.956.923.947,62	2.826.611.137,45	+130.312.810,17
1890	3.229.372.252,87	3.141.519.798,37	+ 87.852.454,50
1900	3.814.943.660,32	3.746.959.081,44	+ 67.984.578,88
1901	3.576.051.989,94	3.701.709.966,20	—125.657.976,26
1902	3.582.492.120,05	3.699.327.593,44	—116.835.473,39
1903	3.667.558.779,97	3.597.228.319,60	+ 70 330.460.37
1904	3.739.049.691,06	3.638.527.481,80	+100.522.209,26
1905	3.766.346.807,61	3.706.838.853,48	+ 59.507.954,13
1906	3.837.000.186,87	3.852.009.439,53	— 15.009.252,66
1907	3.968.367.130,88	3.880.240.263,07	+ 88.126.867,81
1908	3.966.405.128,13	4.020.549.696,75	— 54.144.568,62
1909	4.140 912.960,56	4.186.090.462,86	— 45.177.502,30
1910	4.273.890.789,23	4.321.918.609,54	— 48.027.820,31
1911	4.689.045.845,37	4.547.915.740,88	+141.130.104,49
1912	4.857.491.193,19	4.742.756.093,90	+114 735.099,29
1913	5.091.744.959,01	5.066.931.220,89	+ 24.813.738,12

[1]) La France financière et économique. Том I. Paris 1919. Ed. ministère de Finance.

КРИВЫЕ ЗАРПЛАТЫ, ИНДЕКСА И СТОИМОСТИ ЖИЗНИ ВО ФРАНЦИИ



ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

1. Проблема народонаселения во Франции 7
2. Распределение населения Франции по занятиям 11
3. Современная французская промышленность 11
4. Земледелие Франции 24
5. Торговый баланс Франции 33
6. Платежный баланс Франции 46
7. Национальный доход и национальное имущество Франции 54
8. Проблемы накопления и новые эмиссии 61
9. Заработная плата и индекс цен 67
10. Французские финансы:
    a) Довоенные бюджеты Франции 83
    b) Рост государственного долга 84
    c) Внешний долг 91
    d) Проблема бюджетного равновесия 95
    e) Разорение держателей государственных бумаг во Франции . 107
    f) Выводы 112
11. Денежное обращение Франции:
    a) Денежное обращение перед войной 115
    b) Денежное обращение во время и после войны 116
    c) Судьбы франка 135
    d) Французские финансисты о французской валюте 140

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Коммунистической Академии
МОСКВА, Волхонка, 14, Телефон 1-18-40.

СЕКЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Д. КУЗОВКОВ

Основные моменты распада и восстановления денежной системы

Стр. 485+III. Ц. 2 р. 75 к.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Предпосылки распада денежной системы. II. Начало деградации денежной системы. III. Требование введения чрезвычайных налогов. IV. К вопросу о судьбах нашей денежной системы. V. Процесс натурализации народного хозяйства. VI. Последний год жизни старого рубля. VII. Теоретический анализ червонной валюты. VIII. Первый год существования червонца. IX. Двухчленная система бумажных денег и теория ее краха. X. Опыт послереформенного периода. XI. Перспективы денежного обращения в ближайший период.

Заказы направлять в книжный магазин
Издательства Коммунистической Академии
МОСКВА, Моховая, 26, Тел. 2-38-97.

Издательство Коммунистической Академии

Москва, Волхонка, 14. Тел. 1-18-40.

ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Серия мировое хозяйство

Е. Преображенский
Экономика и финансы современной Франции

К. Вейдемюллер
Современная Италия

Р. Кучинский
Экономика и финансы современной Германии

С заказами обращаться в книжный магазин
Издательства Коммунистической Академии
Москва, Моховая, 26. Тел. 2-38-97.

2р.

Цена 1 р. 20 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
ИЗДАТЕЛЬСТВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ,
МОСКВА, МОХОВАЯ, 26